

ISSN 2949-0936

ДАМАСКИЙ ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ Е. В. АФОНАСИН

Античная философия и классическая традиция
Приложение к журналу СХОΛΗ, Том VII

В своей «Философской истории» неоплатоник Дамаский (458–после 538 гг. н. э.) красочно рассказывает о круге позднеантичных интеллектуалов, с которыми ему довелось встречаться до того, как он стал главой Афинской школы неоплатонизма. Яркие портреты современников дополняются в *Истории* описанием культурной и политической жизни Александрии и Афин.

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АФОНАСИН
Балтийский федеральный университет

ANCIENT PHILOSOPHY AND THE CLASSICAL TRADITION
ΣΧΟΛΗ SUPPLEMENTS

VOL. VII

DAMASCIUS
THE PHILOSOPHICAL HISTORY

TRANSLATED BY
EUGENE AFONASIN

Novosibirsk 2023

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ΣΧΟΛΗ

Том VII

ДАМАСКИЙ
ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ

Е. В. АФОНАСИН

Новосибирск 2023

ББК 87.3
УДК 1 /19
А 94

Рецензенты

Р. В. Светлов (Калининград)
О. А. Донских (Новосибирск)

Афонасин, Е. В.

А94 Дамаский. Философская история / Сост., предисл., перевод и примечания Е. В. Афонасина. – Новосибирск: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ, 2023. – 189 с. (Античная философия и классическая традиция. Приложение к журналу ΣΧΟΛΗ [Том. VII]; изд. с 2020 г.)

ISSN 2949-0936

В своей «Философской истории» неоплатоник Дамаский (458–после 538 гг. н. э.) красочно рассказывает о круге позднеантичных интеллектуалов, с которыми ему довелось встречаться до того, как он стал главой Афинской школы неоплатонизма. Главный герой повествования Дамаския – его учитель Исидор, уникальный александрийский мыслитель сократического типа. Яркие портреты современников дополняются в *Истории* описанием культурной и политической жизни Александрии и Афин. Тома серии доступны по адресам: schole.ru и classics.nsu.ru/books/

*В оформлении обложки использована фотография
«Дома Дамаския» на Афинской Агоре*

© Е. В. Афонасин, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДАМАСКИЙ. ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ	55
Египет и эллинизм (фр. 1–4)	56
Исидор (фр. 5–38)	58
Александрия: просопография и история (фр. 39–58)	76
Афины в 470-е гг. (фр. 59–70)	98
Александрия в 470-е гг. (фр. 71–96)	109
«Златая цепь» (фр. 97–105)	133
Александрия в 480-е гг. (фр. 106–131)	143
Обращение к философии (фр. 132–144)	163
Афины в конце столетия (фр. 145–152)	172
Фрагменты, точное расположение которых не может быть установлено (фр. 153–159)	178
БИБЛИОГРАФИЯ	180
SUMMARY	188

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Философ в античности – это прежде всего выразитель определенного образа жизни: кинического, стоического, эпикурейского, платонического.¹ Философы неоплатоники не были исключением, в глазах их биографов превратившись в подлинные образцы совершенства, добродетели (*ἀρεταί*) которых проявлялись на всех уровнях многослойного неоплатонического универсума.

Идею о степенях добродетелей отчетливо сформулировал Плотин в специальном трактате (*Эннеада* 1.2 [19]; O'Meara 2019). Порфирий переформулировал ее в *Сентенциях* 32 и практически реализовал в жизнеописаниях Пифагора и Плотина, в которых как древний философ, так и учитель самого Порфирия предстают в образе совершенных мудрецов, своими моральными качествами далеко превзошедших обычных представителей человеческого рода. Ямвлих также посвятил степеням добродетелей специальное сочинение, к сожалению, до нас не дошедшее, и написал трактат *О пифагорейском образе жизни*, открывающий цикл его пифагорейских сочинений. Марин сочинил жизнеописание своего учителя Прокла, Олимпиодор

¹ Многочисленные свидетельства тому находим в разнообразных жизнеописаниях, самые ранние из которых датируются временем Платона и Аристотеля. Философская биография как жанр восходит, должно быть, к перипатетической школе, в частности, к сочинениям ученика Аристотеля Дикеарха (фр. 33–52 Mirhadi; Петрова 2017, 137–144).

вернулся к истокам и написал краткое жизнеописание Платона, а Дамаский представил широкую панораму неоплатонической жизни в своей *Философской истории*, к сожалению, дошедшей до нас лишь в фрагментарных извлечениях из Фотия и *Суды*.

Кардинальные добродетели идеального гражданина – рассудительность, мужество, самообладание и справедливость, – которые обсуждает Платон в *Государстве*, Плотин дополняет более совершенными, очистительными, задача коих привести душу к уму, с целью обнаружения в нем парадигм каждой из этих добродетелей. Порфирий развивает идею своего учителя и говорит о четырех видах добродетелей – гражданских (πολιτικά), очистительных (καθαρτικά), созерцательных (θεωρητικά) и парадигматических (παραδειγματικά):

Одни добродетели – у гражданина; другие – у восходящего к созерцанию и потому называемого созерцателем; иные – у совершенного созерцателя, ставшего очевидцем; и иные – у ума, поскольку он ум и свободен от души (Порфирий, *Сентенции* 32.1–5, пер. С. В. Месяц).²

Гражданские (или общественные) добродетели, культивирующие четыре кардинальных добродетели, призваны обуздать всевозможные желания, свойственные телу. Очистительные добродетели позволяют совершить следующий шаг – полностью от них отвлечься, что в свою очередь, позволит философу на третьем этапе направить все внимание на ум, а на четвертом – достичь «соединения с его сущностью» (*Сентенции* 32.70–82). Ясно, что очищение играет в этом процессе ключевую роль. Успех всего предприятия напрямую зависит от него, так как очистительные добродетели «приобретаются только в здешней жизни» и только через них «возможно восхождение к

² Издание и перевод: Brisson 2005 (комментарий к этой сентенции: т. 2, с. 628–642), Месяц 2013а.

более высоким» их степеням. Познай самого себя, постигни, что ты «душа, связанная в чужой, иноприродной вещи» – говорит Порфирий, – и ты сделаешь верный шаг на пути очищения. Лишь тогда ты сможешь «собрать себя, в том числе и пространственно, от тела, обретая совершенно беспристрастное по отношению к нему расположение» (*Сентенции* 32.100–105, пер. С. В. Месяц). Так тебе удастся избавиться, насколько это возможно, от препятствующих восхождению на более высокий уровень забот, страданий и переживаний, и достичь спокойствия души, необходимого для созерцания.

Схема получает дальнейшее развитие у Ямвлиха, который дает каждому из уровней добродетели определенное название и дополняет четыре уровня Порфирия еще тремя. Эти добродетели, в порядке восхождения от уровня к уровню, таковы: естественные (*φυσικαί*), этические (*ἠθικαί*), гражданские (*πολιτικαί*), очистительные (*καθαρτικαί*), созерцательные (*θεωρητικαί*), парадигматические (*παραδειγματικαί*), иератические или теургические (*ιερατικαί* / *θεουργικαί*).

Специальный трактат Ямвлиха о добродетелях, как уже отмечалось, до нас не дошел, однако его теория восстанавливается на основании сообщений Марина, Дамаския и Олимпиодора. Марин перечисляет уровни добродетелей в жизнеописании своего учителя, специально останавливаясь на созерцательных и отмечая, что остальные находятся уже за пределами обычных человеческих способностей (*Жизнь Прокла* 3.1–7). Теургические упоминаются далее в жизнеописании, причем Марин напрямую связывает установление этого уровня добродетелей с Ямвлихом (26.20–22), тогда как термин «парадигматические» не использует вовсе. Другой наш источник, Олимпиодор (Комментарий к *Федону* Платона 1.8.2–3 Westerink), напротив, оставляет в стороне иератические добродетели, что породило предположение, что парадигматические добродетели между созерцательными и иератическими поместил лишь Дамаский (Комментарий к *Федону*

Платона 1.138–144 Westerink).³ Напротив, Джон Финамор в специальном исследовании настаивает на том, что вся семичастная схема восходит непосредственно к Ямвлиху (Finamore 2012, 124–129).

Естественные добродетели, такие как хорошо развитые органы чувств, физическая выносливость и хорошее здоровье, даются нам от рождения (*συμφύντα*, *Жизнь Прокла* 4.5), однако каждый отдельно взятый искатель совершенства получает их не вполне случайно. Прокл, как замечает Марин, относился к тем редким существам, которые «не испили чашу забвения» (5.6–7),⁴ то есть сумели при перерождении избрать философский образ жизни. То же самое о естественных добродетелях говорит Дамаский (Комментарий к *Федону* 1.138.4), отмечая далее, что этические добродетели как раз напротив приобретаются человеком в процессе воспитания и принадлежат как разумной, так и неразумной частям души (*εἰσὶ δὲ ὁμοῦ λόγου τε καὶ ἀλογίας*, там же 139.4), тогда как гражданские добродетели используют разумную часть души для того, чтобы упорядочить неразумную (*λόγου κοσμοῦντος τὴν ἀλογίαν ὡς ὄργανον ἑαυτοῦ*, там же 140.2).

В новой усложненной схеме очистительные добродетели вновь предназначены для того, чтобы, по словам Олимпиодора, освободиться от эмоций и переживаний, тогда как созерцательные начинают действовать лишь после того, как душа сумела совсем «убежать» (*πεφεύγασιν*) от них (Комментарий к *Федону* 8.2.12). Или, по словам Дамаския, наше существо при их посредстве «устремляется скорее к уму, нежели к душе» (Комментарий к *Федону* 1.142.3). В этом отношении они носят промежуточный характер и имеют ценность лишь постольку, поскольку ведут к

³ Westerink 1976, vol. 1, 117–118; Saffrey, Segons 2002, xciii–xcviii.

⁴ По сообщению биографа, он помнил, что является звеном в «гермесовой цепи» и что в нем живет душа пифагорейца Никомаха (*Жизнь Прокла* 28). То же самое Дамаский говорит об Исидоре (*Философская история*, фр. 5). Перевод см. ниже.

парадигматическим добродетелям, присущим самому уму (διὸ καὶ αὐταὶ παραδειγματικάι, ὅτι προηγουμένως αὐτοῦ εἰσιν τοῦ νοῦ αἱ ἀρεταί, там же 1.143.4).

О связи парадигматических добродетелей с высшими, теургическими, читаем у Олимпиодора (Комментарий к *Федону* 8.2.19–20), который утверждает, что теургия как раз и призвана решить основную задачу неоплатонической философии – обеспечить слияние нашего ума с умопостигаемыми сущностями (καὶ φιλοσοφίας μὲν ἔργον νοῦν ἡμᾶς ποιῆσαι, θεουργίας δὲ ἐνώσαι ἡμᾶς τοῖς νοητοῖς, ὡς ἐνεργεῖν παραδειγματικῶς). Марин (*Жизнь Прокла* 22.8–15) описывает аналогичный процесс. По его словам, от природы наделенный прекрасными задатками, Прокл из тирноносца быстро превратился в истинного вакханта (метафора Платона: *Федон* 69c), от дискурсивного и доказательного познания совершив восхождение к созерцанию парадигм божественного ума (τὰ ἐν τῷ θεῷ νῶ παραδείγματα), обретя на этом пути добродетель, которую можно было бы назвать не разумением, а мудростью или даже чем-то большим.

Путь к этому наивысшему неопишуемому и сверхразумному состоянию носит, в некотором роде, провиденциальный характер. Дамаский напрямую связывает его с πρόνοια (Комментарий к *Федону* 28.6).⁵ Центральный эпизод жизнеописания Прокла также хорошо это иллюстрирует. По сообщению биографа (*Жизнь Прокла* 29), желая помочь девушке по имени Асклепигения, философ посетил храм Асклепия, который в то время доживал последние дни и во времена Марина уже был разрушен

⁵ Что указывает на единение на высшем уровне неоплатонического универсума – на уровне генад. Подробнее см. Finamore 2012, 127, который, со ссылкой на Saffrey, Segons 2002, 153 п. 1, также отмечает эквивалентность в этом месте πρόνοια и πρὸ νοῦ. Однако, как мы увидим ниже, термин может пониматься и в более привычном смысле как промысел или даже предвидение будущего. О теории генад см. Месяц 2013b.

христианами.⁶ Как только он обратился к Спасителю с молитвой «на древний манер»,⁷ свершилось чудо, и девушка выздоровела. Это событие имело важное значение для сохранения неоплатонической школьной преемственности, так как спасенная девушка была внучкой другой Асклепигении, дочери учителя Прокла Плутарха, а затем стала женой архонта Теагена (оказавшего впоследствии значительную помощь Академии) и матерью будущего сcholарха Академии Гегия (Дамаский, *Философская история*, фр. 63B Athanassiadi). Можно предположить, что, по мысли его биографа, Прокл в качестве «теурга» не просто стремился отблагодарить семью своего наставника, но и «предвидел» последствия своего поступка.

Назвав философа вакхантом, Платон, по мнению Дамаския (Комментарий к *Федону* 1.172), стремился показать, что каждый, сумевший отвлечься от процесса становления, как бы облачается в одеяния и философа и теурга. Правда, замечает неоплатоник, среди философов школы есть те, кто предпочитает философию (таковы Плотин и Порфирий), и те, кто больше

⁶ Храм Асклепия был расположен на южном склоне афинского Акрополя, рядом с храмом Диониса и поблизости от дома, который, как сообщает тут же Марин, принадлежал учителю Прокла Плутарху и в котором затем жили как преемник Плутарха на посту главы Академии Сириан, так и сам Прокл. Подробнее об этом доме см. Frantz 1988, 43 f, Castrén 1991, 475 f, Camp 1990, Karivieri 1994, Saffrey, *Segonds* 2002, 34, Edwards 2000, 104, а также нашу статью Afonasin, Afonasina 2014. О значении Асклепия (а также Афины и других богов) для философии Прокла см. Afonasin 2017.

⁷ Молитва на древний манер – это, конечно, образец применения того тайного «халдейского» знания, которое Проклу передала Асклепигения старшая, дочь Плутарха. Примечательно, что полученное от его отца или деда «великого» Нестория знание халдейских ритуалов Плутарх передал не сыну, а дочери. Как предполагает Джон Диллон (Dillon 2007, 123 p. 16), возможно потому, что его сын Гиерий, хотя и был философом, не очень для этого подходил.

склонен к теургии (таковы Ямвлих, Сириан, Прокл и другие «иератики»).

В качестве главы платонической школы Дамаский должно быть считал своим долгом показать путь для восстановления утраченного баланса и, уступив просьбам своих учеников и, в особенности Теодоры, просвещенной дамы, происходящей, как и Ямвлих, из знатного сирийского рода, составил жизнеописание своего наставника Исидора, поместив его в широкий контекст философской жизни своего времени.

Как и Прокл в жизнеописании Марина, Исидор в воспоминаниях Дамаския сохраняет некоторые личностные черты, однако в целом предстает в качестве некоего образца для подражания, чьи добродетели совершенны на всех уровнях неоплатонического универсума. Текст жизнеописания, к сожалению, дошел до нас не полностью, однако сохранившиеся фрагменты позволяют, как показал Доминик О'Мара (O'Meara 2006), продемонстрировать в труде Дамаския следы той же методологии, которая наблюдается у Марина. Жизнь Исидора также представлена его учеником как путь восхождения по пути неоплатонического совершенствования, причем, случайно или нет, но в сохранившихся фрагментах этого сочинения, в котором рассказывается о многих замечательных философах и теургах, последней седьмой степени добродетелей в конечном итоге, по-видимому, достигает только Исидор. Обладая выдающимися личными качествами и даже даром провидца, он был учителем сократического типа (фр. 37 и др.), более всего стремящимся помочь ученикам достичь очистительных добродетелей (фр. 38В и др.), определяющих, как мы знаем, дальнейший путь философского совершенствования.

II

Афины в представлении Дамаския были тихой гаванью, укрытием, спасающим от константинопольских политических баталий и ярости александрийских религиозных фанатиков, хотя и

здесь великое наследие Платона заметно потускнело в руках беспринципных ораторов и узколобых комментаторов, продолжавших решать лишь одним им понятные задачи. И христианство представлялось скорее симптомом, нежели причиной упадка древней традиции, как никогда ранее нуждающейся в переосмыслении и возрождении. Успех, сопутствующий Дамаскию в этом предприятии и обеспеченный им беспрецедентный рост престижа философского образования в Афинах, привели к неминуемому краху – запрету на преподавание философии в соответствии с императорским декретом 529 г. Но это случилось потом. В начале шестого века, молодой и амбициозный философ, получивший разностороннее риторическое и философское образование в знаменитой школе Гораполлона в Александрии и бежавший оттуда вместе со своим учителем Исидором, спасаясь от преследований христианских фанатиков, стремится возродить школу – духовно и физически,⁸ собрав в Афинах, по словам Агафия Схоластика, лучшие умы «всего эллинского мира» (*О царствовании Юстиниана* 2.30.3).

Изучаемый нами памятник возникает именно в этом контексте, будучи создан, как можно предположить, в первую декаду шестого века, на ранних этапах публичной карьеры Дамаския, стремящегося не только обозначить место своей школы в академической традиции платонизма, но и определить те цели, которые стояли перед этим новым образовательным учреждением. Не исключено также, что тот биографический материал, который Дамаский представил в своем труде, переосмысливался им постепенно по мере развития событий, в том числе и после закрытия школы и вынужденного путешествия афинских платоников в Персию.

⁸ О предполагаемом месте школы Дамаския – доме С на склоне афинского Ареопага, см. Athanassiadi 1999, 343–346; Афонасин, Афонасина 2020.

Текст «Философской истории» до нас не дошел и восстанавливается на основании выдержек из позднейших компиляций, поэтому его оригинальную композицию восстановить невозможно. Полимния Атанассиади (Athanassiadi 1999) в своем издании условно делит фрагменты на несколько разделов. Первыми идут несколько вводных замечаний об эллинистическом Египте (фр. 1–4), в следующем разделе собраны те отрывки, которые позволяют составить портрет Исидора, учителя Дамаския (фр. 5–38), затем следует ряд разделов, собственно и составляющих «философскую историю», как в Александрии (фр. 39–58, 71–96, 106–131), так и Афинах (59–70, 97–105, 145–152). Отдельно можно выделить группу фрагментов (132–144), так или иначе касающихся «философского обращения» Дамаския и его путешествия вместе с Исидором из Александрии, через Газу, Бостру, Берит, Афродисию и другие города в Афины.

Разнообразные сведения о философской жизни в Александрии и заключениях философов платоников в этом некогда высококультурном городе, мы рассмотрим впоследствии, с Афинами же мы впервые встречаемся в фр. 59, где, вполне предсказуемо, Дамаский говорит о Прокле. Несмотря на фрагментарность текста, перед нами раскрывается довольно пестрая и разнообразная картина философской жизни в Афинах, начиная со времен бесспорного основателя местной школы неоплатонизма Плутарха.

Из всех афинских философов того времени молодого Дамаския должно быть более всех впечатлил сириец Салюстий, кого современники считали киником, со всей прилегающий к этому статусу атрибутикой. Он босяком обошел всю ойкумену (фр. 66C), никогда не готовил пищу (66D) и, подобно Диогену Синопскому, дерзко и остроумно отвечал на вопросы сильных мира сего (66A). Этот аскетический образ жизни, как сообщается, нисколько не подрывал его физическое и душевное здоровье (66B), кроме того, по сообщению Симпликия (см. прим. к

фр. 66G), он позволял себе различные выходки, например, помещал на колени раскаленные угли и проверял, как долго он сможет это выдержать.

Салюстий был наставником сократического типа. Он постоянно испытывал и провоцировал молодых людей, заставляя их задуматься, действительно ли они сознательно избрали в качестве своей профессии такой сложный предмет, как философия? Сам Дамаский не стал исключением. По его словам, Салюстий проверял молодежь на прочность, незаметно расставляя для них интеллектуальные ловушки, в которые они попадались из-за юношеской поспешности, тем самым убеждаясь в том, что «недостаточно хороши» для такой стези (фр. 66F). Другим и не менее эффективным сценарием по-видимому была критика других учителей и школ (66E), причем Салюстий, получивший прекрасное риторическое образование (фр. 60), а также заслуживший всеобщее уважение благодаря своим моральным качествам (фр. 66A, B), остроумию (фр. 60 и 66A) и природной «проницательности» (фр. 70), должно быть делал это весьма убедительно. К сожалению, до нас дошло лишь одно содержательное сообщение о философии Салюстия. Дамаский пишет, что пятой платонической добродетелью он считал «истинное мнение» о богах, добавляя, что она может быть присуща и совершенно порочным людям (фр. 66 A). Это замечание показывает, что Салюстий в каком-то качестве участвовал в обсуждении вопроса о степенях добродетелей, столь важном для неоплатонической школы. В этом отношении примечательно сообщение о Прокле, который, как отмечает Дамаский «ставил теологию превыше всех иных разделов философии, а благочестие предпочитал его противоположности – строгой жизни, устремленной к добродетели» (фр. 59E). Если это так, то позиция Салюстия, напротив, на протяжении всей жизни стремящегося к моральному совершенству, но с заметным скепсисом относящегося к повседневным проявлениям религиозного

благочестия, прекрасно показывает источник его разногласий со схолярхом афинской школы неоплатонизма (фр. 68).

Еще одна группа фрагментов касается истории Афинской школы неоплатонизма в последние годы жизни Прокла и некоторое время после его смерти в 485 г. Превыше всех своих учеников Прокл ставил Исидора, александрийского философа и уникальную, судя по отзывам Дамаския, личность, и хотел видеть его своим преемником. Но, несмотря на все уговоры, Исидор оставался непреклонен, отмечая, что опасается в погоне за людской славой согрешить перед богами (фр. 98D).⁹ Напротив, два других кандидата этой самой славы, по словам нашего историка, только и жаждали. Одним из них был философ Асклепидот, учившийся в Александрии, а затем, женившись на дочери местного магната, перебравшийся в Афродисию и открывший там свою школу. Как сообщается, по зову Прокла он тут же прибыл в Афины (фр. 99A), однако по каким-то причинам не был избран. Мы не знаем также и о дальнейшей судьбе единственного «любимца» Прокла философа Зенодота (фр. 99B), и трудно сказать, к нему или к Асклепидоту относится следующий отрывок 99C, в котором описывается реакция кого-то из отвергнутых кандидатов. Должно быть еще более проблематичным было для Прокла открытое стремление к лидерству надменного баловня судьбы Гегия, сына благодетеля школы, сенатора Теагена. Мы знаем, что для его выдвижения были объективные предпосылки. Прежде всего, Гегий явно обладал определенными талантами, так что Прокл не только лично учил его, но и считал возможным преподавать молодому человеку «халдейскую теологию» – то, что обычно завершало, а не начинало круг

⁹ Можно также высказать предположение, что Исидор понимал проблематичность своей кандидатуры в контексте текущей политической ситуации, ведь он бежал из Александрии, его разыскивали и даже один раз арестовали.

неоплатонических наук. Но и Гегий должно быть небезосновательно считал себя продолжателем дела своих великих предков – жреца Гегия и основателя школы Плутарха (фр. 145В) и, будучи им родственником, должно быть видел не только духовные, но и легальные причины для своих притязаний на распоряжение домом Плутарха, где располагалась школа и жил сам Прокл, а также немалыми фондами школы (фр. 102), к которым, вероятно, готов был добавить и свои собственные. В этом качестве его статус легко сопоставим с положением Спевсиппа, племянника и преемника Платона. Но с другой стороны, стремясь стать «святей других» (фр. 145С) Гегий слишком раздражал окружающих своим религиозным рвением, восстанавливая забытые ритуалы и языческие святыни (даже вопреки желанию родственников), что не могло не вызывать негативную реакцию властей и ярость христианских фанатиков, возможно, не таких многочисленных, как в Александрии, но все же достаточно активных. Ведь кто-то же, по свидетельству Марина, разрушил знаменитый Асклепион в Афинах, в который ходил еще Прокл, стремясь спасти от неведомой болезни Асклепигению, будущую мать самого Гегия (*Жизнь Прокла* 29). Как бы там ни было, Гегий все же в течение какого-то времени управлял школой, вероятно, после смерти Марина и по просьбе покидающего город Исидора (фр. 151С и Е), став, по мнению Дамаския, причиной упадка философии в Афинах (145А).

Непосредственный преемник Прокла, Марин, вызывает у Дамаския неподдельный интерес. Регулярно подчеркивая его слабое здоровье, которое, возможно, не только мешало ему жить, но и не позволяло адекватно понимать «возвышенные толкования» Прокла (фр. 97), Дамаский отзывается о нем с уважением, подчеркивая его трудолюбие, честность, сдержанность, а также, что немаловажно, политический такт (фр. 100А) – то есть все те качества, которые необходимы человеку для того, чтобы адекватным образом руководить школой и распоряжаться ее имуществом в эти темные времена. Напротив,

философскую позицию Марина Дамаский совершенно не разделял, равно как и Исидор, критика которого, по легенде, привела к тому, что Марин сам сжег свой комментарий к *Филебу* (фр. 38). Из наших источников мы знаем, что Марин преподавал философию Аристотеля (там же), занимался математикой и придерживался эпистемологического толкования *Парменида*, полагая, что этот диалог трактует об идеях, а не о богах, не принимая тем самым учение Ямвлиха и Прокла о генадах (фр. 97I–J). Это не означает, что теургия и «философская религия» неоплатоников были ему чужды, что отчетливо показывает его жизнеописание Прокла, наполненное чудесными историями и описанием тех самых «чистейших прозрений благословенного мужа», в непонимании которых его обвиняет Дамаский (фр. 97I). Философская позиция Марина слегка приоткрывается благодаря небольшому трактату, записанному «с голоса» его учениками – комментарию или, скорее, введению к *Данным* Евклида. Очевидно, Марин в этой работе считает себя продолжателем дела своего учителя: так как Прокл сочинил комментарий к *Началам* Евклида (Morrow 1970, Щетников 2013), его преемник, должно быть, считал себя обязанным прокомментировать другое сочинение великого математика. Строго говоря, дошедший до нас текст не касается математических разделов *Данных*, ограничиваясь разбором основных терминов и определений, что конечно же подтверждает интерес Марина к эпистемологии и логике.¹⁰ Можно, в то же время, предположить, что, как и для Прокла, математика для него представляла интерес лишь в виде достаточно элементарных пролегомен к изучению платоновской философии.

По сути дела, в дошедшем до нас небольшом отрывке Марин объясняет основные термины этого своеобразного сочинения Евклида, своего рода задачника. Что есть «данное» (τὸ δεδομένον), спрашивает Марин, что, в целом, представляет собой

¹⁰ Текст, перевод и комментарий: Taisbak 2003.

трактат Евклида и к какой области знаний его следует отнести? Некоторые думают, что «данное» – это нечто постижимое и сводимое к чему-то одному, например, к упорядоченному (τεταγμένον), как у Аполлодора, известному (γνώριμον), как у Диодора, или выразимому (ῥητόν), как у Птолемея, даже если данные значения известны лишь приблизительно. Другие полагают, что этот термин относится к исходным данным той или иной задачи (количеству точек, отрезкам определенной длины и т. д.). Третьи считают, что данное – это упорядоченное и наличествующее (πόριμον), упорядоченное и известное, или известное и наличествующее. Упорядоченному противоположно неупорядоченное (ἄτακτος). Так единственная прямая, проходящая через две точки, упорядочена, а окружность, проходящая через две точки, не упорядочена, так как она не единственная. Правда, одна и та же фигура может быть в одном отношении упорядоченной, а в другом – нет, как, например, равнобедренный треугольник упорядочен в отношении своей формы, но не упорядочен в отношении его величины. Одни вещи нам известны фактически, например, длина этой дороги, а другие в силу их внутренних свойств. Например, если два отрезка «с двумя именами» (ἡ ἐκ δύο ὀνομάτων), то есть такие отрезки, лишь квадраты длин которых соизмеримы (Евклид, *Начала* 10.36), сложить, то целое станет несоизмеримым (ἄλογός ἐστιν) – это мы знаем в силу свойств самого математического объекта. Иррациональное (несоизмеримое, ἄλογα) же как таковое не обязательно неизвестно (ἄγνωστα). Наличествующее – это то, что можно сконструировать, а также то, что очевидно без доказательства (даже если сами вещи не определены). Напротив, отсутствующее (ἄπορον) – это то, что нам «не под силу», например, квадратура круга.

Затем, определив понятия, Марин рассматривает их совместное использование. Например, как соотносится упорядоченное и неупорядоченное, с одной стороны, и наличествующее и отсутствующее, с другой? Спираль была упорядоченной,

однако не наличествующей для математиков до Архимеда, тогда как объекты, возникающие бесчисленными способами и будучи в этом отношении неупорядоченными, становятся наличествующими, если предложить способ их конструирования. Можно также заметить, что не все, что известно, наличествует, однако все, что наличествует, известно; несоизмеримые отрезки известны, но не выразимы, тогда как все целые числа выразимы, но не все они известны; несоизмеримые объекты могут быть наличествующими, но ничто выразимое не может быть невыразимым и т. д. Главное, доказывает Марин, комбинируя эти термины, понимать разницу между свойствами самих вещей по природе и нашим знанием или незнанием об этих свойствах. Архимед доказал упорядоченность многих вещей, которые не считались таковыми его предшественниками. Если не замечать этого, то мы будем путать примеры «в отношении нас», «в отношении их природы» и «в отношении измерения».

Поэтому, определяя предмет трактата Евклида, Марин предлагает сразу же отбросить первое – перед нами отнюдь не просто задачи, «данные» (как это представляется некоторым) теми, кто их сформулировал. Второе и третье он предлагает не разделять, так как это неизбежно приводит к неполному определению. Полное же определение «данного» всегда должно включать в себя как известное ($\gamma\acute{\nu}\omega\rho\iota\sigma\mu\omicron\nu$), так и наличествующее ($\rho\acute{o}\rho\iota\sigma\mu\omicron\nu$), причем первое Марин предлагает трактовать по аналогии с родом ($\gamma\acute{\nu}\epsilon\nu\epsilon\iota$), а второе с различием ($\delta\iota\alpha\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$). Только на этом пути мы приближаемся к «научным определениям» ($\tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\tau\eta\mu\omicron\nu\iota\kappa\acute{\omega}\varsigma\ \dots\ \delta\rho\iota\sigma\mu\omicron\iota\varsigma$). Таково, собственно, содержание этого небольшого сочинения. В заключительной его части Марин кратко указывает место трактата среди других сочинений Евклида и, со ссылкой на комментарий Паппа к *Данным*, заключает, что метод этого сочинения – это анализ, а не синтез.

III

В пятой книге своего *Собрания* александрийский математик Папп¹¹ сравнивает людей с пчелами, отмечая, что, последние, как и люди, рационально организовали свое сообщество, а соты строят геометрически наиболее экономичным из возможных способов, однако, в отличие от людей, не понимают смысла своих действий. Продолжая аналогию, можно заметить, что и в любом достаточно развитом человеческом обществе численные расчеты занимают почетное место как в жизни, так и в образовании. Разнообразные литературные и эпиграфические источники позволяют с уверенностью заключить, что в позднеримский период многие получали довольно хорошее математическое образование, которое можно было применить в таких

¹¹ Папп жил в первой половине IV в. Во второй части этой книги, полностью посвященной изопериметрической задаче, Папп отмечает, что философы, вслед за Платоном, утверждают, что универсум шарообразен потому, что из всех тел «сфера превосходит своим объемом любую другую фигуру с той же поверхностью» (*Собрание* 5.19). Однако все они, говорит он, принимают это как нечто самоочевидное (см., например, фрагмент Комментария Ямвлиха к *Тимею* Платона, ap. Proclus, in Tim 2.72.31 = Iamblichus, in Tim. fr. 49 Dillon) и свою задачу видит в том, чтобы привести не только строгое доказательство этого положения (основанное на сочинении «Об изопериметрических фигурах» математика II в. до н. э. Зенодора), но и, попутно, подробно рассмотреть не только пять правильных многогранников, открытых «божественным Платоном», но и Архимедовы тела (то есть такие выпуклые многогранники, которые в качестве граней имеют два или более типов правильных многоугольников, например, усеченный тетраэдр, кубо-октаэдр и т. д.). В целом, следует заметить, что эта книга разительно отличается от других книг *Собрания* своей теоретичностью, как если бы она была адресована философам, а не профессиональным математикам (Cuomo 2000, 58).

практических сферах, как экономика, строительство или военное дело.¹² Навыки счета ценились и потому, что нередко позволяли должностным лицам достигать более высоких позиций в городской и имперской администрации, особенно ввиду реформ Диоклетиана, с последующим за ними существенным усложнением системы налогообложения и учета земель. Кроме того, представители «свободных искусств», такие как риторы, грамматики и геометры, а также врачи, получали значительные налоговые льготы.¹³ На должном уровне математическое образование призваны были поддерживать созданные в эллинистический и раннеримский период учебники арифметики, геометрии, астрономии и музыки.¹⁴

С другой стороны, абстрактная математика с характерным для нее дедуктивным методом, оставалась уделом немногих, все

¹² Знаменитый пример – архив богатого египетского землевладельца Аппиана (III в. н. э.), сохранившийся в виде папирусных отрывков, из которых следует, что этот хозяин поместий разработал сложнейшую и очень детализированную систему учета, которая позволяла ему, на основании отчетов своих управляющих, не только ясно видеть текущее положение дел в его владениях, но и планировать их будущее развитие (Суото 2001, 212–214).

¹³ См. *Дигесты Юстиниана* 50.13.1 (извлечение из сочинения из юриста III в. н. э. Ульпиана). Эти изменения находят также отражение как в Эдикте Диоклетиана о ценах (301 г.), так и в других юридических документах того времени, вошедших в *Свод римского права* Юстиниана (прежде всего, *Кодекс* и *Дигесты*). Подробнее см. Суото 2000, 30–46.

¹⁴ В дополнение к великим *Началам* Евклида (за исключением, возможно, наиболее трудной десятой книги) и некоторым разделам из математических и астрономических трудов Птолемея в распоряжении позднеантичного преподавателя математики были элементарные введения в арифметику, геометрию, музыку и астрономию Гермона, Клеомеда, Никомаха и Теона Смирнского. См. комментированные переводы этих позднеантичных учебников, выполненные А. И. Щетниковым (Афонасин, Афонасина, Щетников 2014).

в большей степени ассоциируясь со своего рода пролегоменами к платоновской философии. Это вполне естественно, учитывая то значение, которое придавал математике сам Платон, в частности отмечая, что геометры делают свои выводы, идеализируя объекты и отвлекаясь от их конкретной формы (*Государство* 510e). Неудивительно поэтому, что Прокл, комментируя первую книгу *Начал*, считал, что задачей Евклида было совместить теорию отношений Евдокса и теорию иррациональных Теэтета с великим учением Платона о пяти правильных телах. Именно поэтому судьба математики как науки так тесно связана с судьбой неоплатонизма в целом.¹⁵ Должно быть поэтому же разграбление толпой христианских фанатиков александрийского храма Сераписа в 392 г., спровоцированное епископом Феофилом, уже современниками воспринималось как поворотное событие, предвестник последующей катастрофы, в том числе и в сфере классического образования.¹⁶ Так же, спустя столетие,

и 2017). Об образовательной программе Гемина подробнее см. Жмудь 2021, 278 сл.

¹⁵ Детали этой истории см., например, в работе Япа Мансфельда, одна из глав которой посвящена непосредственно месту Паппа в истории платонизма (Mansfeld 1998, 99–121).

¹⁶ Это антихристианское выступление Феофил использовал как повод для конфискации имущества Серапеума и других языческих храмов Александрии, каковых в то время в городе насчитывалось, согласно сохранившемуся реестру, около двух с половиной тысяч. Полученные в результате огромные суммы были использованы на строительство церквей и другие нужды, в том числе, как известно, на подкуп константинопольских чиновников и епископов для того, чтобы сместить константинопольского патриарха Иоанна Хризостома. Многие исследователи датируют разрушение храма 391 г. на основе эдикта, сохранившегося в составе *Кодекса Феодосия* (16.10.11), однако, как показывает И. Хан (Hahn 2008, 340 sq.), эдикт касается лишь запрета на отправление языческих религиозных культов, что не предполагало физического их уничтожения. Разумеется, любая попытка, как об этом пишет Дамаский, «по древнему обычаю при свете

оценивает это событие и неоплатоник Дамаский, сравнивая его с разрушительным потоком, все сметающем на своем пути, в качестве значимой фигуры того времени упоминая иначе неизвестного Олимпа, жреца Сераписа и философа, должно быть, практикующего теургию (фр. 41F). К сожалению, мы не располагаем какими-либо дополнительными данными об этой фигуре. Несколько больше известно о героине следующего фрагмента его «Философской истории», философе Гипатии, ставшей жертвой еще более кровавых событий, инициированных преемником Феофила Кириллом.

Гипатия была дочерью и преемницей александрийского математика Теона.¹⁷ В своем «Малом комментарии к *Подручным*

дня свершать таинства в честь бога [Сераписа]» (*Философская история*, фр. 41G) могла спровоцировать восстание, что, вероятно, и произошло в том же или (как предпочитает считать Хан) следующем году. Из современников событий о политических и правовых обстоятельствах разграбления Серапеума пишет Руфин (*Церковная История* 11.22) и, вслед за ним, другие церковные историки. Сократ Схоластик (*Церковная история* 5.16), который учился в Константинополе у бежавших после этих событий из Александрии грамматиков Гелладия и Аммония, вероятно, располагал и дополнительными сведениями, позволяющими поставить под сомнение ряд утверждений Руфина (Nahn 2008, 347 sq.), в том числе его сообщение о вооруженной защите храма и его осаде, приведшей к разрушениям. Ситуация выглядит несколько иначе: Сократ сообщает (5.16.2), что антихристианское выступление произошло после того, как храм был разграблен и священные объекты из него были выставлены на площади на всеобщее обозрение. Изменения коснулись не только храма Сераписа. Современник событий поэт Паллад (*Греческая антология* 9.180–183, 10.90 и др.) рассказывает, как храм Тихи в это время был превращен в таверну, а олимпийские боги «христианизированы».

¹⁷ Гипатия погибла от рук христиан в марте 415 г. Так как у нее учился будущий епископ Кирены Синесий, родившийся ок. 370 г., то естественно предположить, что она была несколько старше него. Эти

таблицам (Procheiroi canones) Птолемея» Теон упоминает два затмения, солнечное и лунное, произошедшие, соответственно, 16 июня и 25 ноября 364 г., а в другом месте – некое соединение планет, случившееся в 377 г. Другими данными, которые позволили бы датировать время его жизни, мы не располагаем, однако можно предположить, что Теон прожил долгую и продуктивную жизнь, опубликовав, причем в нескольких редакциях, *Начала* Евклида, ряд комментариев к Птолемею и Арату, и другие сочинения, возможно, связанные с трудами Диофанта, армиллярной сферой и астролябией. В некотором смысле, Теон продолжает программу, начатую его старшим современником Паппом Александрийским, чье *Собрание* представляло собой обширный очерк геометрии (Rome 1936 и 1943, Ciuno 2000). В обоих случаях перед нами сочинения, призванные скорее систематизировать имеющиеся математические и астрономические знания, нежели открыть новые, и, кроме того, собственно научные труды неизменно дополняются в них внимательным отношением к платонической философии. Безусловно, Теон не был математиком первой величины, но и время, в которое он жил, этому не способствовало. Мусей доживал последние дни, библиотеки опустели, ученики, интересующиеся математикой, стали редкостью. В подобных условиях комментированное издание основополагающих трудов по геометрии и астрономии выглядело как важнейшая задача. И действительно, лишь благодаря усилиям Теона сохранились *Подручные таблицы* Птолемея, а *Начала* Евклида очень долгое время были известны и изучались в его издании.

О вкладе своей дочери Гипатии в эту программу Теон сам говорит в приписке к третьей книге своего Комментария к *Синтаксису* Птолемея: из нее можно сделать вывод о том, что она

соображения позволяют предположить, что она родилась ок. 350–355 г. (Penella 1984).

подготовила текст Птолемея, начиная с третьей книги, для последующего комментирования его Теоном.¹⁸ Кроме того, из сообщения Гесихия¹⁹ мы узнаем, что она редактировала «астрономический канон»,²⁰ а также комментировала *Арифметику* Диофанта и *Конику* Аполлония. Очевидно, таковы были ее научные занятия, что, конечно же, не должно было мешать преподаванию философии, риторики или логики широкому кругу учеников, посещающих ту школу, которую оставил ей отец. О специальных философских работах Гипатии ничего не сообщается, хотя Дамаский и пишет, что она публично толковала Платона, Аристотеля и других философов (*Философская история*, фр. 43А).

Коническими сечениями (эллипсом, параболой и гиперболой) занимался еще Евклид, однако наиболее основательно их

¹⁸ ... комментарий ... издание «сличенное» моей дочерью философ Гипатией (ὁπόμενα ... ἐκδόσεως παραναγνωσθείσης τῆ φιλοσόφῃ θυγατρὶ μου Ὑπατίᾳ). Подробнее см. Cameron 2016a, 192, который резонно замечает, что эта работа не так проста, как это может показаться на первый взгляд, ведь перед нами не литературное произведение, а математический трактат, поэтому задача редактора состояла отнюдь не только в исправлении ошибок и восстановлении текста. Напротив, редактору необходимо было не только перепроверить утверждения Птолемея, но и содержательно обновить их с учетом новых достижений в астрономии, решить задачи, оставленных автором без подробного объяснения, придав им современную форму, переписав с использованием новых математических обозначений и т. д. Оригинального текста *Подручных таблиц* до нас не дошло, поэтому степень редактирования невозможно оценить, однако мы знаем, что издание *Начал* Евклида, подготовленное Теоном, во многих случаях существенно отличается от оригинала, и сделано это с очевидной целью: он готовил учебник, понятный его слушателям.

¹⁹ В составе статьи о Гипатии в Лексиконе *Суда*.

²⁰ То есть одну из двух версий («Большого» или «Малого») Комментария Теона к *Подручным таблицам* Птолемея (Cameron 2016a, 191). Издание обоих комментариев: Tihon 1978, Mogenet–Tihon 1985, Tihon 1991.

изучил Аполлоний Пергский.²¹ Систематизация этого непростого раздела математики, безусловно, требовала очень хорошей подготовки. Еще в большей степени это относится к *Арифметике* Диофанта²² – одному из самых сложных математических сочинений в истории греческой математики. Очевидно, что в совокупности труды Теона и его дочери составили круг математических наук: издания и комментарии Евклида и Аполлония раскрывали перед учениками геометрию, комментарий к труду Диофанта – арифметику, а комментарий к Птолемию – астрономию. Не хватает лишь гармоник, если только сообщение о попытке Гипатии, на пифагорейский манер, излечить одного из своих учеников от несдержанной страсти (фр. 43А), не следует понимать в том смысле, что музыкой она также занималась, ведь не исключено, что этот список неполон, как думал, например, У. Норр, попытавшийся в своем монументальном сочинении идентифицировать вклад Гипатии в книгах III–XIII комментария Теона к *Синтаксису* Птолемея, *Коники* Аполлония и *Арифметике* Диофанта на основе их стилистического анализа (Knorr 1989, 754 sq.).²³ Возможно, эта задача

²¹ Который провел большую часть своей жизни в Александрии (во времена Птолемея Филадельфа, 221–204 гг. до н. э.). Первые четыре книги его *Коники* дошли до нас по-гречески, хотя и при посредстве комментария Евтокия (нач. VI в.), еще три, с пятой по седьмую, – в переводе на арабский язык, восьмая утеряна.

²² Который, как мне удалось продемонстрировать, жил не ранее середины II в. н. э. (Afonasin 2016). Из 13 книг его *Арифметики* сохранилось лишь 10, причем 4 в переводе на арабский.

²³ Он предположил, что ряд задач в *Конике* Аполлония, которые в оригинале оставались без доказательства (возможно, в качестве упражнения для студентов), были затем решены Гипатией и в таком виде вошли в комментированное издание этого трактата Евтокием. То есть, как и в случае с Птолемеем, задача Гипатии состояла в редактировании текста и подготовке его к изданию. Аналогичным образом, еще ранние издатели *Арифметики* Диофанта Таннери (Tannery) и Хит

не казалась Теону и Гипатии актуальной, так как в это время был доступен пространный Комментарий Порфирия к *Гармонике* Птолемея, несомненно, известный в неоплатонических кругах.²⁴ Не стоит недооценивать значимость той работы по консервации остатков арифметических, геометрических и астрономических знаний Античности, которой посвятили свои жизни Теон и Гипатия, хотя современным исследователям так и не удалось приписать им ни одного нового математического результата.

IV

Александрийскую философскую сцену первой половины и середины пятого века украсили, согласно Дамаскию, Гиерокл (фр. 45), Гермий (фр. 54) и его сын Аммоний (фр. 57), а также такие меньшие фигуры, как ученик Гиерокла Теосебий (фр. 45–46), грамматик Аммониан (фр. 47), упоминание о котором позволило Дамаскию прокомментировать отношение своего учителя Исидора к поэзии и риторике (фр. 48), преподаватель искусства красноречия Теон (фр. 49), друг Гермия Эгипт (фр. 54), его второй сын

(Heath) заметили, что доступный нам текст содержит ряд интерполяций, которые можно приписать позднему редактору. Естественно предположить, что это была Гипатия, так как в античности никто *Арифметику* Диофанта, похоже, не комментировал. Более того, арабский перевод *Арифметики*, как оказалось, еще пространнее греческого, что делает предположение о том, что в этом случае мы также имеем дело с комментарием, еще более естественным. Подробнее о проблемах, связанных с идентификацией вклада Гипатии в редактирование текста этого сочинения, см. Deakin 2007, 98 sq.

²⁴ К слову сказать, определенный вклад в изучение гармоник внесла единственная женщина-музыковед античности Птолемида Киренская (ок. 259 г. до н. э.), возможно, современница Эратосфена (ок. 275–194 гг. до н. э.), написавшая упоминаемое Порфирием «Пифагорейское учение о началах музыки» (текст и соответствующая литература: Афонасин, Афонасина, Щетников 2015, 164–173).

Гелиодор (фр. 57) и современник Аммония философ Гиеракс (фр. 57–58). Специальное внимание Дамаский уделяет Эдессии, жене Гермия, которую он застал в живых в годы своей молодости и к которой относился с огромным уважением (фр. 56).

По словам Дамаския, Гиерокл²⁵ отличался выдающимися ораторскими способностями. В некотором смысле можно утверждать, что с его именем связано возрождение платонической школы в Александрии. Действительно, хотя здесь более, чем где-либо, процветали как религиозные учения (гностицизм, манихеизм, иудаизм, христианство), так и наука и словесность, неоплатоническое учение в узком смысле этого слова пришло в Египте в упадок, наверное, еще в начале третьего века. Во всяком случае, нам не известно ни об одном крупном александрийском философе после соученика Плотина Оригена (ок. 250). Источником возрождения стал, по свидетельству самого Гиерокла, афинский неоплатонизм Плутарха. Кроме того, если целью поездки Гиерокла в Константинополь также было преподавание, то он, должно быть, внес определенный вклад и в развитие столичной философской мысли – вероятно, достаточно заметный для того, чтобы вызвать неудовольствие христианских властей, что привело к его изгнанию (фр. 45В).

По словам Дамаския, Гиерокл проявил себя как выдающийся и оригинальный комментатор диалогов Платона, каждый раз по-новому развивающий темы классических диалогов (фр. 45А). С Дамаскием согласен и христианский неоплатоник

²⁵ По сообщению Фотия его книга «О промысле» посвящена историку Олимпиодору Фиванскому, чье сочинение посвящено имп. Феодосию II (правил с 408 по 450 гг.) и касается событий, произошедших в 407–425 гг. С другой стороны, в седьмой книге сочинения «О промысле» Гиерокл сообщает, что был учеником Плутарха Афинского (*Библиотека*, код. 214), который умер ок. 431 г. Следовательно, время научной активности Гиерокла приходится на первую половину пятого века (Schibli 2002, 3–4). Наиболее подробное исследование филологии Гиерокла: Aujeulot 1986.

Эней из Газы (ок. 450 – после 518), в диалоге «Теофраст» связывающий время активности Гиерокла с лучшими годами александрийской философии.²⁶

Гиерокл не публиковал своих комментариев к Платону, записей его лекций до нас также не дошло, однако его комментарий к пифагорейским «Золотым стихам» пользовался неизменной популярностью вплоть до эпохи Возрождения и даже, в византийский период, подвергся «христианизации».²⁷ Комментарий делится на три части, соответствующие трем степеням неоплатонических добродетелей: гражданским (гл. 1–19), созерцательным (гл. 20–25) и очистительным (гл. 26–эпilog).²⁸ Он касается таких тем, как трехчастная классификация существ (бессмертные боги – герои – люди), четыре кардинальные добродетели (в особенности практическая мудрость), роль платонического демиурга в осуществлении космического порядка, концепция «колесницы души» и, наконец, значение теургии для достижения богоподобного состояния. Можно предположить, что текст предназначался для студентов Гиерокла и служил им в качестве введения в философию, ведь именно в таком

²⁶ Очевидно, что Эней знал сочинение Гиерокла «О промысле» (см. новый перевод: Gertz, Dillon, Russel 2012). Герман Шибли отмечает, что сам факт этого упоминания не доказывает, как это часто утверждается, что Эней был учеником Гиерокла (Schibli 2002, 13).

²⁷ См. издание: Koehler 1974; комментированный перевод на английский язык: Schibli 2002; перевод на русский язык: Петер 1996.

²⁸ Эта классификация является вариацией того, что предложил, вслед за Платином, Порфирий (Порфирий, *Сентенции* 32.1–5), который говорит о четырех видах добродетелей – гражданских (πολιτικάί), очистительных (καθαρτικάί), созерцательных (θεωρητικάί) и парадигматических (παραδειγματικάί). Как мы знаем, Ямвлих и афинские неоплатоники, включая самого Дамаския, увеличили количество добродетелей до семи. См. об этом выше, в первом разделе Предисловия.

качестве «Золотые стихи» использовал и Ямвлих в своем *Протрептике* (10–16).²⁹

Другое произведение Гиерокла, озаглавленное «О промысле», до нас не дошло, однако оно было известно Фотию (*Библиотека*, код. 214 и 251; Schibli 2002, 22–31, 329 сл.). Трактат представлял собой своего рода неоплатоническую историю философии и состоял из семи книг, последняя из которых и задавала подобающую перспективу: ключевой фигурой, согласно Гиероклу, был Аммоний Александрийский, возродивший платоническую мысль. За ним следуют его ученики, Плотин, Ориген, Порфирий, Ямвлих и, наконец, учитель автора трактата, Плутарх Афинский. Шесть предшествующих книг в определенном смысле раскрывали предысторию этой значимой трансформации платонизма, сначала тематически (книги 1–3), а затем исторически (книги 4–6). Именно, после вводной книги и общего описания платонической доктрины во второй, Гиерокл опровергал противников платонизма в третьей, а затем переходил, в четвертой и пятой книгах, сначала к доплатоновской философии, а затем, в шестой, к философии от Платона до Аммония. Если бы этот трактат дошел до наших дней, Гиерокл, несомненно, занимал бы гораздо большее место в наших учебниках по истории античной философии.

Многие ученики и последователи Платона и Аристотеля, говорит Гиерокл (Фотий, *Библиотека*, код. 251; далее 251.3; см. также 214.2, 214.8 и др.), стремились доказать, что их учителя противоречили друг другу во многих ключевых моментах своих учений, и даже допускали фальсификации для того, чтобы продемонстрировать эту точку зрения. Эта прискорбная ситуация

²⁹ Нет никаких сомнений в том, что свой интерес к неопифагорейству и теургии Гиерокл унаследовал от Ямвлиха, как непосредственно, так и под влиянием своего учителя Плутарха. О пифагорействе неоплатоников в целом см. O'Meara 1989.

продолжалась многие столетия до тех пор, пока Аммоний, «бог вдохновенный муж», не смог усмотреть в философии Платона и Аристотеля той ключевой основы, которая их в действительности объединяет.³⁰

Каковы же основные идеи, интересующие Гиерокла? В код. 251 Фотий приводит выдержки из второй и третьей книг несохранившегося трактата «О промысле», которые, судя по всему, более или менее соответствуют развитию мысли самого автора и сохраняют исходную терминологию. Согласно Гиероклу (251.18), говоря о занебесной «области» (*Федр* 247c), Платон все не имел в виду, вопреки мнению некоторых комментаторов, физически определенное место, используя это понятие в переносном смысле (что вполне согласуется с неоплатоническим толкованием, см., напр. Плотин, *Эннеады* 2.4.12, 2.5.3 и др.). Соответственно, в другом месте (251.22–24) он детально истолковывает *Федр* 249a и *Тезет* 173a–b как указание на два типа философствования – созерцательное и практическое: «один из них на самом деле философствует, не обращая внимания на дела людей, другой же философствует как влюбленный, из любви к людям и ради упорядочивания их дел».

Наконец, в *Законах* (709b) говоря, что «бог всем правит», но, в то же время, «человеческими делами управляет случай и удача», Платон хочет сказать, что «божественный промысел управляет сверхчувственными, неизменными и поэтому безгрешными сущностями, тогда как разумным существам, которые временами увлекаются неразумием и поэтому исполняются злом, он приписывает промысел в виде смешения удачи и случая» (251.19). Доказательству этого последнего положения и

³⁰ В целом, о неоплатонической традиции «гармонизации» Платона и Аристотеля см. Nadot 2015 (в особенности о Плутархе и Гиерокле: с. 97–102).

защите его от неверных толкований философов (стоиков, некоторых перипатетиков и платоников), астрологов и магов, собственно, и посвящен трактат «О промысле».

Иллюстрацией этого положения может стать и толкование места из *Тимея* 89b (которое, по словам Фотия, содержится уже в 10 главе третьей книги трактата, 251.28), где Платон описывает виды движений и замечает, что для организма лучшим будет собственное движение или, в крайнем случае, движение самого тела при помощи посторонней силы, тогда как движение, полностью вызванное посторонней силой, например, очистительными средствами или другими лекарствами, – самое нежелательное и допустимо лишь в случае крайней необходимости, так как, продолжает мысль Платона Гиерокл, «каждому живому существу самой природой предписано время болезни, определяемое его видом: лошадь живет столько-то лет, корова – столько-то ... если только дикое животное или какая-нибудь внешняя причина не оборвет их жизнь раньше времени». Однако, продолжает Гиерокл (251.29), случайным образом что-то может произойти лишь с неразумным существом, деревом или камнем, для разумных же существ, каковыми являются люди, «время их смерти определено в соответствии с заслугами души», так как «каждый из нас получает на основании предыдущих жизней ту, которую заслуживает по решению судящего нас даймона», который и определяет наши «национальность, город, отца, мать, момент зачатия, конкретное тело, характер, события в жизни, а также способ и час нашей смерти». В свете сказанного в *Тимее* 42b, в мифе Эра в *Государстве* и в других местах, такое толкование предполагает крайне аллегорическое понимание платонической эсхатологии. Именно таким образом, завершает свою мысль Гиерокл, для каждой отдельной души окажется возможными «промысел, суд, наказание, очищение, рождение, жребий и смерть, которая не происходит случайно, и, наконец, путешествие в Аид под руководством того даймона, которому дана в удел наша жизнь» (30). Именно по

этой причине все несчастья, которые кажутся случайными, в действительности представляют собой разные формы наказания, заслуженные в этой или прошлой жизни, так что «прошлые дела становятся причиной для последующих, а то, что находится в нашей власти, влечет за собой события, совершающиеся помимо нашей власти, тогда как делаемый человеком выбор исправляется законами необходимости, которые творец положил для наших душ» (31).

Если Гиерокл оценивается Дамаскием весьма позитивно, то в отношении Гермия (ок. 410–450), учившегося вместе с Проклом у Сириана в Афинах и затем основавшего свою школу в Александрии, он гораздо более сдержан. Не исключено, что юношей он мог учиться у самого Гермия и, совершенно точно, провел некоторое время в школе его сыновей Аммония и Гелиодора.³¹ Вслед за Дамаскием, современные исследователи склонны отказывать Гермию в оригинальности, в единственном сохранившемся его сочинении, Комментарии к *Федру* Платона, усматривая конспект лекций его учителя Сириана на соответствующую тему. Как бы там ни было, этот единственный дошедший до нас комментарий к *Федру* очень важен для истории неоплатонизма, но следует отметить, что с недавних пор отношение историков философии к Гермию также начало меняться, о чем свидетельствует недавнее великолепное собрание статей, ему посвященное.³² Так, хотя в развертываемом в ком-

³¹ Наиболее значимым исследованием, посвященным Аммонию, остается Tempelis 1998. Хотя Аммоний и его последователи, такие как Асклепий, Иоанн Филопон, Захария, Гессий, Олимпиодор, Псевдо-Геллоидор и анонимный автор комментария к *Об истолковании* Аристотеля, в основном работали в перипатетическом ключе, их связь с платонизмом не была полностью потеряна, как и стремление гармонизировать учение Аристотеля с платонизмом (см. Hadot 2015, 146–155).

³² Finamore, Manolea, Wear 2018.

ментарии учении о небесном путешествии души легко усмотреть влияние Ямвлиха и Сириана, все же можно выделить области, в которых рассуждения Гермия отличались от учения Сириана. Так, для его комментария характерно специфическое отношение к авторитетным религиозным текстам (прежде всего, орфике и *Халдейским оракулам*) и оригинальная классификация («теотаксономия») небесных сущностей; он развивает среднеплатоническую теорию о даймонах двух типов, низших, управляющих миром, и высших, посылающих наказания, и, особенно, в контексте диалога, о даймоне Сократа; наконец, он своеобразно пишет о роли «колесницы души» в качестве посредницы между душой, даймоном и другими божественными существами.³³ Разумеется, теории о теле души, которая сама по себе является бестелесной сущностью, высказывались всеми платониками, в основном на основании метафор колесницы души в *Федре* (246a, 247b) и астрального тела в *Тимее* (42b, 69c), однако неоплатоническое эфирное (или пневматическое) тело души (ἔχημα) – это нечто другое, отличное от того астрального транспорта, который бог предоставляет душе на время ее небесного путешествия. Известно, что Ямвлих и, вслед за ним, Гиеврокл, считали астральное тело души ее вечной интегральной частью, тогда как Плотин и Порфирий (на основании своего толкования *Халдейских оракулов*, фр. 104 Des Places), полагали, что это нечто внешнее, добавляемое к душе в процессе ее нисхождения.³⁴ По-видимому, Гермий принимает первую точку зрения, описывая промежуточную роль эфира (пневмы) в процессе мышления и восприятия (Комментарий к *Федру* Платона, 129.25–

³³ Об этом говорит Клаудио Морескини (Moreschini), автор недавнего издания Комментария и основательной работы о нем (Finamore, Manolea, Wear 2018, 151–168, Moreschini 2009). См. также Tarrant, Baltzly 2017.

³⁴ Ямвлих, *О душе*, фр. 38 Finamore–Dillon (Афонасин 2020, 319–320 сн. 10–11), Ямвлих, Комментарий к *Тимее*, фр. 83 Dillon (Светлов 2020, 183–189). См. также Дамаский, Комментарий к *Федону* Платона 1.177.

29), в другом месте комментария (201.24) называя, подобно Порфирию (*О воздержании* 1.31, 2.46), эфирное тело души χιτών.

V

Гераиск и его брат Асклепиад занимались тем, что можно назвать практической реализацией неоплатонизма. Они, в особенности склонный к мистицизму Гераиск, стремились не только интерпретировать традиционные египетские культы в неоплатоническом ключе, но и даже, под видом «восстановления древних» верований, учреждать новые (фр. 72В и 76Е). В той или иной степени к этому стремились все неоплатоники, например, Прокл (Марин, *Жизнь Прокла* 32, ср. Дамаский, фр. 142В),³⁵ но усилия братьев, должно быть, были особенно заметны современникам. «Экспортом» философской религии примерно в то же время занимался также знатный и богатый житель Афродисии Асклепиодот (фр. 86В), чьи усилия сделали его заметной фигурой даже в Александрии.

Асклепиад писал гимны в честь египетских богов и «задумал» сочинить трактат о мифической истории Египта (фр. 72D). Последующие разрозненные свидетельства (фр. 74–75) показывают, что в основе его рассуждений лежали различные «символические» толкования египетской иероглифики и атрибутов богов. Примеры очень традиционны: гиппопотам символизирует бесстыдство (см. Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 32, Порфирий, *О воздержании* 3.24), крокодил – справедливость (Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 18),³⁶ общее количество котят, которые приносит кошка – 28, что соответствует фазам луны (Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 63). Правда, не исключено, что текста самого

³⁵ Подробнее см. Афонасин, Афонасина 2017, 276–278.

³⁶ Речь идет об особом крокодиле («сухос», то есть бог Себек, чье святилище находилось в Фаюме) и история связывается с папирусной лодкой Изиды, так как, согласно иному толкованию, крокодил символизировал наглость (Климент Александрийский, *Строматы* 5.42.1).

Асклепиада Дамаский не видел, воспользовавшись сочинением Гораполлона (подробнее см. Athanassiadi 1999, 191 п. 175). В любом случае, можно не сомневаться в том, что Асклепиад стремился, как до него Ямвлих, установить согласие между различными формами богословия, восточными и западными, привлекая для этого обширный египетский материал, который он, судя по всему, очень внимательно изучал (фр. 72D).

В галерее портретов философов-современников Прокла, представленных Дамаскием, полной противоположностью Гераиску, Асклепиаду и Асклепиадоту оказывается Домнин, который, по сообщению Марина (*Жизнь Прокла* 26), учился у Сириана вместе с Проклом и стал преемником своего учителя. В отличие от этих первых он отнюдь не был «святым», отличался вздорным характером (фр. 89A, 93), однако был сведущ в математике. Напротив, Платона он понимал на свой манер, что вызвало резкую критику со стороны Прокла. Должно быть, он двигался в том направлении, куда в конечном итоге пришел приемник Прокла Марин – к своего рода математическому платонизму. В период всеобщего увлечения теологией и теургией, эти предметы были не слишком популярными среди изучающих философию, тем не менее, как показывает фр. 93, он все же занимался преподаванием, причем с учениками обсуждал именно математические вопросы.

Следующее поколение философов, согласно Дамаскию, украсил Асклепиодот Младший, подружившийся с вышеупомянутым Асклепиодотом Старшим в Александрии и впоследствии женившийся на его дочери.³⁷

Наряду с платонической философией этот Асклепиодот интересовался естественными науками и медициной. Прокл посвятил ему свой Комментарий к *Пармениду* Платона (618.16–20), считая его лучшим другом и философом возвышенного ума.

³⁷ Подробнее см. Athanassiadi 1999, 37 sq. и 348–349.

К сожалению, его сочинения до нас не дошли, если он вообще что-то писал.

С детства Асклепидот увлекался различными искусствами и ремеслами (*tekhnai*), такими как смешивание красок; он изучал свойства камней и трав, и достиг определенных успехов в различных областях аристотелевской науки, таких как естественная история животных и растений (фр. 80). Не исключено, что именно он изготовил дошедшие до наших дней солнечные часы в Александрии (Athanassiadi 1999, 203 n. 205).

Дамаский сообщает, что гостил у него на своем пути из Александрии в Афины, и описывает его как философа, не вполне уверенного в теологических вопросах, однако лучшего среди современников в области естественных наук, склонного к синтетическому мышлению и стремящегося, даже в области этики, все сводить к физике. Асклепидот не только собирал информацию. Он, согласно Дамаскию, обладал и критическим умом, нередко задавая остроумные и сложные вопросы (фр. 85A).

Наставник Асклепидота в искусстве медицины, сын одного врача с острова Родос, по имени Якоб, представлен у Дамаския как образец врача и ученого (фр. 84). Якоб научился искусству медицины у своего отца Гесихия, который путешествовал в течение многих лет по всей ойкумене от Италии до Константинополя, практикуя медицину и приобретая новое знание. Вернувшись назад в Константинополь отец Якоба обнаружил, что большинство местных врачей не проводят самостоятельных исследований и лечение основывают на различных книгах и сборниках рецептов, никогда не подвергая сомнению мнения авторитетов (фр. 84A–C). Гесихий посчитал это неприемлемым и решил передать своему сыну настоящие и проверенные знания. Очевидно, отец и сын приобрели в свое время репутацию опытных врачей, хотя методы лечения, которые приписывает им Дамаский, очень сильно напоминают то, что можно прочитать о пифагорейской медицине у Ямвлиха (*О пифагорейском образе жизни* 244). Наши врачи отвергали операции и прижигания

(«огнем и ножом»), а также кровопускания, предписывая вместо этого диету, очищающие средства и холодные ванны. Эти методы, как сообщается, помогали даже от серьезных нарывов (фр. 84D). Будучи в Афинах, Якоб предписал Проклу воздерживаться от капусты и использовать вместо нее в качестве слабительного мальву. Однако философ отказался следовать предписанию врача, строго исполняя пифагорейский пищевой запрет.³⁸

Поведение Якоба задавало стандарты медицинской этики: он был вполне доволен вознаграждением из городской казны, никогда не брал денег с пациентов (фр. 84G); «был мягок и добр по отношению к каждому нуждающемуся» (фр. 84H). Пациенты любили его и доверяли его словам, называя спасителем («как Асклепия в древности», фр. 84E), и даже воздвигли статуи доктора в Афинах и в Константинополе (фр. 84I и Malalas 14.38, 292 Thurn). Наконец, он был приверженцем древних религиозных ритуалов и лично общался с божеством: «У Якоба была асклепическая душа, от природы наделенная целительской (букв. «пеанической») силой.³⁹ Более того, он настолько страстно стремился к осуществлению своего призвания, что это не только приблизило его к божеству, покровительствующему его искусству, но и привело к возникновению подлинной близости между ними» (fr. 84E).

³⁸ См. Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни* 109; ср. *Халдейские оракулы*, фр. 210а.

³⁹ Ср.: «[как и в мантике] в медицинском искусстве сама пеаническая сила должна принадлежать богам, тогда как функции служения и помощи достаются даймонам... Ведь, как и Эрота, Асклепия окружают множество даймонов: некоторые шествуют позади бога, а некоторые – впереди. Смертным же в удел достается медицинское искусство, основанное на созерцании и опыте, благодаря которым одни осваивают божественное искусство врачевания в большей степени, а другие – в меньшей» (Прокл, Комментарий к *Тимею* Платона I 49A, 158.17–25 Diehl).

Подобным же образом, Гесий,⁴⁰ ученик неоплатоника Аммония и известный врач, живший в Александрии в начале VI в., не только «достиг большей точности, нежели современные ему врачи и ятрософисты», но и был причастен Асклепиевой мудрости (фр. 128), как, впрочем, и великий схолярх Афинской Академии Прокл, который, согласно его биографу, посетил святилище Асклепия в Афинах незадолго до его разрушения христианами (Марин, *Жизнь Прокла* 29).⁴¹

Мы читаем, что с молодых лет Асклепиодот стремился самостоятельно освоить различные технологии и аккумулировать практические знания. Так он изучил различные красители и способы окраски ткани, специально занимался методами обработки древесины, очевидно, знания эти получая в результате подробных бесед с мастерами (фр. 80). Впоследствии он научился синтезировать газообразные вещества, в том числе ядовитые (фр. 87А). Он успешно занимался домашним хозяйством, а также изобретал различные приспособления, в том числе удивительные механизмы для храмов (фр. 87В). Мы знаем, что всевозможные храмовые приспособления (различные самостоятельно открывающиеся ворота, самозажигающиеся светильники и и тому подобные «чудеса» техники) пользовались большой популярностью в античности, и Асклепиодоту, в качестве наследника его тестя Асклепиодота Старшего, который, как уже отмечалось (фр. 86В), активно поддерживал городские религиозные институции и даже учреждал новые, необходимо было продолжить участвовать в этих программах. Очевидно, они были довольно затратными, так как даже поправив дела своего предшественника, Асклепиодот в конечном итоге все же не справился с различными социальными обязательствами его семьи, оставив своим дочерям одни долги (фр. 83В).

⁴⁰ Подробнее см. Athanassiadi 1999, 291 n. 342.

⁴¹ Подробнее см. наш очерк «Неоплатонический Асклепий» (Афонасин, Афонасина 2027, 137–154).

Еще Асклепиодот любил замечать необъяснимые явления природы. В частности, как-то вечером он возвращался домой из Авлона, где посещал храм Аполлона, и заметил восходящую луну, положение которой он не мог объяснить (фр. 82), другой раз он наблюдал странное явление на небе, которое можно было интерпретировать как появление неведомого существа (фр. 96E), случались с ним и видения (фр. 96A). Для Дамаския это чудеса, такие же как чудесное спасение философов из реки (фр. 81), однако сам Асклепиодот мог рассказывать об этих случаях именно как о непонятных природных явлениях.

Ряд свидетельств хорошо иллюстрирует эмпирический подход Асклепиодота, совершенно не характерный для типичного философа его времени. Например, он пытался восстановить способ исполнения энгармоники, экспериментируя с двадцатиструнным инструментом магидидой (фр. 85B). Заметим, что сам по себе этот музыкальный строй хорошо известен. Его, например, разбирает Прокл в Комментариях к *Тимею* Платона 2.168.14 сл. Он описан в различных позднеантичных руководствах по гармонике (цитаты из Никомаха см. в примечаниях к фрагменту). Проблема, которую решал Асклепиодот, была не теоретической, а практической. Так как этот строй включал в себя интервалы в четверть тона, возникал вопрос, как их услышать и как правильно продемонстрировать на монохорде. Именно это и оказалось невозможным выполнить, так как у экспериментатора возникла сложность с различением на слух столь малых интервалов.

Мы не знаем, насколько эффективным оказалось лечение с помощью столь опасного и ядовитого средства, как белый морозник, но очевидно, эта попытка была вполне в духе той экспериментальной медицины, которую практиковал учитель Асклепиодота Якоб и он сам (фр. 85D–E). Примечательно также, что он как-то проверил на себе им самим изобретенную защиту от вредных газов, закрыв органы дыхания гиматием и спустившись в пещеру с ядовитыми испарениями. Прodelав это без

вреда для себя, он затем, спустя некоторое время, провел ряд химических опытов, пытаясь синтезировать газ с подобными свойствами (фр. 87).

Таким образом, на фоне всеобщего увлечения платоников теургией и другими формами философской религии, практикой благочестия и, в качестве научной составляющей, теоретической математикой, Асклепидот выделяется своей склонностью к эмпирическим исследованиям, которые можно было бы применить в ботанике, биологии, медицине, геологии, для изучения и развития технологий и даже, если верить сообщению Дамаския о том, что во время своего путешествия из Афин в Афродисию он «изучал людей», то и психологии. Это последнее подтверждается и замечанием Дамаския о том, что он стремился в практическом плане истолковать известное неоплатоническое учение о степенях добродетелей (фр. 85А).

VI

Согласно Светонию (*Жизнь двенадцати цезарей* 4.34) император Калигула приказал уничтожить все статуи «прославленных мужей», которые еще Август перенес с Капитолия на Марсово поле, запретил без его согласия воздвигать статуи живым людям, и даже собирался изъять изваяния Вергилия и Тита Ливия, вместе с их сочинениями, из библиотек. Характерным образом, аргументировал он этот акт ссылкой на Платона, который предлагал удалить поэтов из идеального государства. Напротив, император Адриан развернул масштабную программу по увековечиванию памяти о славном прошлом, причем не только римском, но и греческом, что нашло отражение в возведении новой библиотеки в Афинах, получившей его имя.⁴² Эта библиотека была не просто ценным собранием книг, но и

⁴² Подробнее о ней, в общем контексте истории античных библиотек, см. соответствующую главу книги Casson (2001, 109–123).

сама стала архитектурным шедевром. Согласно Павсанию (*Описание Эллады* 1.18.9), Аристиду (*Панафинейская речь* 1.354), Евсевию (*Хроника* 227) и другим античным авторам, библиотека представляла собой культовое сооружение, стены и потолок которого были украшены картинами и другими произведениями декоративно-прикладного искусства, а в нишах среди колонн стояли статуи знаменитых мужей. Это ослепительное убранство, похоже, затмевало в глазах посетителей основную функцию здания – собственно библиотеку. Платон, наверное, предложил бы изгнать все это «далекое от действительности подражательное искусство» (*Государство* 598c) из храма науки и образования, каковым должна быть библиотека, в то же время не отрицая силу самого изобразительного искусства (см., например, *Федр* 251a).⁴³ Ведь, как заметил еще Горгий (*Похвала Елене* 14 и 17–19), искусство, как словесное, так и изобразительное, – это «фармакон», яд и лекарство одновременно:

Увидевшие нечто ужасное люди, бывало, временно трогались рассудком (*φρονήματος ἐξέστησαν*): так страх гасит и изгоняет мысль (*νόημα*). Многие пали жертвой напрасных страданий, жутких болезней⁴⁴ и неизлечимых безумств. Зрение запечатлевает в разуме образы увиденных вещей. И многие из них, притом ужасные, остаются, и оставшиеся подобны тем, о которых говорилось. Но и художники, когда

⁴³ Менее поэтическим языком, но зато более определенно об этом высказывается и Аристотель, неоднократно отмечая идеологическую роль изобразительного искусства в обществе (*Никомахова этика* 1128a и др., *Поэтика* 1149a и др., *Политика* 1340a и др.). Из недавних работ о роли поэзии в «идеальном городе» см. статью А. С. Афонасиной (2020). Размышления об изобразительном искусстве в библиотеках от античности и до нашего времени см. в книге Yun Lee Too (2010, 191–243), а также в серии работ Д.Ю. Дорофеева (2021a, 2021b).

⁴⁴ В другой рукописи наоборот: «напрасных болезней и жутких страданий».

они многими красками и телами в совершенстве изображают одно тело и форму, радуют тем самым взор. А мужские изваяния и статуи богов вызывают сладостную резь⁴⁵ в глазах. Ведь в природе зрения заложено страдать от одних вещей и желать (ποθεῖν) другие, и множество вещей прививает (ἐνεργάζεται) многим людям эротическую любовь (ἔρωτα) и желания по отношению ко многим вещам и телам. Так что, если глаза Елены, плененные видом тела Александра, передали ее душе вождедение и вдохновенные Эротом сомнения,⁴⁶ то что в этом удивительного?

Искусство восхищает и пугает. Много веков спустя неоплатоник Дамаский «даже вспотел от страха и смятения», когда увидел в Александрии статую Афродиты с посвятительной надписью софиста Герода,⁴⁷ а ведомая местным епископом толпа александрийских христиан методично разрушала статуи храма Сераписа и уничтожала его библиотеку, проникнувшись чувством, аналогичном тому, что испытывал разъяренный император.

⁴⁵ Букв. «болезнь». В рукописи стоит ὅσον («настолько»). Исправление на νόσον («болезнь»), предложенное Dobree, учитывая следующее предложение, очевидно. Keil предложил более нейтральное θέαν («видение»).

⁴⁶ Букв. ἀμιλλα «[внутренняя] борьба» (ср. 13, выше, где этим же словом характеризуются философские споры). Перевод всей речи: Афонасин 2021, 72–79.

⁴⁷ «Когда я увидел ее [впервые], – говорит он, – моя душа наполнилась такой радостью, что я не в силах был покинуть это место и пойти домой. Несколько раз впоследствии я приходил сюда только для того, чтобы посмотреть на нее. Сколь прекрасно изваял ее скульптор! В ней не было никакой слащавости и чувственности (ἀφροδίσιον), но лишь степенность и мужественность: в полном вооружении, словно только что вернувшись с победой, она стояла с выражением удовлетворения на лице» (фр. 63 Athanassiadi).

Дамаский описывает еще несколько случаев общения человека с изваяниями. Один из самых курьезных – случай в одном из учеников неоплатоника Сириана в храме Асклепия. Его звали Домнин и он был родом из Сирии.⁴⁸ Заболев, он отправился в храм афинского Асклепия и получил такой же оракул, как и их престарелый наставник Плутарх Афинский – употреблять в пищу как можно больше свинины, что он и сделал, хотя это и противоречило обычаю его народа. Напротив,

...Плутарх не мог принять такое лечение, хотя оно и не противоречило обычаям его страны, так что, проснувшись и облокотившись на своей кровати, он обратил свой взор на изваяние Асклепия (ведь в это время он как раз спал в вестибюле храма) и сказал: «Господин! Что ты предписал бы иудею, страдающему от той же болезни? Разве и его заставил бы есть свинину?» Так он сказал. В ответ из статуи раздался мелодичный голос Асклепия, предписывающий иное лечение от его болезни.

Как показывает «Философская история», неоплатоники не просто жили в межкультурном окружении, но и старались активно с ним взаимодействовать. В частности, они стремились дать новую интерпретацию мифам негреческого происхождения. Примечательно такое уникальное свидетельство Дамаския (*Философская история*, фр. 142В; Athanassiadi 1999, 315).

Философ сообщает следующий миф: восьмой сын бога по имени Садик и брат Диоскуров и Кабиоров, Эшмун вызвал интерес у финикийской богини Астронои, Матери Богов. Юный бог отверг ухаживания богини, кастрировал себя топором и умер.

⁴⁸ Случай рассказывает Дамаский (фр. 89 Athanassiadi), кроме того, Домнина в качестве преемника Сириана упоминает Марин (*Жизнь Прокла* 26).

Однако богиня воскресила его и, «оживив своим жизнетворным теплом, превратила юношу в божество», призвав для этого на помощь бога врачевания Пеана. Не известно, какими источниками пользовался Дамаский. Не исключено, что он прочитал об этом в *Финикийской истории* Филона из Библа или обратился к местной устной традиции (Athanassiadi 1999, 315 n. 376).⁴⁹ Примечательно то, что некая народная история затем истолковывается философом в платоническом ключе. Именно, финикийское божество Эшмун идентифицируется с Асклепием из Берита и помещается, на основе неясных этимологических и генеалогических аналогий, на Восьмую сферу, то есть над Седьмой сферой, где обитают планетарные боги. Сама по себе история полностью идентична мифу о Кибеле и Аттисе, чье оскопление и последующее воскресение призваны символизировать природные циклы.⁵⁰ Именно эту историю, согласно Ма-

⁴⁹ Археологические и эпиграфические данные свидетельствуют о том, что этот древний финикийский культ был адаптирован греками и римлянами. В Сидоне сохранились руины святилища Эшмуна, которое было возведено еще в VI в. до н. э. и использовалось вплоть до римского периода подобно Асклепионам, как это показывают раскопки 1963–1978 гг., в ходе которых в храме и его окрестностях были обнаружены различные votivные предметы. В одной надписи II в. до н. э. из Сардинии Эшмун отождествляется с Асклепием (KAI 66). На римской монете III в. н. э. Эшмун изображен между двумя змеями, а на римской пластинке из Сидона – в компании Гигеи.

⁵⁰ См., например, *Сатурналии* 1.21, где Макробий сначала (1–6) интерпретирует Адониса как солярное божество, которое то возвращается к радующейся богине Венере (в верхнюю полусферу Земли), то спускается к скорбящей богине Прозерпине (в нижнюю полусферу), а затем (7–10) переходит к Кибеле и Аттису, символизирующих, соответственно, Землю и Солнце. Когда Солнце-Аттис спускается в преисподнюю, наступает всеобщая скорбь, когда же он возвращается «в восьмой день до апрельских календ», вся природа славит его воскре-

рину (33), Прокл комментировал философским образом и написал об этом специальную книгу, к сожалению, до нас не дошедшую. Вспомним, что лидийский бог из Адротты, идентифицировался не только с Махаоном и Подалирием, но и с Диоскурами. Ясно, что перед нами еще один пример интерпретации Асклепия как изначально природной «умирающей и воскресающей» силы, вознесенной затем на высший, должно быть, солярный, уровень, что, кстати говоря, находит соответствие в гимне Прокла Гелиосу (15–27), где солярное божество сначала объявляется высшим звеном в цепи, являющей Феба (Аполлона), в чьем блеске рождается Пеан, наполняющий здоровьем весь мир, а затем отождествляется с «отцом Диониса» (то есть Зевсом), Аттисом и Адонисом.⁵¹

сение. Напомню, что в предыдущей главе у Макробия речь в аналогичном ключе идет об Асклепии, а затем – о Геракле, который также мыслится как солярная сущность.

⁵¹ Павсаний (*Описание Эллады* 7.23.7–8) приводит мнение одного финикийца, который полагал, что Асклепий – это сын Аполлона и у него не было смертной матери: «Асклепий – это воздух, поэтому он столь необходим для поддержания здоровья как в людях, так и во всех животных, тогда как Аполлон – это Солнце, и его вполне основательно можно считать отцом Асклепия, так как именно оно своим согласованным движением обеспечивает смену времен года и придает здоровье воздуху». Примечательно, что совершенно аналогичную роль Макробий отводит Аттису: «Мать богов [Кибела]... едет на львах, животных, мощных своим напором и пылом, каковая природа свойственна небу, чьим охватом удерживается воздух, который несет землю. Солнце же в облике Атгиса украшает свирель и посох. Свирель показывает упорядочивание переменчивого дуновения, потому что ветры, в которых нет никакого постоянства, берут надлежащую природу от Солнца, а посох подтверждает власть Солнца, которое всем управляет...» (*Сатурналии* 1.21.8–9, пер. В. Зверевича). Ср. далее (22.4), где со ссылкой на это место Макробий аналогично интерпретирует свирель и посох Пана – бога, фигурирующего, как мы помним, вместе с Матерью богов у Марина.

Но вернемся к статуям, точнее, истории их разрушения. Дамаский передает веру египтян в то, что именно священные изображения обеспечивают существующий порядок вещей, поэтому, когда «некие люди тайно разбили и уничтожили посвященную статую, то, лишенные божественной помощи, живущие в той местности египтяне с трудом сохраняли гавань, рассчитывая лишь на человеческие силы и умения» (фр. 53В). Скорее всего, речь идет о получившем невероятный резонанс истории о разграблении христианами тайного храма Изиды в Менутисе, о котором Дамаский упоминает и в фр. 58.⁵² Пишет об этом и Захария Схоластик (*История* 19, 28–29, 33), сообщая, что сокровища храма были вывезены в Александрию на двадцати верблюдах и там публично сожжены. Согласно церковному историку, претензия епископа была основана на открытии того факта, что на алтаре этого храма по-прежнему приносились кровавые жертвы богам, что эксплицитно запрещалось законом (*Кодекс Феодосия* 13.16).

Подчеркнём, что хотя императорский эдикт предписывал суровое наказание каждому, кто поклоняется языческим изваяниям, запрет эксплицитно касался лишь религиозной практики,

⁵² Город Менутис, располагавшийся близ Канопа, затонул после 740 г. в результате землетрясения. В 1999–2000 гг. французские подводные археологи обнаружили в заливе Абу-Кир, на месте древнего города, многочисленные памятники (фрагменты городских строений, сфинксы, амфоры для вина, статуи и монеты). Подробнее см. Goddio 2006. Ср. также фр. 86Е, посвященный биографии философа Асклепиодота. Захария Схоластик (*История* 16–17) также пишет, что Асклепиодот Старший, «один из самых известных граждан Афродисии и член городского совета», выдал за философа Асклепиодота свою дочь. Вероятно, событие имело место ок. 480 г. Спустя несколько лет после того, как супругам не удалось завести ребенка, они отправились в тогда еще не подвергшееся разграблению святилище Изиды в Менутисе с тем, чтобы обратиться к богине с просьбой даровать потомство. Их просьба, как повествует далее история, была услышана.

в особенности, жертвоприношений, поэтому античные статуи в большом количестве продолжали украшать города и частные дома, а в Константинополь свозились со всей Римской империи. Конечно, были случаи, когда уничтожались даже частные собрания. Например, сообщают, как Прокопий из Газы врывался в жилища и уничтожал обнаруженных там «идолов» (Марк Дьякон, *Жизнь Порфирия* 71), однако в целом господствующая идеология стремилась скорее проинтерпретировать наследие прошлого, нежели его полностью разрушить, как, например, усилиями патриарха Александра александрийский храм Кроноса был в 325 г. преобразован в церковь (Naas 1997, 209).

Теологи, разумеется, осуждали как идолопоклонство, так и иные суеверия. Истоки можно усмотреть в иудейской традиции. Трактат «Авода Зара» (в особенности, третья глава) явно осуждает любое поклонение идолам и символам. Раннехристианские писатели вторят иудеям, например, Климент Александрийский, который в четвертой книге *Протретики* стремится продемонстрировать независимость божественного влияния от бездушных физических изображений, которые созданы людьми и легко могут быть ими уничтожены. Против ложных популярных верований (в том числе и своих единоверцев) выступают Тертуллиан, Теодорет и другие христианские писатели. Основной предмет критики – доказательство того, что сами по себе изображения и статуи не могут обладать сверхъестественными способностями, оказывать позитивное или негативное воздействие, защищать или насыпать погибель. Именно подобное видение «идолов» беспокоило церковные власти и отдельных христиан, что нередко приводило к насильственным действиям, как показывают не только литературные

свидетельства, но и, в особенности с недавнего времени, исследования археологов.⁵³

Следует заметить, что эти последние, лучше, нежели склонные к тенденциозности литературные свидетельства, показывают, как различные стратегии взаимодействия между приверженцами языческих культов и официальным христианством, так и, что особенно важно, нелинейность того пути, по которому христиане продвигались к своей цели, так ее и не достигнув, ведь, как демонстрируют многочисленные свидетельства, арабским завоевателям в наследство досталась как языческая, так и христианская Александрия. Мы видели, что церковные власти нередко позволяли полное разрушение языческих святилищ, как это случилось в 392 г. с храмом Сераписа, инициируя полномасштабные гонения на язычников и физическое их устранение, о чем Дамаский свидетельствует во многих разделах своей истории. Напротив, в ряде случаев они стремились лишь «нейтрализовать» языческий культ, изображая кресты на статуях и используя древние храмы в качестве церквей и, соответственно, привлечь на свою сторону языческую интеллектуальную элиту. В целом, данный материал позволяет взглянуть на историю более комплексно, реконструируя сложный культурный контекст.

В заключение сделаю еще несколько замечаний, касающихся ряда политических аспектов «Философской истории».

⁵³ В частности, можно упомянуть многочисленные фрагменты статуй, обнаруженные при современных раскопках храма Сераписа, собрание скульптур, спрятанное в V в. обитателями виллы Сиди Бишр, богатые находки в Ком эл-Дикка, заброшенное в VI в., но не разрушенное святилище Изиды в Рас эл-Сода к востоку от Александрии, а также храм небольшой Озириса в Таросирисе, раскопанный в 2004 г. Подробнее см., например, Besançon 2000, Fine 2005, Hannestad 1999 и Kristensen 2009.

VII

Противостоять «господствующей вере» – долг неоплатоника. Однако долг этот можно исполнять по-разному. Можно, подобно Серапиону, вести частную жизнь, незаметную для представителей господствующей идеологии (фр. 11). Этот александрийский философ, – должно быть, старший современник Исидора и его личный друг, – весьма преуспел на этом пути, «запершись в своем домишке» и «общаясь с немногими соседями лишь в случае крайней нужды». Философ отличался своим благочестием, всегда принимал участие в публичных ритуалах, касающихся традиционной религии, все остальное время ведя «богоподобное существование», сочиняя гимны божествам, медитируя и занимаясь толкованием книг Орфея, которые он, не располагая иным имуществом, и завещал Исидору.

Он был глубоким мыслителем, часто обсуждавшим сложные теологические вопросы с Исидором, ни в коей мере не стремясь выносить эти дискуссии на публику. Дамаский специально подробно пишет об этой уникальной личности, отмечая, что в противном случае о нем и его образе жизни люди так и не узнали бы, и противопоставляя его многочисленным честолюбивым и, нередко, поверхностным коллегам по философскому цеху, в особенности тем, которые своим вызывающим поведением лишь усугубляли положение дел и нарушали редкий хрупкий баланс даже там, где он время от времени достигался. Ярким примером, «во всем противоположным Серапиону», был ритор и политический деятель Пампрепий. Обладая определенными литературными талантами, Пампрепий быстро продвинулся как у себя на родине в Египте, так и в Афинах, где он не только стал известным грамматиком, но и удачно женился на богатой женщине, что, должно быть, открыло ему дорогу в политику (фр. 112В). Проявлял он и интерес к философии, соперничая с афинскими платониками, всеми, кроме Прокла, к мудрости которого он «не мог даже приблизиться» (фр. 112В). Не преуспев среди знатоков философии он, тем не менее, научился пускать

пыль в глаза людям несведущим, – в частности, покорив своей велеречивостью крупного константинопольского сановника Илла, что позволило ему сделать блестящую карьеру в столице (фр. 77D). Однако это стало началом конца, когда, поддержав неудачное выступление Илла против императора Зенона, он активно вмешался в политику, подстрекая приверженцев традиционной религии сначала в Константинополе, а затем в Александрии выступить против императора и реставрировать древний порядок, демонстрируя им какие-то «пророчества», предрекающие скорую гибель христианства (фр. 113 L–N).

Пампрепия ждал бесславный конец, и вполне заслуженно (фр. 115C), однако подобная активность, его и ему подобных, привела к тому, что жестоко пострадали многие люди, ведущие достойный образ жизни – грамматики, риторы и философы, чьей единственной виной было неприятие «господствующей веры». Главу александрийской философской школы Гораполлона и философа Гераиска, которого превозносил, по словам Дамаския, сам Прокл (фр. 76E), пытали на дыбе, требуя выдать вовремя скрывшихся от преследований властей Гарпократа и Исидора (фр. 117 и 128). Брата Дамаския Юлиана арестовали в общественных банях и подвергли пыткам (фр. 119F, H–K). Никто из них не предал своих. Арестован был выдающийся александрийский грамматик Агапий (фр. 126), казнен в Константинополе теург Максимин (фр. 139), под пытками умер софист Иоанн (фр. 131), разделив судьбу погибшей несколькими десятилетиями ранее от рук христианских фанатиков Гипатии (фр. 43E). Александрийский философ Аммоний, не выдержав давления, вынужден был пойти на сделку с властями (фр. 118). Впрочем, как полагает Дамаский, свою роль здесь сыграл, как и в случае с Гораполлоном, корыстный расчет (фр. 120B). Напротив, высокопоставленный чиновник Севериан, получивший великолепное и всесторонне образование в области риторики и

римского права, а затем учившийся у самого Прокла, не пожелал, рискуя карьерой, принять предложение стать христианином, исходившее от самого императора Зенона (фр. 108).

Незаметно подтачивали авторитет языческой философии и такие персонажи, как Гиларий, который «отдал» свою жену на попечение другу, а сам, избавившись таким образом от семейных обязательств, прикатил в сопровождении наложниц из Антиохии в Афины изучать философию у Прокла (фр. 91). Не лучше был и Акаматий, который, не ограничившись искусством предсказаний, стремился убедить жителей Гелиополя в том, что разбирается в философии, так что проезжающим через этот город Исидору и Дамаскию пришлось предпринять усилия для того, чтобы убедить людей в обратном и показать полную некомпетентность этого «простеца» (фр. 140).

И все же Дамаский ищет и, как ему кажется, находит достойный выход для честного человека, живущего в эти темные времена. Он не согласен «забиться в угол», «и оттуда многословно и величественно философствовать о справедливости и благоразумии», так как «речи, не подкрепленные делами, суетны и пусты» (фр. 124). С этой целью он отправляется в Афины и, благодаря своим организационным талантам, возрождает академическую традицию, заметно потускневшую после смерти Прокла, но теперь вновь, по словам Агафия Схоластика, переживающую расцвет и объединившую лучшие умы всего эллинского мира (*О царствовании Юстиниана* 2.30.3).

ДАМАСКИЙ

ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ (Жизнь Исидора)

Полный текст этого произведения Дамаския не сохранился, однако он был доступен патриарху Фотию (IX в.), охарактеризовавшему его как «не столько жизнеописание Исидора, сколько рассказ о других людях, как его предшественниках, так и современниках». Выдержки из этих рассказов он цитирует и пересказывает в разных местах своей мону-ментальной *Библиотеки* (причем, сначала он выбирает некоторые биографические сообщения, а затем возвращается к началу сочинения и использует те разделы, которые понравились ему по литературным соображениям). Он отмечает также, что книга состояла примерно из 60 глав и была слишком большой, чтобы считаться биографией. В лексиконе *Суда* (X в.) наше сочинение названо «Философской историей» и используется в качестве источника примеров употребления различных слов и выражений, а также для биографических статей. В ряде случаев сведения из Фотия и *Суды* пересекаются. Фрагменты сочинения Дамаския впервые собрал и перевел на немецкий язык Рудольф Асмус (Asmus 1911). На основании этой работы спустя полвека их издал Клеменс Цинтцен (Zintzen 1967). Наконец, Полимния Атанассиади (Athanassiadi 1999) вновь изучила и систематизировала доступные нам свидетельства. Данный перевод избранных фрагментов из «Философской истории» основан на этой публикации.

В данной работе ссылки на *Библиотеку* Фотия даются, как и в книге Атанассиади, по изданию Непгу 1959–1977 в форме Ф 6, где 6 – это номер соответствующей выдержки. Лексикон *Суда* полностью доступен по изданию Adler 1928–1938, и ссылка Σ 3.35.30 указывает на со-

ответствующую книгу (3), главу (35) и раздел (30) лексикона. В некоторых случаях отрывки выглядят как цитаты из нашего сочинения, в других – это лишь пересказ его содержания. В ряде случаев имя Дамаския не упоминается, поэтому я сохраняю астериски, предложенные Полимнией Атанассиади для того, чтобы отметить статус того или иного фрагмента: Σ^* указывает на то, что данный отрывок из *Суды* по всем признакам принадлежит Дамаскию, хотя его имя и не названо, а $^*\Sigma$ указывает на тот факт, что в данном случае авторство Дамаския вероятно, но не может быть подтверждено. Угловыми скобками отмечены лакуны текста, квадратными – пропуски и пояснения перевода.

I

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЕГИПЕТ И ЭЛЛИНИЗМ (ФР. 1–4)

1

(Ф [Фотий] 1 Henry) То же, что египтяне – это вроде бы самый древний человеческий род из тех, о которых мы слышали, мало от кого ускользнуло, учитывая обилие сказанного об этом и написанного...

2

А (Ф 2) Подобная мудрость, сокрытая в святилище той истины, что раскрывается в мифах, тихо и неспешно открывается лишь тому, кто способен обратиться к богу священным светом своей души.¹

В (Ф 231) Тайнства свои они совершают скрытно, непостижимым способом и не рассчитывая получить взамен что-либо в этой жизни, в надежде лишь на небесную жизнь для себя и на благополучие всех египтян.²

¹ Образ заимствован из *Государства* 540a.

² Ср. Ямвлих, *О мистериях* 10.6–7.

3

- А (Ф 3) Превыше всех богов египтяне почитали Озириса и Изиду, одного считая творцом всего, придавшим упорядоченность материи формой и числом, а другую орошающей и питающей его творение через бесчисленные протоки все наполняющей жизни.³
- В (Σ* [Суда] 3.568.31 Adler) Одни говорят, что это Дионис, другие – что какой-то иной бог. Он был разорван на части демоном Тифоном, что стало причиной великой печали для всех египтян, и о его расчленении постоянно вспоминают.
- С (Σ 3.568.14) Озирис, Дионис.⁴

4

- А (Σ 2.613.14 + Ф 232) Иератика и философия восходят не к одному и тому же началу. Философия от единой и всеобщей причины простирается до низших уровней бытия через все промежуточные роды – божественный, следующий в своем совершенстве за божественным, и так называемый третий, мир явлений. Иератика же, то есть служение богам, протягивает цепь возвышенного спасения до самого третьего, космического (*περικοσμίου*), мира становления.⁵ Будучи основана на космических причинах, она занимается следующим: бессмертием души, о чем египтяне философствуют так же; бесчисленными жребиями, выпадающими в Аиде в соответствии с индивидуальными добродетелями и пороками; а также бесчисленными изменениями в жизни, когда одна душа в разное время обитает в разных человеческих телах

³ Атанассиади (р. 77, п 6) предполагает, что здесь Дамаский цитирует строку из *Халдейских оракулов*.

⁴ Пересказывается греко-римская интерпретация египетского мифа о гибели Озириса. Тифон идентифицируется с египетским богом Сетом, а Озирис с Дионисом.

⁵ Ср. Ямвлих, *О мистериях* 10.6 и Дамаский, Комментарий к «Федону» Платона 1.172, где функция теургии описывается сходным образом.

или в различных видах животных и растений. Ничто из вышесказанного не принадлежит лишь философам по эту сторону [Средиземного моря], и эллинские учения, если угодно, можно с легкостью согласовать с египетскими. Ведь первыми так рассуждать начали именно египтяне, а в Элладу это принесли пифагорейцы, научившись у египтян.

В (Ф 4) ...«третий» вместо «в-третьих».

С (Ф 5) И будет это слияние с божеством или даже совершенное с ним единение, восхождение наших душ к богу, когда они возвращаются назад и собираются воедино после многократного деления или даже, можно сказать, раздирания на части, ведь, слетев вниз и приняв земное тело, они отрываются от самих себя и повсюду разбрасываются в «тифонических» или, иначе, «гигантских» страданиях, в самом деле, не только тех, что заставляет испытать Тифон, но даже более мучительных.⁶

II

ИСИДОР (ФР. 5–38)

5

А (Ф 6) Настало время объяснить, ради чего мы завели эту речь, а также вернуться к рассуждению, отклонившемуся от своего предмета.

В (Ф 7) Спорхнув вниз с апсиды небесного храма,⁷ она [душа] получила земную жизнь.

С (Σ (Суда) 3.35.30) Мне кажется он кричал, нисходя в область существования: «Я прибыл сюда из лучшего места».

⁶ Ср. *Федр* 230a (где Сократ сравнивает себя с Тифоном, которые не «знает себя»), а также фр. 5В и 12А.

⁷ Букв. «с небесной апсиды». Выражение из *Федра* 247b1–2. Развиваемая выше (фр. 4С) метафора применяется здесь к Исидору.

6

- А (Ф 8) Но кто-то, возможно, решит, что я, как говорят, несу какую-то блажь. И в самом деле, уместен вопрос: «Почему тебе, мой друг, очевидно, что этот философ действительно происходит из душ такого [герметического] рода (ἀπὸ τοῦδε τοῦ ἔθνους ὤρμητο)?»⁸ Отвечая, я не буду нападать на собеседника, как на суде, но выскажусь сдержанно, представлю вам свой рассказ не со страстью, как если бы стремился достичь абсолютной точности, но так, как это принято при составлении жизнеописаний, то есть расскажу лишь то, что сам считаю верным, и то, что лично слышал от своего наставника.
- В (*Σ 4.241.14) Мне представляется, что будет полезным избежать несоразмерности (ἀμετρίαν) как в том, так и в другом и, как подобает в случае с древними историями, должным образом все приспособить (προσαρμόσαι).

7

- (Ф 9 + Ф 233) Север [консул 470 г.] был римлянином и по закону был римским патрицием. Когда мы вместе жили в Александрии он рассказывал, что видел камень, на котором была видна луна в различных фазах, то растущая, то убывающая в зависимости от положения солнца, причем, солнце также было на этом камне, и поэтому подобные им называют «синодитами». Рассказывал он и о том, что видел солнечный камень, но не подобный тем, что встречали многие из нас, из тех, что проливают золотистые лучи из самых своих глубин; в самом центре этого камня располагался солнце-подобный диск, похожий на некий огненный шар, который наполнял его светом до самых краев. Ведь и сам камень был шарообразным. Видел он и селенит, но не тот, в котором, если его

⁸ Как уже отмечалось, по сообщению его биографа Прокл также помнил, что является звеном в «гермесовой цепи» и что в нем живет душа пифагорейца Никомаха (*Жизнь Прокла* 28).

смочить, проявляется мениск, и который поэтому называется гидро-селенитом, но другой, естественным образом изменяющийся вслед за изменениями фазы луны, настоящее чудо природы.

8

А (Ф 234) Распространялись смутные и неясные слухи...

В (Ф 235) Большинство верили на слово тому, что египтянин сгинул, однако ходили слухи и о том, что он уцелел.⁹

9

А (Ф 10) Казалось, что Исидор знал об искомом, однако не желал говорить.

В (Ф 11) Все это, как утверждается, ему также отчетливейшим образом открылось благодаря некоему удивительному видению.

С (Ф 12) Великий Исидор был настолько одарен природой и учаем способностью к пророческим видениям, что я не переставал удивляться тому, насколько часто мое восприятие происходящих событий соответствовало тому, что было предсказано. Но вообще-то почти все александрийцы благодаря как природе, так и случаю видят пророческие сны, и ныне называя эти сны «оракулами».

Д (Ф 236) Вряд ли этого состояния можно достичь сознательно; должно быть поэтому оно присуще лишь непорочным [душам].

Е (Ф 13) Когда Исидор пробуждался, невыразимое видение пропадало. Ведь оно не было достаточно ясным и глубоким для того, чтобы сохранять свой блеск и сияние в затемняющем его свете чувственно воспринимаемых вещей. Когда же душа, избавившись от воздействия чувственного восприятия и будучи как бы парализована сном, отстранялась от

⁹ Возможно, речь идет о Пампрепии. См. ниже фр. 77С–D, 112В, 115С.

всего этого, лишь тогда в ней, предоставленной самой себе и свободной от всех препятствий, вспыхивала вечно сущая божественная искра и, распространившись в полной мере вовне, заставляла наконец померкнуть и этот мир иллюзий.

- F (Ф 14) Он говорил о божественных видениях двух видов, тех, что связаны с ощущениями в состоянии бодрствования и тех, которые могут привидеться лишь во сне, истинными, впрочем, считая и те и другие.

10

A (*Σ 3.627.7) Предрекая будущее по воле божества.

B (*Σ 1.284.8) Все, по его мнению, случается в согласии с пророчествами.

11

(Σ* 2.668.25) По молодости лет с ним приключилось чудо. Восемнадцатилетний сын его сестры, его ровесник, с молодых лет отличавшийся необычайной силой, упал с крыши и тут же скончался. Все горько оплакивали его смерть, он же являлся Исидору во сне и его утешал.

12

A (Ф 15) Он стремился покинуть переполняющийся сосуд (ὄχετός) рождения.

B (Σ 1.154.18) С отвращением отвергая рождение, Исидор душой постоянно стремился к богу. И никто не видел и не слышал его болтающим попусту; одними и теми же словами он говорил одно и то же, толкуя о добродетели и пороке.

C (Ф 312) Заглушая (καταβῶν) все ощущения, он более всего стремился заглушить тактильное, ведь именно оно самое земное и твердое (ἀντίτυπον), низвергающее душу в вечно текущий сосуд (ὄχετός) рождения.

13

(Ф 16) Исидор тогда выглядел рассудительным, умудренным годами, основательным и надежным. Его лицо, почти квадратное, отражало священный прообраз Гермеса Логия.¹⁰ А его глаза! Как выразить мне неподдельную красу самой Афродиты, поселившейся в них? Как передать мудрость Афины, которая в них светилась? Не устану повторять, что они представляли собой некое невообразимо слаженное соединение противоположностей: неподвижно устремленные [на собеседника], они в то же время отличались живой подвижностью. Как описать мне присущую им способность непрерывного движения и в то же время устремленности в одну и ту же точку, а также то, как по его воле [его взгляд приобретал] то основательность и очарование, то глубину и пронзительность? Иными словами, его глаза были настоящим зеркалом¹¹ его души, и не только ее, но и того божественного истечения, которое поселилось в ней.

14

(Ф 17) Его органы чувств были развиты умеренно, достаточно для удовлетворения лишь повседневных нужд. И не только чувство, но и эта восковая фигура, воображение,¹² не отличалась особой памятью и отнюдь не была лишена некоторой забывчивости.¹³ Должно быть, сам бог хотел показать, что он

¹⁰ Согласно неопифагорейской традиции, каждая правильная фигура соответствовала тому или иному божеству. Гермесу, как отмечает Дамаский в своем комментарии к *Пармениду* (127), соответствует квадрат. Кроме того, мы помним, что, как и душа Прокла, душа Исидора была герметической (фр. 6А, выше).

¹¹ Букв. «картинами», *ἑστῶτα*.

¹² Указание на *Теэтет* 191с. Это место комментируют Ямвлих (*О мистериях* 10.2.286–287), Прокл (Комментарий к *Кратилу* 67.22) и Дамаский (Комментарий к *Федону* 1.11).

¹³ Напротив, по словам Марина (*Жизнь Прокла* 4, 5, 20), его учитель отличался исключительной памятью.

был скорее душой, нежели соединением ее с телом, и что философия, в него вложенная, была укоренена не в этом соединении, но в одной лишь душе. Встречал я такие показные («внешние») философские светила: память их вмещала множество чужих мнений и, ужасно искусно оперируя бесчисленными силлогизмами, они постоянно демонстрировали власть их демонической (δαμονίας) чувствительности. Но внутри них обитала слабая душа, бедная истинным знанием.

15

- А (Ф 18) Его можно было застать в состоянии гнева и раздражения, но и в этом случае волю гневу он давал лишь после здравого размышления. Ведь он не мог мягко и негневно бороться против человеческой подлости. Всегда готовый на добрые дела, он еще решительнее был настроен против вещей постыдных. Поэтому он нередко ссорился с другими людьми, не желая преуменьшать (ὕποκορίζεσθαι) их порочность и льстивыми словами подменять истинную дружбу.
- В (Σ 3.443.3) Человеческие прегрешения он осуждал, противодействуя несправедливости и удерживая людей от неправедных поступков с поистине отеческой прямоотой (παρρησία).
- С (Ф 19) Он не признавал придиричливого и враждебного отношения к кому бы то ни было.

16

- А (Ф 237 + Σ 1.474.16) Давая лучшие советы, он поощрял словами тех, кто не решался совершить [правильный] поступок, нерадивость (ῥαθυμία) считая немалым злом, а возможно, и величайшим из всех.¹⁴
- В (*Σ 2.337.2) Никому из друзей он не давал повода осуждать его за нерешительность или трусливую медлительность в ситуациях, когда необходимо [действовать], или за бездействие,

¹⁴ Марин (*Жизнь Прокла* 16) полностью с этим согласен.

порождаемое нерадивостью или трусостью. Ему же приходилось упрекать [в нерадивости] многих из своих друзей.

С (Ф 20) Все это испытал наш философ из-за своей страсти исправлять человеческие поступки, а также по причине своей неприязни к злокозненному поведению и непримиримой ненависти к нему.

17

(Ф 21) Будучи проницательным и внимательным человеком, он все же не перестал доверять людям. Поэтому всякий, кажущийся порядочным человеком, мог легко обмануть его. Ведь он не ставил эту порядочность под сомнение и не подвергал ее строгим испытаниям. Если же кто с самого начала вызывал подозрения, такому не удавалось заманить его в западню или сплести против него заговор.

18

(Ф 22 + Ф 238 + Σ 4.852.19) [Исидор говорит], что как у души есть три части или вида, в зависимости от того, кто какое слово предпочитает, точно так же можно выделить три образа жизни (πολιτεία),¹⁵ причем вся триада содержится в каждом из них, однако свою форму он получает от правящего [образа жизни] и, соответственно, называется его именем. Первым идет образ жизни в согласии с разумом (κατὰ λόγον), и назвать его можно жизнью кронической,¹⁶ или жизнью золотого века, поколения, ближайшего к богам, воспетого в мифологической форме поэтами, восседающими на мусическом треножнике. Второй об-

¹⁵ Трехчастное деление души и его соответствие политическим режимам, разумеется, платоническое (*Государство* 435с и 441с).

¹⁶ Аналогичную идею встречаем и в комментарии Дамаския к *Федону* (1.9), где разумной кронической жизни противопоставляется неразумная титаническая. Правда, там деление бинарное.

раз жизни подчинен эмоциям (*κατὰ θυμόν*) и человек, подвластный ему, вовлечен в войны и битвы, вечно сражается за первый приз в состязаниях и стремится к славе; и болтовню об этом мы постоянно слышим в исторических сочинениях. Третьим правят страсти (*κατ' ἐπιθυμίαν*), совершенно расплывчатые, испорченные разнузданной негой и женственными помыслами, кои сродни малодушию, всевозможными свинскими барахтаньями, сребролюбием и мелочностью, готовые прозябать в рабстве, чуждые всему благородному и свободному, зависимые и слабые, меряющие счастье утробой и любовными наслаждениями,¹⁷ лишенные благородных эмоций, подобно тому как тело лежит бесчувственное на одном месте, остолбеневшее и недвижимое.¹⁸ И намного еще более приземленной, по его словам, является жизнь тех наших современников, которые находятся во власти становления.¹⁹

19

(*Σ 1.67.31) Безбожно не сохранить бессмертие души, так чтобы она возвысилась до богоподобного уровня и соединилась

¹⁷ Это популярное выражение восходит к Демосфену (*О венке* 296). В поздней античности выражение стало общим местом, возможно в неопифагорейском контексте, на что указывает, например, его аналогичное употребление Климентом (*Строматы* 5.59.4).

¹⁸ Должно быть, описание состояния опьянения.

¹⁹ Противопоставление бытия становлению типично для платонической философии. Рассуждение моралиста о постоянном ухудшении нравов является также общим местом, однако, возможно, как предполагает П. Атанасиади, здесь содержится скрытое указание на христиан (Athanassiadi 1999, 97 n. 45). Ср., например, *Жизнь Прокла* 20, где, по словам биографа, неоплатоник также называл жизнь под властью христиан «неразумной». Политическая составляющая этих свидетельств Дамаския также заслуживает специального исследования. Об этом аспекте жизни Афинской Академии подробнее см. Cameron 1969 и Hällström 1994. Из недавних работ см. Ведешкин 2019.

с божественным нерушимыми и нерасторжимыми узами (δεσμοί), вместо этого столкнув и сбросив вниз то божественное, что есть в нас, заключив его в земное и греховное узилище (δεσμωτήριον), подобное тому, в которое ввергнуты гиганты и титаны.

20

А (Σ 2.266.24) Он всегда сторонился им подобных, словно проклятых и неизлечимо больных, и ничто не могло заставить его с ними общаться, ни несметные богатства, ни общественная значимость, ни высокая должность, ни тиранические дурные наклонности.

В (Σ 2.732.19) С богачами он никогда не садился за один стол и не принимал от них подарки.

21

(Ф 239) Ему нравились путешествия в чужие земли, но не те, что совершаются просто так или ради забавы, дабы посмотреть на рукотворные строения и подивиться величине и великолепию городов. Если же до него доходил слух о каком-либо удивительном или священном явлении, тайном или явном, то он всегда желал лично его засвидетельствовать.

22

(Ф 240) Направившись, по его словам, в священной мольбе к бескрайнему морю (πέλαγος) божественного, душа, отделившись от тела, сначала сосредотачивается на себе, затем оставляет присущий ей доселе образ жизни (τῶν ἰδίῳν ἡθῶν), от рассудочного рода мышления переходя к разумному, и наконец, в-третьих, будучи охвачена божественным вдохновением, погружается в немислимую тишь (γαλήνην), скорее божественную, нежели человеческую.

23

А (Ф 23 + Σ 1.428.27) Наряду с неприхотливостью Исидор особенно любил и ценил нелживость, из-за чего люди считали

его чрезмерно прямолинейным и неспособным на любое притворство. И он действительно не был на это способен.

- В (Σ 2.534.21 + Σ 2.558.4) Никто не смог бы уличить его в отклонении от истины даже в малейшей степени, словом или делом, в ложной скромности или чрезмерном тщеславии.
- С (Σ 2.298.12) От лжи он отворачивался как от чего-то поистине проклятого.

24

- А (Σ 4.57.30) Он не склонен был легко расставаться с деньгами, и не забывал о законных долгах, выдвигая требования против должников и преследуя их в судах на агоре.
- В (Ф 24) Скупым он не был, просто экономным по природе. Он был во всех отношениях мудрым управляющим и ежедневно посвящал домашним делам немало времени, работая сам и отдавая распоряжения другим.²⁰
- С (Σ 4.580.22) Организуя застолье на много персон,²¹ он мог предложить в качестве десерта три или четыре ореха или, в лучшем случае, пять или шесть смокв. Когда же мы в самых вежливых выражениях просили больше еды, то он, с очень озабоченным видом, добавлял к ним еще две или три смоквы, совершенно не понимая, почему молодежь смеется.

25

(*Σ 2.525.4) Его добродетели всегда вызывали общее восхищение, и особенно потому, что даже в период процветания он отдавал должное предписанному природой и не имел обыкновения наслаждаться этим преуспеванием сверх меры.

²⁰ Марин (*Жизнь Прокла* 4) аналогичным образом характеризует своего учителя.

²¹ Схолярхи Академии регулярно организовывали застолья со своими учениками (*Марин, Жизнь Прокла* 5).

26

(Σ 4.204.27) Желания своих друзей он всегда ставил превыше собственных. Ведь ни одну другую добродетель он не ценил так же, как дружбу – мать, согласно Пифагору, всех добродетелей.²²

(Σ 1.15.10) Одним словом, его дела, такие как [во-первых] стремление творить добро, в равной мере на всех распространяя свои благодеяния и решительно возвышая душу над всем тем многообразным злом, что обременяет этот дольний мир, затем, [во-вторых] избавление тел от несправедливого и не-благочестивого томления и, в-третьих, попечение, по мере сил, о внешних обстоятельствах, были ясным доказательством принципа, сформулированного Пифагором, согласно которому человек в высшей степени подобен богу.²³

27

(Φ 25) Проснувшись рано утром, он рассказывал о своих снах, пока душа еще находилась под властью божественного зова (δμφῆ). И в том, что я слышал, мне открывался не «сон вместо сна»,²⁴ но спящая истина вместо истины бодрствующей.

28

А (Φ 26 + Σ 2.94.18) С человеком, который нередко присваивал чужое, случилась неприятность, но прежде чем его имущество конфисковали, он собрал как можно больше своих ве-

²² Ср. Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни* 230 и Марин, *Жизнь Прокла* 17.

²³ Действительно, программное замечание. Забота о внешних обстоятельствах и помощь тем, кто в ней нуждается, культивируют низшие уровни добродетелей, что в конечном итоге, через очищение души, способствует постепенному восхождению по лестнице совершенства и ведет к достижению платонического идеала – уподобления богу.

²⁴ Выражение Платона (*Тезет* 201d).

щей и раздал их на сохранение наиболее надежным из сограждан. Когда же, наряду с остальными, Эпидаврий получил от него и то, чего сам некогда лишился [по его вине], и признал его своим, то ему посоветовали удержать то, что принадлежало ему по праву, и не возвращать его тому, кто сам его ранее обобрал. Однако Эпидаврий не захотел прослыть ненадежным и не заслуживающим доверия человеком, к тому же опорочившим самую полезную из добродетелей – доверие, даже если в данном случае этот акт вероломства кому-то мог показаться вполне оправданным, ведь, по словам Эсхила, «не казаться он хотел справедливым, но быть им, пожиная плоды тучной нивы своего ума».²⁵

В (Ф 241) Философ Исидор не переставал расточать ему хвалу по этому поводу.

29

А (Ф 242) Для многих история с ее убедительностью и поучительностью подходит в большей мере, нежели другие формы рассуждения, причем история древняя в большей мере, нежели недавняя и передающая нечто, знакомое слушателям.

В (Σ 4.378.17) Когда вместо событий мы описываем фантазии, тени снов, как сказал бы Пиндар.²⁶

С (Ф 27) Разворачивание деталей повествования почти сразу это продемонстрирует.

30

А (Ф 28 + Σ 1.91.26) Говорил он мало, зато любил слушать истории – поседевший от времени кладезь мудрости.

²⁵ Это известное место из Эсхила (*Семеро против Фив* 592–593) обсуждает Платон в *Государстве* (361b), заменив стоящее у Эсхила «доблестный» на «справедливый».

²⁶ *Пифийские песни* 8.95.

- В (Σ 2.273.27) Он был настолько сдержан и молчалив в тех случаях, когда считал, что нечто должно оставаться сокрытым, что казалось даже своей матери не ответил бы на вопрос, куда он собрался.
- С (Σ 2.611.1) Из всех его современников, как простых людей, так и философов, он был наиболее молчалив и скрытен, хотя душу свою всецело направлял на увеличение добродетели и уменьшение порока.
- Д (Ф 307) Это может звучать парадоксально, но при всей своей благородной и величавой сдержанности он казался приветливым тем, с кем встречался. Больше всего его заботило то, что могло бы стать полезным всем его ученикам, однако эту свою озабоченность он иногда разбавлял шуткой, изящно подшучивая над ошибками учеников и пряча под шуткой критику.

31

- А (*Σ 2.140.4) Скромность и сдержанность в нем уживались с энергичностью и мужественностью. Он был честен и даже непрактичен, но когда дело доходило до спора о бытовых вещах, он оказывался не менее эффективен, чем те, которые постоянно в них барахтаются.
- В (Σ 4.758.18 + Ф 29) Не только большая опасность не выпадает, по слову Пиндара,²⁷ слабому человеку (*ἀναλκιν φῶτα*), но и великий муж сам не ввяжется в незначительную битву. И в то время, когда одни предают и трусливо бегут прочь, он бросается в самое пекло, проявив, как говорит поэт, мужскую доблесть.²⁸

32

- А (Σ* 2.292.18) Неутомимый спорщик, Исидор был непобедим.

²⁷ *Олимпийские песни* 1.81.

²⁸ Гомер, *Илиада* 13.277.

В (Ф 30) Строго говоря, его критика выглядела оправданной, однако для тех, кто судил об этом по обыденным и человеческим меркам, она казалась чрезмерной. Поэтому многие из тех, против кого он выступал, удивлялись его настойчивости и считали любителем поспорить. Он же, имея перед своим взором истинный образец, и остальных судил в соответствии с ним.

33

А (Ф 31 + Σ 2.418.8 + Σ 4.446.6) Все согласны с тем, что исследованию, лучше всего приспособленному для созерцания действительности (*τῆς τῶν ὄντων φιλοθεάμονος ἱστορίας*),²⁹ должно зиждиться на трех началах – на любви (*ἔρως*), трудолюбии и пронизательности. Любовь – это первое и важнейшее основание, наиболее зоркий следопыт, выслеживающий все прекрасное и благое. Острые и пронизательные природные способности, позволяющие далеко уйти за краткое время и приспособленные для погони, позволяют распознать истинный след и не пойти по ложному. Третье же начало – это неумолимое трудолюбие, не позволяющее душе успокоиться до тех пор, пока не будет достигнута цель охоты – обнаружение истины.

В (Σ 3.564.1 + Σ 4.516.24) Исидор установил специальные определения и признаки для того, чтобы божественные начала отличать от человеческих: в трудолюбии – целесообразность превыше всяких слов, в пронизательном разумении – возвышение над очевидным и привычным для большинства, в любви – стойкое и неотвратимое стремление к умопостигаемой красоте.

С (Ф 32) Исидор говорил, что пронизательность и острота мышления – это не то же самое, что живое воображение, природное умение сформировать мнение или, как можно было бы

²⁹ Выражение Платона (*Государство* 475е).

подумать, проворный рассудок, чреватый истиной. Все они не самоцель, но призваны служить той цели, которую преследует ум. Будучи чем-то вроде одержимости (*κατοχή*) божеством, только он постепенно раскрывает и очищает глаза души, просвещая их умственным светом, что позволяет не только увидеть, но и постигнуть различие между добром и злом. Именно это он назвал «благополучием (*εὐμορία*)», отмечая, что без такого благополучия ничто не имеет значения, подобно тому, как здоровые глаза не нужны человеку, не видящему небесного света.

34

- А (Ф 33) Его ум был возвышенным и совершенным:³⁰ не обращая внимания на то, что внизу, он сразу же воспарял ввысь к наиболее совершенным видениям. Пребывая в чистоте платонических мыслей (*ἐννοίας*), он понимал их не так, как большинство философов, но в согласии с Платоном и на основании чудесных в своей пронизательности толкований Ямвлиха.
- В (Ф 34) Среди философов можно повстречать и услышать немало таких, которые придерживаются того мнения, что Ямвлих либо совершенно непостижим, либо восхваляется скорее за свою самодовольную велеречивость, нежели за стремление приблизиться к истине.
- С (Ф 35) Риторическому и поэтическому многознанию он уделит немного времени, стремясь как можно быстрее погрузиться в более божественную философию Аристотеля. Однако вскоре увидев, что она доверяется скорее необходимым, нежели сущностным способностям ума и, оставаясь скорее на ремесленном уровне, вряд ли продвигает в сторону божественного и умопостигаемого, Исидор не

³⁰ Выражение Платона (*Федр* 270a).

стал долго задерживаться и на этом учении. Отведав же размышлений Платона, он тут же понял, по словам Пиндара,³¹ что в них заключен предел всех исканий, и что конечная цель может быть достигнута, если ему удастся войти в святилище платоновской мысли. И он приложил все усилия для того, чтобы продвигаться по этому пути.

D (Σ 4.479.2 + Φ 36) Философ Исидор, согласно Дамаскию, изучив все учения древних, ничего не оставил без своего пристального внимания. Из самых древних учений он более всего обожествлял философствование Пифагора и Платона, самих их считая теми окрыленными душами, которые обитают в занебесных областях, на полях истины и лугах божественных идей. После Платона он в особенности увлекался Ямвлихом, а также его учениками и приверженцами, лучшим из которых он считал своего земляка Сириана, учителя Прокла. Кроме того, он говорил, что между ними по времени располагаются и другие, также сумевшие стяжать сокровища божественного знания. Ведь не следует забывать заслуги всех тех, кто сподобился истинного знания.

Все, кто трудится над вещами смертными и человеческими, развивают остроту ума или же просто желают расширить свои познания, не продвинутся далеко на пути к божественной и великой мудрости. Из древних Аристотель и Хрисипп, философы, одаренные природой, любознательные и трудолюбивые, тем не менее не достигли самой вершины. Из современных Гиерокл и ему подобные, не хуже других подготовленные в человеческих науках, всё же, по его словам, проявляли крайнюю ограниченность, когда дело доходило до блаженных помышлений (τῶν μακαρίων νοημάτων).

³¹ *Олимпийские песни* 1.114.

35

- А (Ф 37) Его не беспокоила куча книг, раскрывающих скорее разнообразие мнений (πολυδοξία), нежели разнообразие мыслей (πολυνοία). Остановив свой выбор на одном-единственном учителе, он старался во всем подражать ему и записывал все его изречения.³²
- В (Ф 243) Они³³ пригласили Исидора в качестве сотрудника в изучении египетской философии, и продвигались вместе с ним к поистине священной истине, сокрытой в глубинах, причем нередко именно он зажигал тот свет, который помогал им в поиске стародавней (ἀρχαιοτρόπου) мудрости. И все же его выдающиеся умения (εὐπορίας) сформировались во все не благодаря запоминанию чужих мнений, почерпнутых из книг. С самого начала он обладал мощной и благодатной способностью (ἔξις) к обнаружению истины такого рода.

36

- А (Ф 38) Очевидно, что он не любил этот мир (τὰ παρόντα), не желая поклоняться изваяниям богов и стремительно переходя от них к самим божествам, скрытым внутри, причем не в святилищах, но в самом неизреченном (ἀπρόρητον) – чем бы оно ни было – и совершенно непостижимом. Как же он двигался к ним, если они по сути таковы? Благодаря невероятной любви, самой по себе неизреченной. Но что такое это непостижимое, если не сама любовь (ἔρως)? Лишь испытавшие все это на своем опыте понимают, о чем я говорю, ведь рассказать о ней невозможно. Не легче постичь ее и силою ума.
- В (*Σ 4.821.24) Дело истины в опасности и может угаснуть.
- С (Ф 244) Люди увидят ее закат, так как не смогли вынести [блеска] ее божественного восхода.

³² Учителем Исидора был египтянин Серапион. «Куча книг» – это метафора Платона (*Государство* 364е).

³³ Александрийские философы Гераиск и Асклепиад.

- A (Ф 245) Ему было поручено заботиться о воспитании детей.
- B (Σ^* 4.653.26) Защищая Сократа, Исидор высказывал мысли более глубокие, нежели те, что были доступны его ученикам.
- C (Σ^* 4.487.5) Множество проблем (πράγματα), достойных Сфинкса, он сформулировал для многих путей решения этих странных загадок – однако достойных не кадмейского Сфинкса, а такого же Сфинкса, но только еще более божественного и мудрого.
- D (Ф 246) Давая разъяснения, он не находил слов, дабы подобающим образом объяснить свои воззрения, однако, не будучи наделен этой способностью от природы или благодаря обучению, он прилагал все старания для достижения ясности. Складные речи оставляя другим, он стремился показать сами вещи, озвучивая скорее мысли (νοήσεις), нежели слова, и даже не мысли он выводил на свет, но самую суть вещей!
- E (Ф 40 + Σ 2.467.2 + Σ 4.164.26) Он был весьма изобретателен (εὐρητής), как предлагая вопросы для обсуждения, так и отвечая на те, что ему задавали другие, не используя свое многознание (πολυμαθία) и не пересказывая чужие мнения для того, чтобы закопать (καταχωννύς) истину и скрыть ее, дабы заставить недоумевающих (ἀποροῦντας) замолчать. Не был он и слишком хорошо начитан (πολύηχος), в своих чудесных разъяснениях проявляя некую природную мощь (ῥώμη), которая была сродни божественной. В непреодолимом стремлении к божественному исступлению (βακχεία), он был подобен прорицателю, открывающему (εὐρεσιν) истину по наитию (ἀπομαντευομένῳ).
- F (Ф 41 + Σ 4.235.12) Он был достаточно пронизательным для того, чтобы здравую речь отличать от неразумной, поощряя одну и осуждая другую.

А (Σ 3.324.16) Марин. Он принял школу после Прокла и обучал философа Исидора учению Аристотеля. Когда Исидор вторично посетил Афины, уже после смерти их общего учителя [после 485 г.], Марин показал ему обширный комментарий к *Филебу* Платона собственного сочинения, попросив высказать свое суждение о том, следует ли ему опубликовать книгу. Исидор внимательно прочитал комментарий и, не желая скрывать свое мнение, но в то же время стремясь не обидеть его неподобающим словом, просто сказал, что комментария их учителя на этот диалог будет вполне достаточно. Марин сразу все понял и тут же сжег книгу.

В (Ф 43) В этом отношении он также превосходил других философов, поскольку и сам не желал, и своих учеников не заставлял исследовать невидимую истину при помощи одних лишь силлогизмов, при помощи слов сгоняющих всех [путников] на одну проторенную дорогу, словно слепых, которым нужно указать верный путь. Как раз напротив, он всегда стремился убедить в необходимости обратить свой взор в сторону души или, точнее, очистить тот, что там уже пребывает.³⁴

III

АЛЕКСАНДРИЯ: ПРОСОПОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ (ФР. 39–58)

А (Ф 44) Его служба состояла в том, чтобы как можно быстрее записывать предписания, издаваемые (императорскими) чиновниками.

В (Ф 45) Об этом я расскажу по ходу повествования. Знаю, но не скажу, как если бы никогда этого не слышал.

³⁴ Достаточно точное описание действия очистительной добродетели и ее значимости на пути дальнейшего совершенствования.

40

А (Ф 46) Леонид³⁵ же, полагая, что принял отличное решение, к собственному несчастью и себе на беду посмел вернуться домой, где не приобрел ни богатства, ни защиты, как он того ожидал, но, утратив почтительное боголюбие, обрек свою душу на погибель.

В (Ф 47) Вся его жизнь поэтому была сплошное несчастье.

41

(Σ 2.391.29) Епифаний и Евпрепий оба были родом из Александрии и знатоками тех таинств, что были установлены александрийцами, так что Евпрепий заправлял теми, что именовались персидскими, а Епифаний другими, связанными с Озирисом. И не только ими, но и теми, что связаны с божеством, именуемым Эон. И хотя я могу сказать, кто он таков, в данном случае писать об этом не буду. Как бы там ни было, Епифаний руководил этими таинствами.³⁶ Эти мужи не были рождены для освященного традицией образа жизни (πολιτείας), но сосуществовали и общались с теми, кто был для нее рожден, так что, извлеки пользу из этого общения, они стали для своих современников проводниками многих благ и, среди всего прочего, многозвучными глашатаями древних речений.

³⁵ Должно быть, юрист, неоднократно упоминаемый александрийским монофизитом и учеником платоника Аммония Захарией Схоластиком (VS 47.66–73).

³⁶ По мнению Полимнии Атанассиади (124 п. 82 и 125 п. 86) этот Епифаний мог быть учеником астронома Теона Александрийского, отца философа и астронома Гипатии (сведения о которой см. фр. 43). Культ «Вечного времени» был широко распространен в поздней античности, возможно, представляя собой гностическую адаптацию египетской идеи вечного возрождения солнца (см. Ипполит, *Опровержение всех ересей* 5.8.40 и 45, Епифаний, *Панарион* 51.22.9–10, Синесий, *Гимны* 5.67).

- А (Σ 3.522.5) Олимп, брат Генеросы, который прибыл из Киликии в Александрию для того, чтобы служить Серапису.
- В (Φ 48 + Σ 3.522.10) Ни одна душа, сколь бы неотёсанной и варварской она ни была, не могла устоять против очарования тех убедительных слов, которые источали эти божественные уста. Ведь та сила убеждения, которой обладали губы этого мужа, приличествовала не человеку, но всецело божественному существу.
- С (Φ 49 + Σ 3.522.6) По природе он был, всем на диво, высоким и статным, и к тому же прекрасным и добрым на вид. Когда же достиг возраста умственного возмужания, то оставался дружелюбным и приветливым со всеми встречными, которые извлекали немалую пользу из его советов.
- Д (Φ 50 + Σ 2.136.3) Питание же он избрал умеренное и без излишеств, не наносящее вред своей чрезмерной скудностью, и не отупляющее по причине изобилия, но сдержанное и «мусическое», воистину гармонизированное дорическим складом его души.
- Е (Φ 51 + Σ 2.563.7) О нем единственном я слышал, что он на деле опроверг древнюю поговорку, ведь, даже в молодые годы он отнюдь не наслаждался обществом таких же молодых сверстников, так как природа, следуя иному правилу, сблизила его с подобными ему не по телесным годам, но по душевному складу.
- Ф (Σ 3.522.14 + Φ 247) Так он стал религиозным наставником александрийцам во времена, когда их сообщество уже сметал бурный поток. Собрав вместе своих приверженцев, он учил их тому, как следует почитать божество, древним установлениям и связанным с ними счастьем, великим и чудесным, посылаемым богами тем, кто верно служит им.
- Г (* Σ 4.510.20) Так, воспрянув духом, он по древнему обычаю призывал при свете дня свершать таинства в честь бога [Сераписа].

Н (Σ 3.522.18) Олимп был настолько вдохновлен божеством, что смог предсказать уход Сераписа из храма. Так оно и случилось.³⁷

43

А (Σ* 4.644.12) Гипатия. Она родилась, выросла и получила образование в Александрии. Наделенная более благородной природой, нежели ее отец, она не ограничилась тем математическим образованием, которое он ей дал, но занялась, и не без успеха, другими областями философии;³⁸ облачившись в мантию философа, эта женщина прогуливалась по центру города и публично толковала желающим ее слушать труды Платона, Аристотеля и других философов.³⁹ В дополнение к

³⁷ Очевидно, имеется в виду печально знаменитая осада и разрушение александрийского храма Сераписа в 391/392 гг. (Hahn 2008). Будущий церковный историк Сократ учился в Константинополе у бывших защитников храма грамматиков Гелладия и Аммония (*Церковная история* 5.16). Очевидно, это антихристианское выступление, спровоцированное архиепископом Феофилом, приняло тогда крайне жестокие формы и привело к жертвам с обеих сторон. Олимп был если не предводителем, то одним из активных участников восстания. О его последующей судьбе ничего не известно. Можно предположить, что для Дамаския он был не только религиозной фигурой, но и человеком, не чуждым философии и теургии, должно быть в духе школы Ямвлиха.

³⁸ Отец Гипатии, Теон (должно быть, ок. 335–405), издатель *Начал* Евклида и автор комментариев к трудам Птолемея и Арата, должно быть не имея наследника мужского пола, начал учить математике свою дочь, которая проявила себя не только как способный математик (отредактировав для него *Подручные таблицы* Птолемея), но и как философ-платоник (очевидно, платиновского толка), в этом отношении превзойдя своего учителя. О философских династиях неоплатоников написано довольно много. См., например, Brisson 2017.

³⁹ Обычно учителя философии и риторики в этот период учили в более или менее закрытых помещениях или вообще давали частные

наставничеству, она достигла также высот нравственного совершенства, была справедливой и благоразумной, оставаясь при этом девственницей, хотя была очень красивой и благовидной, так что один из ее слушателей влюбился в нее. Не в силах сдержать свое любовное желание, он признался ей в своих чувствах. В соответствии с рассказами мало информированных людей, Гипатия излечила его недуг музыкой. Но на самом деле, когда музыка уже не помогала, она показала ему женские окровавленные повязки, в качестве символа нечистоты рождения,

В (Ф 52) *александрийцы же тряпки с женскими менструальными выделениями называли «защитами (φυλακεία)».*

С (Σ* 4.644.27) «Вот это ты любишь, юноша, а не [нечто] красивое», – сказала она. Это постыдное зрелище так смутило и поразило его душу, что впоследствии он стал вести себя гораздо сдержаннее.⁴⁰

уроки избранным ученикам, как это, например, делали Плутарх и Сириан в отношении Прокла, поэтому это замечание вызвало много разногласий среди исследователей. Высказывались даже предположения, что Гипатия делала это по долгу службы, получая за это установленное городом вознаграждение. Однако, будь это так, это не только противоречило бы стандартному для римского права запрету на публичные должности для женщин, но и словоупотреблению самого Дамаския, который, когда речь идет о публичном вознаграждении, об этом говорит прямо (ср. фр. 56 его *Философской истории* и подробнее: Dzielska 1995, 56–57, Watt 2017, 63 sq.).

⁴⁰ Любовь к своему наставнику и квазисемейные отношения внутри школы были характерны и даже поощрялись среди неоплатоников, однако, как показывает этот «урок» Гипатии, они должны были носить духовный, а не плотский характер. Позволяя каждому желающему присутствовать на ее публичных лекциях, Гипатия имела и более тесный круг приверженцев, о чем свидетельствует эпистолярное наследие Синесия Киренского, к этому кругу принадлежащего (Watt 2017, 67 sq.). См., в особенности, *Послания* 16 и 154, а также 143.1, где Си-

- D (*Σ 3.11.19) (*Женщинами-глашатаями (ἡρωκίνας) александрийцы называли служанок, которые ходили по жилым кварталам и селеньям, собирали замаранные тряпки, именуемые «защитами», и относили их к морю*).
- E (Σ* 4.644.30 + *Σ 4.676.1) Мастерством и диалектической стройностью речей, а также мудростью и политической уместностью своих поступков, Гипатия естественно заслужила всенародную любовь и всеобщее восхищение, а магистраты (архонты), когда приходили в город, всегда приветствовали ее первыми, как это было принято в Афинах.⁴¹ Так что, хотя философии и пришел конец, самое ее имя все еще находилось в почете и вызывало уважение у тех, кто управлял городом.⁴² Так случилось, что Кирилл, надзиратель противоположной секты, проходя мимо дома Гипатии, увидел у его ворот большое сборище, «смешение коней и людей» (Гомер, *Илиада* 21.16), убывающих, прибывающих и толпящихся. Когда же он спросил, что это за толпа и почему такой шум у

несий, в пифагорейском ключе, призывает друга не раскрывать учение Гипатии непосвященным (*Письма*, пер. Сидаш 2014). О Синесии и собрании его писем см. новый полезный очерк Maldonado Rivera 2016. Женщины философы из круга Ямвлиха имели в своем распоряжении и другие действенные средства против навязчивых ухаживаний. Так, Сосипатра, жена ученика Ямвлиха Евстафия, а затем, после смерти мужа, преподавательница школы Эдесия, сумела защитить себя от любовных чар одного из учеников посредством халдейских ритуалов (Евнапий, *Жизни софистов* 469–70).

⁴¹ Сократ Схоластик (7.15.2–3) также отмечает, что она не стыдилась выступать в присутствии мужчин и отличалась честностью и бескорыстием.

⁴² Это высказывание следует, должно быть, понимать в том смысле, что даже на философском безрыбье (которое оплакивает Дамаский) одного имени философии, вкупе с подобающим поведением самого философа, каковым, вне сомнения, Гипатия представлялась ее окружению, было достаточно для того, чтобы сохранить свой авторитет и добиться уважительного к себе отношения.

этого дома, то сопровождающие его лица ответили, что таким почетом ныне окружена Гипатия, философ, и что это ее дом. Узнав об этом, он возненавидел ее всей душой и тут же начал замышлять убийство, самое нечестивое из всех убийств!⁴³ Когда она, как обычно, покинула свой дом, толпа диких людей, совершенно жутких, тех, которым нипочем ни божий гнев, ни человеческое наказание, напали на философа и убили ее, и выдавили у нее, еще дышащей, глаза, запятнав свою отчизну великой скверной и покрыв ее позором.⁴⁴ Император вознегодовал по этому поводу [...] если бы

⁴³ О причастности архиепископа Кирилла к убийству Гипатии написано очень много, как древними, так и современными авторами. Мне кажется, ситуация проста, кто бы ни был актуальным исполнителем этого преступления – подконтрольные Кириллу «парабаланы», «чтец Петр» или просто невежественная толпа, видящая в каждом ученом мага. Спросим себя, *cui prodest*? Очевидно, именно Кириллу Гипатия мешала и как популярная политическая фигура, не позволявшая ему наладить контакты с городским префектом Орестом, и по идеологическим причинам, как одна из наиболее ярких представительниц «противоположной секты». Кроме того, вспомним, что для «святого» Кирилла подобные методы борьбы были типичны, ведь, стремясь захватить церковную власть в городе после смерти архиепископа Феофила (как раз того, при ком был разрушен храм Сераписа, см. фр. 42Н), он организовал вооруженные столкновения с приверженцами своего конкурента на пост главы Александрийской церкви Тимофея и, придя к власти, продолжил расправляться с его сторонниками, а также запятнал себя еврейским погромом в городе и даже организацией нападения на городского префекта (Сократ Схоластик 7.7, 7.13 и др.). Подробное исследование этих событий: Naas 1996, 296 sq.

⁴⁴ Это событие произошло в марте 415 г. Примечательно, что толпа христианских фанатиков, которая, согласно другим описаниям этого преступления, сначала расчленила тело философа, а затем сожгла его на площади, также совершала ритуальное убийство, призванное очистить город от скверны (Филосторгий, *Церковная история* 8.9, Малала,

Эдесий не был подкуплен.⁴⁵ Избавив убийц от наказания, он обратил его на себя и своих потомков, так что возмездие настигло его внука.⁴⁶

44

(Ф 53) Брачный союз не считался действительным, если брачный договор не был подписан собственноручно жрецом богини.

45

А (Ф 54) Гиерокл, бывший, благодаря возвышенности своего ума и красноречивости, украшением александрийских [философских] школ, отличался выдающимися способностями и широтой мышления, повсеместно поражая своих слушателей необычностью своих речей и той легкостью, с которой ему удавалось подбирать прекрасные слова и выражения, подражающие красоте Платонова стиля и глубине его мысли. Однажды он объяснял своим ученикам «Горгий» Платона, и один из слушателей, Теосебий, сделал записи

Хроника 14.12 и, особенно, Иоанн из Никия, *Хроника* 84.100–103 и Наас 1996, 313–314).

⁴⁵ В тексте лакуна. Можно предположить, что имелось в виду примерно следующее: «Император вознегодовал по этому поводу [и виновные не избежали бы наказания,] если бы Эдесий не был подкуплен». Однако, как предполагает Атанассиади (131 сн. 95), если пропущено *ἄν*, то фраза может быть законченной: «Император вознегодовал бы по этому поводу, если бы Эдесий не был подкуплен». Так как из ряда источников мы знаем, что молодой император Феодосий II санкционировал расследование и даже издал ряд законов, ограничивающих власть церкви (в частности, передал во власть городского префекта парабаланов), то можно предположить, что Кирилл избежал еще большего наказания типичным для церковных чиновников способом, воспользовавшись коррумпированностью городских властей. Подробнее см. Наас 1996, 314 sq.

⁴⁶ Мы не знаем, о ком конкретно идет речь.

этого комментария. Вполне естественно, что спустя какое-то время Гиерокл вновь обратился к «Горгию». Тот же ученик снова вел записи и, сравнив их со сделанными ранее, обнаружил, что между ними нет ничего общего, но в то же время оба комментария, как бы странно это ни звучало, в полной мере отражали смысл произведения Платона. Это сравнение показывает, насколько безбрежным был океан его мысли.

В (Σ 2.616.7) У него был ученик по имени Теосебий, и я не встречал ранее более пронизательного мужа, настолько способного непосредственно прозревать души людей. Этот Теосебий говорил, что в одном из своих комментариев Гиерокл сравнивал слова Сократа с игральными кубиками: как бы они не выпадали, они выпадают правильно. Мужественный и отважный характер Гиерокла проявился во время обрушившегося на него несчастья. Находясь в Византии,⁴⁷ он оскорбил тех, кто теперь у власти, и, по дороге в судилище, был жестоко избит. Истекая кровью, он собрал некоторое ее количество в ладонь и, плеснув в судью, воскликнул: «Киклоп, выпей вина, человеческой насытившись плотью!».⁴⁸ Осужденный на изгнание, он затем вернулся в Александрию и

⁴⁷ Отметим намеренный архаизм.

⁴⁸ Гомер, *Одиссея* 9.347. Вслед за Г. Шибли (Schibli 2002, 37–39) естественно предположить, что в столицу Гиерокл прибыл также в качестве философа. Очевидно, что после эдикта Феодосия II 425 г., касающегося порядка назначения официальных преподавателей местного университета городским советом, люди, подобные Гиероклу, могли рассчитывать в Константинополе лишь на частное преподавание. Мы не знаем причины конфликта и последующего судебного преследования (это мог быть запрет на публичное преподавание, отправление, даже частное, языческого культа, или же обвинение в магии). В любом случае, Гиерокл стойко перенес обрушившуюся на него ярость христианских фанатиков и, как специально отмечает Дамаский, вернув-

продолжил преподавать философию, как прежде. Блестящий ум Гиерокла можно также постичь из его сочинения о Пифагорейских «Золотых стихах» и нескольких книг «О промысле»,⁴⁹ в которых этот муж раскрывает свое учение о возвышенном образе жизни, хотя его представление о знании и не во всем точное.⁵⁰

46

- А (Ф 55) Он взял в жены женщину, способную иметь детей.
- В (Ф 56) Поскольку даймон не пожелал подчиниться уговорам и покинуть женщину, Теосебий заставил его удалиться при помощи заклинания, хотя и ничего не понимал в магии и не изучал теургию. Изгнал он его, призвав лучи Гелиоса и бога евреев. Даймон удалился, восклицая, что испугался не только богов, но и его самого.
- С (Ф 57) Он отпускал все канаты (*πάντα κάλων ἐκίνει*),⁵¹ всегда действовал и говорил, убеждая и наставляя, ведь таков был его нрав, так что ни одно дело, начатое им, не оставалось незавершенным.
- Д (Ф 58 + Σ 2.365.27) Многое из того, что говорил Теосебий, происходит из школы Эпиктета, однако оформил он эти идеи в соответствии с нравом его собственной музы, способной покорить и устыдить еще не полностью ожесточенные и зачерствевшие души, дабы они, насколько это возможно, отвратились от худшего образа жизни и избежали этой участи,

шись в Александрию, продолжил преподавать неоплатоническую философию, которая в том числе включала в себя и запрещенную властями теургию.

⁴⁹ Комментарий Гиерокла к *Золотым стихам* сохранился. См. издание: Koehler 1974; перевод: Петер 1996. «О промысле» пересказывает Фотий (*Библиотека*, код. 214 и 251). Подробнее см. Schibli 2002, 329 сл.

⁵⁰ Вероятно, Дамаский хочет сказать, что учение Гиерокла по преимуществу нацелено на практическую философию.

⁵¹ Морская метафора: отпускать канаты, то есть ставить все паруса.

ухватившись что есть сил за лучшее и устремившись вслед за ним. Ради этого он оставил письменные рассуждения, подобно тому, как это до него сделал Эпиктет. И мне кажется, что этот муж, если сопоставить их сочинения, во всем окажется Эпиктетом нашего времени, за исключением, разве что, стоической доктрины. Ведь ничто так не приветствовал Теосебий и ничем так не восхищался, как истиной Платонова учения. Затем-то он сочинил небольшую книжицу о тонкостях великого «Государства», словом восхваляя теософию, снизошедшую от богов. Ведь именно ее он особенно почитал и ей поклонялся.⁵² Кажется, он постоянно занимался изучением этики. В самом деле, по природе он стремился не к знанию, но к благой жизни, хотя эта последняя ни в коей мере не сводилась к тихому времяпрепровождению и мысленным упражнениям. Это была жизнь, достаточно активная. Не проявляя себя в публичной жизни, он вел жизнь частную, уподобившись в этом Сократу, Эпиктету, да и любому здравомыслящему человеку, управляя своей жизнью и жизнью своего внутреннего сообщества (πολιτεία). К этому он стремился прежде всего, а затем уж ко всему остальному, в достаточной мере и лишь ради его улучшения.

Е (Ф 59 + Ф 31) Теосебий, человек в высшей степени благоразумный, согласился иметь отношения с женой ради рождения детей. Но так как детей у них не было, Теосебий показал жене перстень целомудрия и сказал ей: «О жена! Много лет назад я вручил тебе перстень, управляющий продуктивным союзом. Теперь же я даю тебе этот перстень целомудрия, который поможет тебе вести целомудренную домашнюю жизнь, если ты сможешь и пожелаешь разделить ее со мной в чистоте. Если же нет, то я позволяю тебе взять другого мужа, которому я отдаю тебя полюбовно и добровольно, как

⁵² Речь, конечно же, идет о *Халдейских оракулах*.

друг подругу». Она же охотно приняла его предложение и прожила остаток жизни со своим мужем, воздерживаясь от сексуальных контактов с ним. Теосебий отмечал действенность этого оберега не только в отношениях со своей женой, но и при некоторых личных обстоятельствах в прошлом. Ведь, когда он был моложе, ему, как он сам признавал, приходилось бороться с силами, способствующими рождению, как внешними, так и внутренними.

47

(Σ 1.145.20 + Φ 60) Грамматик Аммоний, украшенный родством с Сирианом,⁵³ был по природе схож с ним как характером, так и телесно: «видом, статью и нравом», по словам Гомера.⁵⁴ Ведь оба они были хороши собой и высокого роста. И оба отличались отменным здоровьем и физической силой, безупречными как в целом, так и в отдельных случаях. Да и души их похожим способом стремились к совершенству. Правда, Сириан был в большей мере любим богами и стал подлинным философом, тогда как другому нравилось искусство толкования поэтов и выправления греческих текстов. Именно этому Аммонию принадлежал осел, который, как говорят, забывал о еде, слушая рассуждения о поэзии, даже если до этого его намеренно морили голодом. Вот насколько он проникся любовью к изучению поэтических острот.

48

А (Φ 61 + Σ 1.397.7 + Σ 4.305.20) Исидор хорошо разбирался в поэзии, не отдаваясь ей в полную силу, но обращаясь к ней, когда это было необходимо. Симпатизировал он ей в наименьшей степени, так как она не касается души, оставаясь на

⁵³ Имеется в виду ученик Плутарха, основателя афинской школы неоплатонизма, и учитель Прокла.

⁵⁴ *Илиада* 2.58.

уровне воображения и речи, а в некоторых случаях даже вступает в конфликт с общеизвестными понятиями.⁵⁵ Такова причина, по которой он уступал другим в этой области. Так, люди могли усматривать в сочиненных им гимнах и возвышенность, и ритуальную чистоту, однако им не хватало складности. Поэтому он позволял мне исправлять в них метрические погрешности и все то, что нарушало подобающий ритм.

В (Σ 4.292.23) О риторических украшениях он также не помышлял, понимая ценность слова, однако остерегаясь и ненавидя заносчивость и кичливость риторики.

49

(Σ 2.702.26 + Φ 62) Софист Теон, преподаватель риторики, вел свой род от хранимой богами Маркеллы,⁵⁶ а по отцовской линии, несколько позже, от Экдика, который и сам был учителем искусства риторики. Этот Теон не отличался находчивостью и остроумием, однако превосходил многих любознательностью и трудолюбием. Так он добился великолепного знания поэтов и ораторов, выучив наизусть их сочинения и достигнув высот в искусстве их толкования. За очень короткое время он достиг выдающегося многознания, изучив как древних, так и новых писателей. Вот только писать стихами или прозой не мог, как ни старался.

⁵⁵ Возможно, отмечается парадоксальность поэзии и, в ряде случаев, моральная предосудительность сочинений поэтов. П. Атанасиади (Athanassiadi 1999, 141) усматривает здесь намек на критику поэзии в Платоновом *Государстве*.

⁵⁶ Маркеллой звали жену Порфирия. П. Атанасиади (Athanassiadi 1999, 141) полагает, что речь здесь идет именно о ней, так как если бы Дамаский имел в виду мать Прокла, также Маркеллу, то он упомянул бы об этом важном факте.

50

(Ф 63) Битва у стен Рима случилась между римлянами и скифами под предводительством Атиллы, и произошло это во времена императора Валентиниана, который правил после Гонория. Кровавое пролитие с обеих сторон было столь значительным, что никто из участников битвы не выжил, кроме разве что военачальников и их ближайшего окружения. Поразительно, однако, что, когда погибли все сражающиеся и их тела обессилили, они так и остались стоять, сражаясь посредством одних лишь душ три дня и три ночи, причем эта битва была не менее жестокой, нежели та, что они вели будучи живыми, как по силе, так и по доблести. Образы этих душ, сражающихся друг с другом и бряцающих оружием, можно поныне увидеть там и услышать.

В наше время, *по его словам*, засвидетельствовано множество видений древних битв, и сражения эти не хуже тех, что вели живые люди, за исключением того, что они совершенно беззвучны. Одно такое явление наблюдается на равнине Согды, которая некогда была болотом, и случается это тогда, когда лучи восходящего солнца только начинают освещать землю. Другое видение наблюдается в Курбах в Карию. Его можно наблюдать не каждый день, но через неопределенные интервалы времени, когда на рассвете, но еще до восхода солнца «теневидные образы души»⁵⁷ распространяются по воздуху и сражаются друг с другом. Но ведь и в наше время многие свидетели, не будучи лживыми,⁵⁸ сообщают, что в Сицилии на так называемом Поле Четырех Башен и в ряде других мест наблюдаются призраки сражающихся всадников, причем обычно летом и в самый полдень.

⁵⁷ Ср. Платон, *Федон* 81 с.

⁵⁸ Должно быть, имеется в виду то, что многочисленные свидетельства не могут все оказаться ложью.

- А (64) *Рассказывает он* и о коне Севера, римлянина, которого Антимий привел в надежде, что тот поспособствует подъему павшего Рима, и который, покинув Рим, затем вернулся назад и получил должность ипата. Так вот, тело того коня, на котором он обычно ездил, испускало из себя многочисленные искры, когда его чистили скребком, и продолжалось это до тех пор, пока не свершилось предсказанное и он действительно не стал ипатом в Риме. Еще была обезьяна, которая, как сообщает Плутарх из Херонеи, подобным же образом предсказала Тиберию, тогда еще юному ученику риторики на Родосе, что он станет императором. А Валамир, один из приближенных Атиллы, испускал искры из своего тела. Этот Валамир стал отцом Теодориха, который теперь правит всей Италией.⁵⁹ *Рассказывая о себе, этот автор пишет:* когда я одеваюсь и раздеваюсь это также случается, хотя и редко, так что мое тело испускает искры, нередко с треском, а иногда вспышки освещают одежды, не обжигая их. *Он также сообщает,* что как-то встречал человека, который мог испускать искры из головы и, по собственному желанию, добывал огонь посредством трения грубой одежды о свои волосы.
- В (65) Он скакал на своем коне как можно быстрее, но все же остался позади всех.
- С (Ф 66 + Σ 4.335.29 + *Σ 3.66.20) Не преуспев в политике, он вернулся в Александрию и начал вести тихий и праздный образ жизни, всей душой возненавидев публичные дела. – Он яростно обвинял как римский народ, так и его правителя. – Философию же он начал изучать по многочисленным книгам, которые были в его распоряжении. Кроме того, ему лучше других удавалось привлекать к себе образованных

⁵⁹ Отцом Теодориха был король остготов Теодемир (правил с 469 по 474 гг.), а Валамир был его дядей (правил остготами примерно с 440 по 469 гг.).

людей, которые часто его посещали. Да и сам он был благожелательным человеком.

D (Ф 67) Севера в Александрии посещали и брахманы, и он принимал их в своем доме со всем должным уважением. Все это время они оставались в его доме, вели себя весьма церемонно и не стремились посетить городские бани или какие-либо зрелища в городе, совершенно не интересуясь внешним миром. Питались они финиками и рисом и пили чистую воду. Сами они не принадлежали ни к брахманам, живущим в горах, ни к индусам, населяющим города, но служили двум мирам, давая советы брахманам касательно городской жизни и горожанам помогали в отношении брахманов. О горных брахманах они рассказывали все те истории, которые передают и другие авторы: что они будто бы вызывают дождь и засуху одной молитвой, избавляют людей от голода, мора и других напастей, кроме тех, которым предопределено случиться самой судьбой. Они рассказывали также, что в их краях живут одноногие люди и семиглавые змеи невероятного размера. *Рассказывали они еще много историй, в которые трудно поверить.*

E (Ф 68) Север говорил, что как-то видел растение, похожее на Горгону: ее корень напоминал по форме девушку, а пряди волос на голове – змей.

52

(Ф 69) Гадание по облакам, о котором слыхом не слыхивали древние, было изобретено женщиной по имени Антуса во времена римского императора Льва. Родиной этой женщины были киликийские Эги, однако происходила она из семьи орестиадов, поселившихся близ горы Коман в Каппадокии, и род свой возводила к самому Пелопсу. Беспokoясь о своем муже, который был военачальником и отправился с другими на Сицилийскую войну, она обратилась с мольбой к восходящему солнцу, надеясь во сне узнать о грядущем. Во

сне ей явился отец и призвал обратиться с мольбой также и к заходящему солнцу. И пока она молилась, посреди чистого неба вокруг солнца образовалось облако, которое разросло и приняло форму человека. Затем от него отделилось другое облако и, также увеличившись в размерах, приняла форму льва. Яростно разинув огромную пасть, лев проглотил человека, причем человекоподобное облако выглядело как гот. В скором времени после этого явления император Лев предательски умертвил предводителя готов Аспара и его сыновей. С того времени Антуса постоянно практиковала свой способ гадания по облакам.⁶⁰

53

- А (Ф 70) Египетские богословы отождествляют Сотис с Изидой, тогда как эллины возводят эту звезду к [созвездию] Сириус, которое они представляют себе в виде собаки, сопровождающей Ориона во время охоты, или даже наблюдают ее именно так начертанной на небе.⁶¹
- В (Ф 71) Некие люди тайно разбили и уничтожили посвященную статую. Лишенные божественной помощи, живущие в

⁶⁰ Как полагает Атанассиади (Athanassiadi 1999, 149 п. 123), речь может идти о дочери Илла по имени Антуса. События относятся ко временам войны императора Льва с вандалами. Аспар был убит в 471 г., а его два сына Ардабур и Патриций, хотя и были ранены, спаслись. См. также фр. 108 и 115.

⁶¹ Не вполне ясное описание известного астрономического явления (гелиакического восхода звезды Сириус, α созвездия Большого Пса), знаменующего начало египетского года. Не исключено, что Дамаский воспользовался здесь *Иероглификой* Горополлона (1,3). Ср. Порфирий, *О пещере нимф* 24, Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 21 и 38. Подробнее см. Athanassiadi 1999, 151 п. 125.

той местности египтяне с трудом сохраняли гавань, рассчитывая лишь на человеческие силы и умения.⁶²

- С (Ф 72) Служанки преследовали собаку, схватившую кусок страусинного мяса и убегающую прочь.
- Д (Ф 73) По мере раскопок обнажилось и стало заметно основание очень древнего храма.

54

(Ф 74 + Σ 2.412.22 + Σ 2.412.26) Гермий был родом из Александрии; именно он был отцом Аммония и Гелиодора, *которые стали учителями Дамаския*.⁶³ Также Гермий был большим другом Эгипта, брата Теодоты, матери философа Исидора. Да и сам Эгипт стремился к знанию. По природе Гермий был сдержан и отличался простым нравом. Обучаясь философии у великого Сириана, он превзошел всех соучеников в трудолюбии, даже знаменитого Прокла, *который впоследствии стал диадехом*.⁶⁴ Не лишен он был и любви к тем благодатным наукам, которые раскрывает философия.⁶⁵ Однако пронизательностью он не отличался, не открыл новых доказательств и не стал подлинным искателем истины. Поэтому он не мог выстоять в споре с теми, кто задавал ему вопросы, хотя и запомнил почти все, услышанное от учителя и записанное в книгах. Так что собственное движение его мысли не соответствовало его многознанию. Недоставало ему скорее рассудительности, нежели основательности; зато он был настолько причастен добродетели, что даже сам Мом (бог хулы) не

⁶² Должно быть, речь идет о разрушении святилищ в Менутисе, о которых Дамаский упоминает и в других местах своего сочинения (фр. 58 и 86). Об этом упоминает также Захария Схоластик (*История* 19 и 28–29).

⁶³ Пояснение Фотия.

⁶⁴ Пояснение Фотия.

⁶⁵ Очевидно, указание на теургию.

смог бы его порицать, а Фтонос (Ненависть) ненавидеть. Таковы были присущие ему сдержанность и чувство справедливости. Когда одному неграмотному человеку (*ιδιώτου*) пришло в голову предложить ему книгу, он исправил ошибку, а затем купил книгу за сумму, большую, чем изначально требовал продавец. Не только в этот раз, но и довольно часто он проявлял чувство справедливости там, где другие люди остались бы безучастными, например, называя правильную цену в случаях, когда сам продавец этого не осознавал. Это отличало его от других людей, охотно принимающих «дар Гермеса» (*ἔρμαιον*) и полагающих, что они не поступают нечестно, если продавец расстается со своей вещью добровольно. По его же мнению подобного рода сделка содержит в себе уловку и обман, так как, хотя никто не лжет, истину все же скрывают. Несправедливость, незаметная для большинства, в данном случае сводится не к открытому насилию, но краже. Не такая опасная как грабеж, эта кража все же попирает закон, оставаясь, к тому же, им не замеченным. Говорят, что, умирая, он поклялся Египту в том, что душа бессмертна и нерушима. Смелости же ему придала благая жизнь (*εὐζωία*), свободная от телесных потребностей, которая теперь, возвратившись к себе, испытала отделение перед лицом вечности.

55

(Ф 75 + Σ 1.543.8) Брат Гермия Григорий был его противоположностью: исключительно проникательный и сообразительный в исследовании и учебе, он не был спокойным и сдержанным, отличаясь буйным нравом. Вскоре после возвращения братьев из Афин в Александрию, Григорий заболел настолько сильно, что его разум (*τὸ ὄργανον*) отказался служить ему и совершенно его покинул.

(Σ* 2.161.18) Эдесия, жена Гермия. Она был родственницей великого Сириана, а также прекраснейшей и благороднейшей из александрийских женщин. Характером вся в мужа, она отличалась простотой и благородством, на протяжении всей жизни справедливость предпочитая благоразумию. И действительно, любовь к богу и любовь к человеку отличали ее более всего. Сверх меры стремясь облагодетельствовать нуждающихся, она продолжила тратить на благотворительность столько же, даже оставшись, после смерти Гермия, с сиротами на содержании. В результате ее сыновьям пришлось жить в долг, и некоторые люди порицали ее за это. Она же, полагая, что единственным достойным сокровищем в свете доброй надежды [на вечную жизнь] является готовность помочь нуждающимся святым и честным людям, не жалела ничего из сочувствия к человеческому несчастью. За это ее любили даже самые порочные из наших сограждан. Но более всего она заботилась о том, чтобы обучить сыновей философии, стремясь передать им отцовскую науку, как если бы это было семейное имущество. И она сумела сохранить для детей то публичное жалование (δημόσιον), которое было предоставлено их отцу, со времен их отрочества до тех пор, пока они сами не стали философами, чего, насколько нам известно, не удавалось ни одному мужчине и ни одной женщине. Эдесия пользовалась всеобщим уважением и была окружена немалым почетом. Когда же она прибыла со своими сыновьями в Афины с тем, чтобы отдать их учиться философии, то ее добродетелями восхищался не только весь философский хор, но и его корифей, Прокл. Именно эту Эдесию, когда она была еще девушкой, Сириан просватал бы за Прокла, если бы некое божество не удержало Прокла от женитьбы. Столь благочестивой она была и святой, и настолько любимой богами, что сподобилась многих чудесных явлений (эпифаний). Такой же Эдесия и осталась, на

протяжении всей жизни любимой и почитаемой богами и людьми. Я познакомился с ней, когда она уже была в возрасте, и, после ее смерти, произнес, согласно обычаю, поминальную речь в ее честь, украшенную героическим стихом. Это случилось в дни моей юности, когда я еще был почти мальчиком.

57

А (Ф 76) УГермия и Эдесии был сын, родившийся еще до наших философов, и, когда ему было лишь семь месяцев, Эдесия, как это принято, играла с ним, ласковым голосом называя «бабион», что значит «дитя». Услышав это, он разозлился, упрекая ее за использование подобных детских выражений, высказав свои возражения ясным и отчетливым голосом. *Он рассказывает и другие чудные истории об этом ребенке, сообщая затем, что* в возрасте семи лет он покинул это тело, так как его душа не смогла удержаться в этом мире. Сирийцы, в особенности жители Дамаска, словом «бабиа» называют младенцев и даже более старших детей, в честь почитаемой ими богини Бабии.⁶⁶

В (Σ* 2.162.13) Младшим из сыновей ее и Гермия был Гелиодор, а старшим Аммоний. Этот последний был талантливее и любознательнее, тогда как первый проще и зауряднее; это определило и их нрав, и сочинения. Ведь они оба учились у Прокла, поступив в его школу под руководством своей матери. И Прокл уделял им особое внимание, так как они были детьми Гермия, его друга и соученика, и Эдесии, родственницы Сириана, к тому же там присутствующей. В это же время в Афины прибыл и Гиеракс, брат Синесия.⁶⁷

⁶⁶ С. Brockelmann, *Lexicon Syriacum*, 1928, p. 62A (Athanassiadi 159).

⁶⁷ По хронологическим соображениям, это не может быть знаменитый Синесий Киренский, ученик Гипатии, действительно посещавший Афины ок. 410 г.

С (Ф 79) Аммоний отличался трудолюбием и сочинил комментарии больше любого из его предшественников. Лучше всего он разбирался в Аристотеле. Познаниями же в геометрии и астрономии он выделялся не только среди своих сверстников, но, можно сказать, в чем-то превосходил как своих старших коллег из школы Прокла, так и многих ученых прошлых веков.

58

А (Ф 77 + Σ 3.628.21) Невыразимые таинства подлинной философии были превращены в предмет насмешки и издевательств некоторыми людьми, чей слух ослаб, а чувства притупились, как пишет Дамаский, имея в виду тех, кто раскрыл профанам невыразимые таинства подлинной философии.⁶⁸

В (Ф 78) Гиеракс Александрийский, современник Аммония, говорит, что видел животное, похожее на Пана, которого привезли из Эфиопии в Византий. Выглядело оно точно так же, как представлено на изображениях и в скульптурах, а его голос, который можно было услышать, пока его везли по улицам, напоминал дикий крик.

⁶⁸ Примечательно, что в точности эта же фраза встречается у Суды еще в одном месте (3.66.13) и относится к случаю разграбления христианами тайного храма Изиды в Менутисе. Об этом эпизоде упоминает также Захария Схоластик (*История* 33 сл.), отмечая, что сокровища храма были вывезены в Александрию на двадцати верблюдах и там публично сожжены. Город Менутис, располагавшийся близ Канопы, затонул после 740 г. в результате землетрясения. В 1999–2000 гг. французские подводные археологи обнаружили в заливе Абу-Кир, на месте древнего города, многочисленные памятники (фрагменты городских строений, сфинксы, амфоры для вина, статуи и монеты). Подробнее см. Goddio F. *Egypt's sunken treasures*. Munich, 2006. Курсивом выделено пояснение Фотия.

С (*Σ 4.761.3) Во времена императора Льва некие эфиопы привезли жирафов и двух безумных людей маленького роста, из числа тех, кого Гомер называл пигмеями.⁶⁹

IV

АФИНЫ В 470-Е ГГ. (ФР. 59–70)

59

А (Σ 2.163.9 + Φ 248 + Φ 249 + Φ 80 + Σ 1.289.9) Исидор преисполнился радости, увидев Прокла, чей вид внушал уважение и почтение настолько великие, что казалось, будто смотрящий на него глядывался в лицо самой философии. Но и Прокл подивился тому, насколько духовность и полнота внутренней философской жизни проявлялись в самом Исидоре. Ведь его глаза выдавали живость ума и, вместе с тем, чудесную величавость и неподдельную скромность, которые не могли не привлечь философа, тут же допустившего молодого человека во внутренний круг своих учеников.⁷⁰

В (Σ* 4.588.27 + Σ* 4.648.27) Прокл предписал Исидору преобразиться для лучшей жизни и надеть грубый плащ [философа] (τριβωνοφορεῖν). Но он не решился на это, хотя и почитал Прокла как бога.

С (Σ* 4.650.30) Он не «перешагивал, – в соответствии с речением, – через порог»⁷¹ в отношении благочестия, но, устано-

⁶⁹ *Илиада* 3.6.

⁷⁰ ...γνώριζον ἐποίει (ср. Марин, *Жизнь Прокла* 38, Порфирий, *Жизнь Плотина* 7). Атанассиади (1999, 165 п. 137) отмечает и более обыденное значение: «...принял как старого знакомого». Ср. также фр. 17, где Дамаский описывает живость глаз Исидора в еще более превосходных выражениях.

⁷¹ *Халдейские оракулы*, фр. 176, цитируемый также в *Жизни Прокла* 13, где Марин описывает процесс обучения Прокла. Согласно биографу, Сириану важнее всего было не нарушать последовательность

вив для себя правила, соответствующие его возрасту, к божественным предметам подходил, соблюдая благородство и чистоту.

- D (Σ^* 4.421.11) Исидор говорил, что молодому человеку, только что прикоснувшемуся к философским речам, приличествует старательное изучение философии, тогда как благочестивое стремление и боголюбие подобает скорее тем, кто далеко продвинулся на этом пути, как по возрасту, так и в отношении философии.
- E (Σ^* 2.375.27) Прокл ставил теологию превыше всех иных разделов философии, а благочестие по-видимому предпочитал его противоположности – строгой жизни, устремленной к добродетели.
- F (Σ^* 4.780.11) Прокла поражала способность Исидора подражать голосам птиц и их зову. Порой же, во время проведения халдейских ритуалов, он показывал способ имитации того, как различные пернатые, такие как маленькие воробьи и домашняя птица, хлопают крыльями, готовясь взлететь.

60

- (Σ 4.315.12 + Φ 250 + Φ 82 + Φ 81) Салюстий. Он прибыл в Александрию из Афин вместе с философом Исидором. Характер Салюстия всем казался странным, поскольку философствовал он в удручающей манере, а дурачился смехотворно, хватая через край, как мне кажется, и в том и в другом. Ведь для подобного образа жизни важна прежде всего рассудительность.

предметов, поэтому от логических, этических и физических сочинений Аристотеля он сначала перешел со своим учеником к «теологии» Стагирита, и лишь затем, «не перешагивая» раньше времени «через порог», ввел его в круг «малых мистерий» – «мистагогию Платона», после освоения которой, снова в должное время и в нужной последовательности, Прокл под руководством наставника перешел к средоточию всей платонической мудрости – диалогу *Тимей*.

По отцовской линии Салюстий происходил из <...> Сирии, тогда как по материнской – из Эмесы. Его отца звали Василидом, а мать – Феоклеей. Наделенный природой разнообразными способностями, а также мрачным и честолюбивым характером, он сперва обратил свой взор на желанное для него судебное красноречие и пошел в ученики к софисту Евною, который тогда был в Эмесе. Впоследствии же [карьеру] правоведа он променял на жизнь софиста и начал старательно штудировать ораторов, своим трудолюбием поражая окружающих не менее, чем природными талантами, ведь ему удалось выучить наизусть все публичные речи Демосфена. Преуспел он и в их произнесении, причем не так, как это делают современные софисты, но практикуя сочинение речей с определенным налетом древности. И речи, которые он написал сам, были ненамного хуже древних.

Он напоминает в этой связи о нашем соотечественнике Маркелле, друге Евноя, который выучил наизусть все восемь книг *Истории* Фукидида, однако [сам] не в силах был вымолвить ни слова, достойного внимания. Рассказывают и о Нонне, который шесть раз прочитал всего Демосфена, и все же так и не смог сочинить ни одной сколь-либо сносной речи. Так что выучить кучу всего наизусть и хорошо написать самому – это не одно и то же.

И так как Салюстий уже достиг ощутимых успехов в этом искусстве и, будучи самоуверенным молодым человеком, склонным к горделивым речам и считающим Евноя недостойным себя <...>⁷² он отплыл в Александрию и начал там пробовать учиться то у одного учителя риторики, то у другого.

⁷² Краткая ремарка Фотия: «...так как оратор Евной был тугодумом».

61

(Σ 4.399.19 + Φ 83) Супериан, софист, родом исавриец, из школы Лахариса.⁷³ Этот Супериан учиться начал довольно поздно и был несколько глуповат по природе, однако отличался таким трудолюбием и старанием, что, начав лет в тридцать с небольшим изучать сочинения ораторов и все то, что относится к свободным искусствам, сумел, нещадно понукая себя и погоняя, изучить в этом возрасте все то, что все другие осваивают еще детьми, принуждаемые к этому педагогами и учителями. В публичных банях у этого Супериана нередко видели раны, которые он сам себе нанес. Правда, ожидания его вполне оправдались, так как вскоре о нем заговорили как о софисте «в Афинах великолепных и славных»,⁷⁴ не уступающем в известности самому Лахарису.⁷⁵

62

А (Σ 4.399.30 + Φ 84) Но мне известно и то, что Лахарис стал софистом скорее благодаря старанию, нежели природному дарованию. Ведь мне попадались тексты его речей. И мне показалось, если судить по этим речам, что он был скорее старательным, нежели даровитым от природы. Я также видел скульптурный портрет этого человека, который наглядно являл природу Лахариса. Неторопливый в речах, своим обликом он воплощал такие добродетели, как красота

⁷³ Марин (*Жизнь Прокла* 11–12) пишет о Лахарисе в самых превосходных выражениях и рассказывает историю о том, как он вместе с Сирианом впервые встретил молодого Прокла и убедился в том, что иноземный юноша также поклоняется лунному божеству. Именно этот эпизод стал определяющим в решении Сириана представить Прокла Плутарху и затем взять в свои ученики.

⁷⁴ Строка из Пиндара (фр. 76 Mähler).

⁷⁵ Характеризуя Лахариса, Марин отмечает, что в софистическом искусстве он достиг таких же высот, как Гомер в поэзии (*Жизнь Прокла* 11).

и благородство, так что его скорее следовало бы называть философом, нежели софистом. Так что в целом Лахарис был человеком, любимым богами, который, сперва утратив их видения, затем возвратился к ним.

В (Ф 85) Святой человек, великолепно [подготовленный] к вакхическим таинствам.

С (Ф 86 + Σ 3.391.21) Софист Митрофан был потомком Лахариса. Еще в детстве, будучи совсем ребенком, он кричал: «Я – лысый Аристофан», – хотя и не мог ничего об этом знать даже понаслышке. Когда же люди, слышавшие эти крики, спрашивали его, что он имеет в виду, то он решительно настаивал на том, что не имеет никакого понятия о смысле сказанного. Софист Супериан написал речь против этого Митрофана.

63

А (Ф 87) [Он (Дамаский) говорит, что видел статую Афродиты с посвянительной надписью софиста Герода.]⁷⁶ Когда я увидел ее [впервые], то даже вспотел от страха и смятения, а моя душа наполнилась такой радостью, что я не в силах был покинуть это место и пойти домой. Несколько раз впоследствии я приходил сюда только для того, чтобы посмотреть на нее. Сколь прекрасно изваял ее скульптор! В ней не было никакой слащавости и чувственности (*ἀφροδίσιον*), но лишь степенность и мужественность: в полном вооружении, словно только что вернувшись с победой, она стояла с выражением удовлетворения на лице.

В (Ф 88) Гиерий, сын Плутарха,⁷⁷ изучавший философию у Прокла, видел в так называемом доме Квирина отдельную человеческую голову, размером и формой не отличающейся от горошины. Поэтому ее так и назвали – горошина

⁷⁶ Ремарка Фотия.

⁷⁷ Плутарх Афинский, учитель Прокла (см. о нем след. фрагмент).

(ἐρέβινθος). Во всех остальных отношениях это была человеческая голова, с глазами, лицом, волосами сверху и полным ртом, причем, этим ртом она кричала как тысяча человек, настолько громко.⁷⁸

64

(Σ* 3.469.1) Николай,⁷⁹ ритор, ученик Плутарха и Прокла (я говорю о Плутархе, прозванном Несторием).⁸⁰ Написал подготовительные упражнения, пособия по риторике и другие сочинения. Процветал в правление Льва Старшего, а также Зенона и Анастасия.

65

(Σ* 3.507.16) Оденаф, сириец. Он посещал философа Плутарха, заполняя занятия наставника множеством вопросов, которые сковывали рассуждение и не позволяли его завершить.

⁷⁸ Далее Фотий отмечает, что описания различных «чудес» содержатся в книге Дамаския в большом количестве.

⁷⁹ Сочинения Николая: *Rhetores Graeci* (Walz) 1.266–420. По-видимому, он был скорее соучеником Прокла, нежели его учеником. Согласно Марину (*Жизнь Прокла* 10) именно Николай (который также был родом из Ликии) встретил Прокла в Пирее и проводил в Афины, предложив по дороге воды из священного источника, расположенного рядом со статуей Сократа, что Марин интерпретирует как добрый знак.

⁸⁰ См. также фр. 89А (ниже). Это двойное имя может косвенно указывать на то, что отцом основателя афинской школы неоплатонизма Плутарха был Несторий, жрец, которому Зосима (*Новая история* 4.18.2–4) приписывает спасение Афин от землетрясения в 375 г. (Athanasiasiadi 1999, 173 n. 149). Марин (*Жизнь Прокла* 28) отмечает, что «халдейские ритуалы», которые знал этот «великий» Несторий были переданы им самому Плутарху и дочери Плутарха Асклепигении, от которой, в свою очередь, знание этих ритуалов перешло Проклу. Здесь важно отметить специальную связь этого рода с культом Асклепия, которая также передалась и Проклу (см. Afonasin 2017).

Но Оденаф был слабее в тех случаях, когда следовало ухватить саму истину. Ведь он [должно быть, Плутарх] не считал, что философ должен лишь выслушивать вопросы и, в зависимости от тех или иных обстоятельств, давать на них ответы. Более того, трудно и почти невозможно человеку говорить или размышлять о богах.

66

А (Σ 4.316.4) Салюстий, философ, который сказал, что людям нелегко философствовать, да и невозможно. Выслушав эту речь, я пришел от нее в ужас, так как это было не только неверно, но и недостойно обсуждения. Однако Салюстий знал, как выразить суть дела (τὸ ἐνόν). Он не упрекал всех философов просто так, но, будучи по природе противником порочных людей или, по Гераклиту, «толпоненавистником»,⁸¹ нападал на всякого оступившегося и никогда не упускал случая вступить с кем-нибудь в спор или поднять его на смех. Иногда он делал это серьезно, но в основном в шутку или в виде насмешки. Был Салюстий довольно остроумным и по природе склонным к колкостям, причем одарен он был этой способностью в высшей мере, что, впрочем, типично для их народности.⁸² Салюстий примечателен и тем, что истинное мнение о богах называл пятой добродетелью,⁸³ полагая, что она присутствует

⁸¹ Точнее, так Тимон характеризовал самого Гераклита (Диоген Лаэртий, *Жизнеописания философов* 9.6, Гераклит А 1 DK).

⁸² Салюстий был родом из Сирии.

⁸³ Наряду с четырьмя кардинальными платоническими добродетелями: рассудительностью, мужеством, самообладанием и справедливостью. О сложной системе степеней неоплатонических добродетелей, таких как естественные (φυσικαί), этические (ἠθικαί), гражданские (πολιτικαί), очистительные (καθαρτικαί), созерцательные (θεωρητικαί), парадигматические (παραδειγματικαί), иератические или теургические (ἱερατικαί / θεουργικαί), см. Афонасин 2019. Возможно, Салюстий включился в дискуссию по их поводу (тогда его пятая добродетель должна

иногда даже в самых порочных людях. Когда же чужеземцы, восхваляя его прочие достоинства, говорили, что ему не хватает только одного – он не разделяет ту же веру в богов, что и большинство, – то он ответил, что предпочел бы этот один [недостаток] оставить, дабы не раздражать Немезиду. Когда же Пампрепий, облеченный в то время величайшей властью, красуясь, спросил его: «Что есть боги для людей?» – то он ответил: «Кому не ведомо, что я еще не стал богом, а ты уже [перестал быть] человеком?». Вот то, что касается Салюстия. Философствовал он в кинической манере.

В (Ф 89 + Σ 2.678.24) Склонный к кинизму (κινιζων), Салюстий не ходил проторенной философской дорогой, но выбирал ту тропу, что продирается сквозь споры, брань и, особенно, тяжкий труд ради добродетели. Обувался он, кстати, редко, когда же носил обувь, то повсюду путешествовал в аттических ификратидах⁸⁴ или простых сандалиях. И все же никто не видел его больным телесно или страждущим душевно сколь-либо продолжительное время, и он, как говорят, «покорно влачил» такое существование.

С (Ф 251) Босым обошел он, как говорят, весь обитаемый мир.

Д (Σ* 4.837.1) После посещения Салюстием жилища учеников он замечал, что жаровни⁸⁵ так и оставались чистыми и незакопченными, словно только что куплены на рынке. Ведь в течение долгого времени он настаивал на том, что есть нужно лишь сырую пищу.

быть очистительной, позволяющей освободиться от эмоций, или созерцательной, возводящей от души к уму) или, что вероятнее, просто высмеивал сложную неоплатоническую систему.

⁸⁴ ἰφικρατῖδες – обувь, введенная Ификратом для военных во время Коринфской войны.

⁸⁵ Жаровня на ножках (χυτρόπους), мангал.

- Е (Σ 1.282.9) Салюстий отвращал молодежь от философии, провозируя их одним из двух способов: либо, нанося оскорбления учителям и не скрывая своей к ним ненависти, он плел козни и против философских школ, либо, подробно описав величие этого занятия, затем доказывал, что никто из людей не достаточно хорош для него.
- Ф (Σ 1.314.8) В действительности случалось и так, что молодые люди, выказывающие любовь к философии, подвергались проверке, как золото огнем. И даже если он и не говорил, что это испытание, оно все же было испытанием, и немалым – своего рода притворным стремлением, западней, поставленной для незрелой поспешности. По крайней мере, меня он пытался остановить, убеждая в том, что занятие это наитруднейшее.
- Г (Σ* 1.70.26) Афинодор был прекрасно подготовлен к выбору стези философа, и в силу природной склонности и после здравых размышлений <...> пока Прокл был жив. Он предлагал своим приверженцам очень ясные толкования. Поражаясь его основательности, Салюстий говорил, что он не человек, а огонь, воспламеняющий все, что лежит поблизости (*παράχρημα*).⁸⁶ И все же он убеждал Афинодора оставить занятия философией.

- (Σ* 2.507.24) Зенон, александриец, муж иудейского происхождения, отвергший иудаизм прилюдно перед своими собратьями – проведя, как у них установлено по закону, в нерабочий

⁸⁶ Слово «приверженцы, *οἱ πλησιάζοντες*», буквально означает «находящиеся поблизости». Правда или нет, но Симпликий (Комментарий к «Руководству» Эпиктета 13) передает, что сам Салюстий имел обыкновение класть раскаленный уголь себе на колени и, раздувая огонь, проверять, долго ли он сможет так посидеть.

день [субботу] белого осла через место их собрания, именуемое синагогой. Этот Зенон был по природе человеком честным и благочестивым, но в речах и науках туповатым ($\nu\theta\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\varsigma$), вечно стремящимся что-нибудь выучить и задающим вопросы по поводу того, в чем не разбирался. А не разбирался он практически во всем. Ведь он был настоящим туподумом, и скорым предателем того, что понял, по причине своей забывчивости.⁸⁷

68

(Σ^* 2.507.31) Был среди учеников Прокла и другой Зенон, живший в то же время и родом из Пергама. Он также по природе был слабоват в науках, но человеком дельным и строгих правил. Вот только который из них способствовал возникновению разногласий между Салюстием и Проклом – этого я не могу сказать.

69

А (Σ 3.325.23) Марцеллин,⁸⁸ муж снисходительный и благородный. Он правил Далмацией, областью в Эпире, населенной

⁸⁷ Возможно, саркастический намек на отступничество, с которого начинается этот фрагмент: Зенон «забыл» что он иудей.

⁸⁸ Марцеллин командовал войсками во времена западноримского императора Анфимия (467–472), провел ряд успешных кампаний против вандалов в Сицилии и Сардинии и в 468 г. должен был отправиться от берегов Сицилии со своим флотом, спешащим на помощь византийскому военачальнику Василиску, движущемуся на Карфаген. Именно в это время он пал жертвой заговора, вероятно, инспирированного его соперником Рикимером. Тогда же Василиск потерпел поражение на море в результате коварного маневра Гейзериха, когда, после заключения перемирия с византийцами, вандал неожиданно напал на их флот и сжег значительную его часть брандерами. Подробнее см. Гюнтер, Корсунский 1984, 79. Из исторических источников и от

иллирийцами, получил римское воспитание, знал толк в мантике и, в целом, был человеком образованным. Он правил независимо, не подчиняясь ни римскому императору (букв. «василевсу ромеев»), ни другому национальному правителю, но сам устанавливал себе закон, управляя подданными справедливо. В политике ему была присуща сдержанная разумность, и удивительное мужество в том, что касалось забот о делах военных.

В (Ф 90) Благая и похвальная политика, и столь же достойное человеколюбие.

С (Σ* 2.473.20) Армия, ведомая Марцеллином, отличалась легкостью вооружения.

Д (Ф 91 + Σ 3.325.30) Царь Карфагена Гейзерих, услышав о том, что римляне (букв. «ромей») устранили своего союзника Марцеллина хитростью и несмотря на данную ему клятву, очень обрадовался в предвкушении победы и, как говорят, произнес слова, подобающие скорее римскому императору, нежели карфагенянину. «Они, – сказал он, – левой рукой сами отрубили себе правую». Марцеллин был самовластным правителем Далмации и придерживался эллинской веры. С ним общался философ Салюстий.

Е (Σ* 4.136.15) Столь крепкой надеждой их спланивала та верность (πιστότης), которую Марцеллин проявлял в отношении божественных предметов.

70

(Ф 92) Глядя в глаза встречающихся ему людей, Салюстий предсказывал в отдельных случаях ожидающую их насильственную смерть. Сам он не мог объяснить причину такого предвидения, однако, будучи спрошен, в качестве возможных причин пытался указать на темноту глаз, их затуманенность

Дамаския мы знаем, что Марцеллин симпатизировал язычникам и, возможно, водил дружбу с философами.

и повышенную влажность, вроде той, что в момент горя проникает даже в зрачок. *И еще некий человек по имени Ураний, житель сирийской Апамеи и правитель палестинской Цесареи мог, по его [Дамаския] словам, подобным же образом по глазам распознать треклятых (πολυράτους) колдунов. Этот же автор упоминает и о некоем Номе, своем соотечественнике, который, вглядываясь в глаза встречающихся ему людей, распознавал еще непойманных убийц.*⁸⁹

V

АЛЕКСАНДРИЯ В 470-Е ГГ. (ФР. 71–96)

71

А (Ф 93) Пересекши Эгейское море, Исидор ...⁹⁰

В (Σ* 2.668.20) ... который изучал философию под руководством братьев, проявляя особое старание в освоении наук и, в наибольшей мере в сравнении с другими, во всем том, что касается священных предметов и связанных с ними рассуждений.

72

А (Σ 2.579:3) Гераиск по природе был в большей степени богоподобен, тогда как Асклепиад более сведущ в египетской мудрости, и это потому, что один много времени провел в

⁸⁹ Два последних предложения представляют собой пересказ Фотия. Ном изучал риторику в школе Горуполлона в Александрии вместе с Севером Антиохийским. В фр. 106В и 109 его характер описывается в самых превосходных выражениях. Возможно, эта информация о Номе также происходит из другой части сочинения Дамаския.

⁹⁰ Очевидно, речь идет о возвращении Исидора в Александрию из Афин, где он получил философское образование, позволившее занять заметное место среди александрийских философов, таких как упоминаемые далее Гераиск и Асклепиад.

Египте, а другой путешествовал за границу <...> Так что второй уступал первому в природных способностях, а первый второму в познаниях.

- В (Σ 2.579.29) Именно так он организовал свою жизнь: при каждом удобном случае испытывая душевное стремление посетить какое-либо святилище или место для посвящения, он занялся тем, что восстанавливал древние ритуалы не только в Египте, но и в других странах, где сохранились эти обычаи.
- С (*Σ 1.40.1) Все свои усилия он направил на то, чтобы как можно больше узнать о способах тайного служения богам.⁹¹
- Д (Σ 2.579.33) Асклепиад, воспитанный на египетской литературе, обладал более точными познаниями в области отечественного богословия, исследуя его начала и середину, а также погрузившись в изучение совершенной беспредельности его самых отдаленных пределов. Это ясно показывают гимны, которые он сочинил в честь египетских богов, а также трактат о согласии между всеми видами богословия, который он задумал сочинить. Писал он и о незапамятных временах египетской истории (Ἰγύγιων),⁹² охватывающей тридцать тысяч лет и даже немного более.

⁹¹ В завершение своего монументального трактата *О первых началах* (125, III, 167 sq. Westerink) Дамаский пересказывает ряд античных теогоний и замечает, что согласно Гераску древние египтяне почитали невыразимое и темное первое начало, которое затем породило предел и беспредельное в форме воды и песка (должно быть, «ила», как в теогонии «Иеронима и Гелланика», которую Дамаский излагает немного выше, 123bis = орфика фр. 75 [Bernabé], фр. 54 + 57 [Kern]), замечая далее, что его брат Асклепиад предпочитал описывать эти начала в другом порядке и, кроме того, учил о трех Камефисах (Καμηφίς), последний из которых стал солнцем. Все это, как он отмечает тут же, нужно было для того, чтобы изучить вопрос о согласии между всеми древними теологами и сделано по заказу самого Прокла.

⁹² Буквально, восходящей ко временам Огига.

- Е (Ф 93) Асклепиад также говорил, что как-то видел прядь волос невероятного размера и красоты, плывущую по Нилу. В другой раз они оба [Герасис и Асклепиад] как-то обедали на берегу Нила (а третьим был наш философ [Исидор]), и снова из реки появился локон, длиной в пять кубитов. *Он рассказывает много фантастических историй.*⁹³
- Г (Ф 94) *Он пишет, что Асклепиад восходил на гору Леван в районе Гелиополя в Сирии и видел там множество так называемых бетиллов (βαϊτύλων),⁹⁴ о которых он рассказывает много фантастических историй, достойных нечестивого языка. Он сообщает, что позже он с Исидором лично видел эти камни.*

73

- А (Ф 95) Блаженный род избрал лишь им свойственный образ жизни, богоугодный, счастливый, посвященный занятиям философией и поклонению божествам.
- В (Ф 96) Они зажигали священные лампы на алтарях.

74

- А (Ф 97) Леопард, по их словам, постоянно хочет пить, тогда как ястреб никогда, поэтому никто не видел ястреба пьющим.⁹⁵

⁹³ Локон Изиды, богини, отвечающей за процесс возрождения природы, по египетскому преданию появлялся в конце июня, перед восхождением Сотиса, символизировавшего возрождение Озириса. Эллинистическая адаптация этого культа – «волос Береники», нашедший воплощение в поэзии Каллимаха. Можно предположить, что «локоны», которые видели наши герои, – это стволы крупных папирусов, плывущие вниз по течению (Athanassiadi 1999, 187 п. 169).

⁹⁴ То есть камней, обычно метеоритов, которые нередко становились предметом культа у кочевых народов. Подробнее см. фр. 138.

⁹⁵ Сокол был священным животным бога Гора. Эти наблюдения могли восходить к *Иероглифике* Гораполлона или подобных ей сочинениям, доступных Дамаскию.

- В (Ф 98) Гиппопотам – животное наглое, именно поэтому иероглиф с его изображением означает наглость. Ведь он убивает своего отца и совокупляется со своей матерью.⁹⁶
- С (Ф 99) Сухос справедлив. Сухос – это название крокодила определенного вида. Он не поступает несправедливо ни с одним животным.⁹⁷
- Д (Ф 100) Кошка мочится каждый час, отмечая каждый из двенадцати, днем и ночью без исключения, наподобие часов. А фазы луны можно отсчитывать посредством ее потомства. Ведь первый раз она приносит семь котят, во второй шесть, в третий пять, в четвертый четыре, в пятый три, в шестой два и в седьмой одного. Так что общее количество котят совпадает с числом фаз луны.⁹⁸
- Е (Ф 101) Кеб (особый вид обезьяны) мастурбирует в момент соединения солнца с луной.⁹⁹

⁹⁶ Египтяне различали мужскую «несправедливую» особь гиппопотама, которого связывали с ужасным богом Сетом, и женскую, ассоциирующуюся с богиней плодородия Туерис (Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 50). Иероглиф гиппопотама описывается в *Иероглифике* Горополлона (1.56), где рассказывается та же история о соперничестве молодых гиппопотамов со своими отцами за право обладания матерью. См. также Порфиний, *О воздержании* 3.23, Элиан, *О природе животных* 7.19.

⁹⁷ См. Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 18. «Сухос» – это бог Себек, чье святилище находилось в Фаюме.

⁹⁸ Общее количество котят – 28, что соответствует фазам луны. См. Плутарх, *Об Изиде и Озирисе* 63. По этой причине, как считалось, кошка символизирует луну. Далее Плутарх (там же 74) передает еще более фантастическую историю, согласно которой кошка символизирует речь, потому что зачинает через ухо, а рождает через рот.

⁹⁹ Вероятно, длиннохвостая маргышка. См. Элиан (*О природе животных* 17.8), Лид, *О месяцах* 3.11.

Г (Ф 102) Когда африканская антилопа чихает, она предвещает разлив Нила.¹⁰⁰

75

А (Ф 252) Слово «ἔδη» у него означает как само святилище, так и изваяние; основание святилища также называется «ἔδος».

В (Ф 253) Во сне видение это было у него бесчисленное, так сказать, число раз и один раз наяву.

С (Ф 254) Вопреки обыкновению, Дамаский называет человека «озирающимся» вместо того, чтобы сказать, что он был «пристально вглядывающимся» и «наблюдающим».

Д (Ф 255) Их не беспокоили те помехи, которые обычно беспокоят других людей,

Е (Ф 103) пока их предводители не погрязли в соперничестве, которое вредило и их согражданам.¹⁰¹

Г (Ф 105) Пучок света на стене как будто уплотнился и принял форму человеческого лица, поистине божественного и сверхъестественного, сияющего не радостно, но сурово. Тем не менее, вид его был прекрасен и, при всей своей суровости, оно не было лишено благожелательности.¹⁰²

76

¹⁰⁰ Вероятно, Οὐγὸν λευκογὺχ. То же самое говорит и Элиан (*О природе животных* 7.8). Согласно Горуполлону (*Иероглифика* 1.49), антилопа – символ нечистоты.

¹⁰¹ Как отмечают исследователи, речь могла идти как о соперничестве христиан с язычниками (в результате которого была разгромлена школа Горуполлона), так и полемике между монофизитами и дифизитами (Петром Монгом и Иоанном Талайя).

¹⁰² Атанасиади (195 г. 184) отмечает, что именно такими суровыми, но благожелательными Ямвлих представляет себе архангелов (*О мистериях* 2.3).

- А (Σ 2.579.32) Так Гераиск стал вакхантом,¹⁰³ как и предсказывал сон.
- В (Ф 104) Он предрекал будущее в согласии с тайными видениями.
- С (Σ 2.580.8) Гераиск был не только добрым и мягким; его возмущал порок и он мог мужественно выступить против человеческой подлости, никогда не поступаясь справедливостью.
- Д (Σ* 4.469.26) Гераиск, будучи египтянином, был очень хорошим собеседником, однако не очень сильным борцом за истину, не способным проследить и исследовать пути, от нее ведущие. Взамен он был наделен другим прекрасным качеством (εὐμορία), противоположным этому.
- Е (Σ 2.579.7) Гераиск был наделен природной способностью отличать живые священные изваяния от неживых. Взглянув на одно из них, он тут же испытывал сердечный трепет, а его тело и душа воспаряли, словно одержимые божеством. Если же он оставался недвижим, то значит данное изваяние было лишено души и божественного вдохновения. Именно так он понял, что в «невыразимом» изваянии Эона обитало божество, почитаемое египтянами и представляющее собой, в силу некоего мистического единства, одновременно Озириса и Адониса.¹⁰⁴ Еще Гераиску было свойственно сторониться всяческой нечистоты, связанной с рождением. Так, услышав голос «нечистой» женщины, он тут же испытывал головную боль. *И это было знаком того, что у женщины менструация.*

¹⁰³ То есть подлинным философом. Подразумевается метафора Платона (*Федон* 69e). Вероятно, имеется в виду вышеупомянутое видение (фр. 75BF).

¹⁰⁴ Эон означает Вечность, Озирис смерть, а Адонис – возрождение. Значит, согласно Гераиску, это был символ вечного возрождения.

Таким образом, нечто божественное сопровождало его на протяжении всей жизни. Когда же он умер,¹⁰⁵ и его брат приготовился оказать ему жреческие почести, обернув его тело в покрывало Озириса, то повсюду на ткани возникли сверкающие невыразимые диаграммы, а вокруг них – чудесные образы, ясно показывающие присутствие божества, с которым делит теперь свое существование его душа. Но и первое¹⁰⁶ его рождение было священным и таинственным. Говорят, что на свет из утробы матери он появился с пальцем, прижатым к губам и призывающим к молчанию, то есть так же, как, согласно египетскому преданию, это ранее случилось при рождении с Гором, а до него с Гелиосом. Так как палец прирос к губам, то потребовалась операция, и след рассечения так и остался на его губе, в качестве знака таинственного¹⁰⁷ рождения.

Говорят, что даже Прокл считал, что Гераиск превосходит его; ведь он знал все то же, что и Прокл, а что Гераиск знал, того Прокл не ведал.

77

А (Ф 108) *Он говорит, что Антемий, римский император, был приверженцем эллинской религии, как и его единомышленник Север, идолопоклонник, которого он назначил ипатом. Вместе они втайне замыслили восстановить ненавистное идолопоклонство.*

В (Ф 109) *Он сообщает также, что Илл и Леонтий, которого он объявил императором вместо Зенона, имел такие же нечестивые замыслы и намерения, и человеком, направившим его по этому пути, был Пампрепий.*

¹⁰⁵ См. об этом фр. 128.

¹⁰⁶ То есть физическое воплощение до мистического перерождения.

¹⁰⁷ Буквально: невыразимого.

С (Ф 110) *Относительно Пампрепия Дамаский, как и другие историки, пишет, что он был любителем странных историй, предавал друзей и погиб насильственной смертью. Пампрепий был египтянином и профессионально занимался грамматикой.*¹⁰⁸

Д (Σ 4.14.33) Будучи любителем словесности, Илл пожелал послушать дискуссию о природе души, которую бы вели ученые люди. Тогда многие присутствующие предложили в ответ разнообразные философские теории. Когда же обсуждение стало несогласованным и беспорядочным, Марс заметил, что лишь Пампрепий может предоставить неопровержимое решение этой проблемы. (Тот был довольно смуглым человеком отвратительной наружности, и занимался грамматикой, перебравшись для этого из Панополя в Египет. Благодаря [удачному] браку он долгое время прожил в Греции и был привезен к Иллу Марсом.) Пампрепий произнес хорошо составленную речь о душе, сочиненную им некоторое время назад, и поскольку, по словам Платона, невежда кажется невежде более убедительным, нежели человек ученый,¹⁰⁹ то ему удалось заморочить Иллу голову этой глубокомысленной болтовней так, что последний объявил его самым сведущим из константинопольских учителей. Обеспечив Пампрепия солидным публичным жалованием, он поручил ему обучать тех, кто посещал школы, так, как ему вздумается. Таково было начало благополучия Пампрепия, ставшего впоследствии причиной многих несчастий для государства.

А (Ф 256) Никто не глух к божественному настолько, чтобы не замечать его дел и особенно – наказаний грешников.

¹⁰⁸ Подробнее о нем см. ниже, фр. 112.

¹⁰⁹ Ср. Платон, *Горгий* 459d.

- В (Ф 257) *Вот если бы он не ошибался в отношении истинной музыки и если бы не ошибался в отношении святой истины.*
- С (Ф 258) Соратники и повстанцы иной веры.
- Д (Ф 11) Я не собираюсь рассуждать о том, что не обязательно верно и легко может оказаться сомнительным.
- Е (Σ 2.580.11) Аммоний и египтянин Эритрий то и дело соперничали друг с другом в Византии, постоянно подвергая себя крайней опасности.
- Ф (Ф 112) Но мне хотелось бы теперь оставить то, что связано с Пифоном, и вернуться к Гераиску.

79

- А (Ф 113) Он кричал что есть сил.
- В (Ф 114) Его волосы ниспадали до плеч.
- С (Ф 115) Финикийцы и сирийцы дали Кроносу имя Эл, Бел и Болат.¹¹⁰

80

- (Σ 1.383.9) Асклепидот с детства считался наиболее проницательным и сведущим среди своих сверстников, непрестанно занимаясь всем тем, что ему попадалось на глаза, от примечательных явлений природы до творений человеческих рук. Так он довольно быстро освоил все способы смешивания красок для тканей и различные методы покраски одежды, а также изучил огромное разнообразие сортов дерева, и то как волокна в них переплетаются то прямым, то более сложным способом. Кроме того, он всячески стремился постигнуть

¹¹⁰ Эл отождествляется с Кроносом у Филона из Библа (16). Дамаский (*О первых принципах* 2.210) рассуждает о его философских ипостасях. Бел изначально отождествлялся с Зевсом, и лишь затем с Кроносом. Имя Болат является производным от предыдущего. Перед нами пример эллинистической адаптации греческой религии к местным культам. Подробнее см. Athanassiadi 1999, 203 п. 203 (с указанием соответствующей литературы).

разнообразные силы и свойства камней и растений, как общеизвестных, так и весьма необычных. Когда же ему случилось встречать знатоков в различных ремеслах, он нередко садился с ними и подробно расспрашивал, вникая во все детали. Ему очень нравилась естественная история растений и, еще больше, животных. Он внимательно рассматривал те, что находил, подробно изучал словесные описания тех, которые обнаружить не удавалось, а также собирал труды, написанные об этом предмете его предшественниками.

81

(Ф 117) Вместе со своим бывшим наставником Асклепидотом он отправился на реку Меандр с намерением переплыть ее. Течение реки Меандр подхватило их, и они начали тонуть. Асклепидоту удалось вынырнуть лишь на мгновение, достаточное для того, чтобы увидеть солнце. Он закричал: «Мы гибнем», и произнес некое тайное заклинание. В следующее мгновение и без всякой посторонней помощи они полуживые уже лежали на берегу реки и, придя в себя, избежали гибели в адском потоке. Вот какой божественной силой обладал Асклепидот, тогда все еще находящийся в земном теле.

82

А (Ф 116) Кариийцы называли это место «долиной Аполлона».¹¹¹ Как-то Асклепидот возвращался из Авлона домой в Афродисию. Солнце уже зашло, и вдруг он увидел восходящую луну, словно было полнолуние, хотя солнце и не находилось в противоположном знаке зодиака.

В (Ф 118) Это изваяние также погибло в силу необходимости, уничтожающей все древнее.

¹¹¹ Авлон. Имеется в виду пещера близ Афродисии, посвященная Аполлону Авлону.

83

А (Ф 119 + Σ 1.383.24) Родом он был из Александрии, причем его родители были людьми малообеспеченными, однако скромными и благочестивыми. Мне он известен по нашим встречам как человек добрых намерений, не уступающий своему отцу¹¹² как в благочестивых устремлениях, так и в горячих и страстных чаяниях, ведущих к божественному. Что же касается философии и других подготовительных наук, то его способности превосходили способности его отца.

В (Σ 1.384.4) Будучи рачительным хозяином и земледельцем, он погасил многочисленные долги, оставшиеся после смерти его отца. Получая законным способом большие доходы он в то же время вынужден был много расходовать, как в силу своих благочестивых наклонностей, так и по причине тех традиционных обязательств перед городом, которые брал на себя дом [Асклепиодота Старшего]. В результате своим дочерям в наследство он также вынужден был оставить многочисленные долги.

84

А (Σ 2.601.14) Якоб, по прозвищу Психрист,¹¹³ сын Гесихия, врач. Его отец отправился на Родос, а затем в Дрепанон близ Аргоса, где женился на женщине, родившей ему сына Якоба. Оставив жену и сына, он затем уехал в Александрию и Италию и провел там девятнадцать лет, так что решили, что он пропал без вести. За это время мать Якоба вторично побывала замужем. Этот ее муж умер после того, как у них роди-

¹¹² Имеется в виду афродисийский аристократ Асклепиодот Старший, на дочери которого был женат этот Асклепиодот, то есть его тесть.

¹¹³ То есть «охладитель», должно быть потому, что имел обыкновение прописывать пациентам холодные ванны.

лось два сына и дочь. Тем временем Гесихий вернулся в Константинополь и Якоб, узнав об этом, тут же отправился к нему. Именно в это время он начал свое образование и медицинскую практику в Константинополе во времена императора Льва.

- В (Ф 120) *О враче Якобе, чья семья ранее жила в Александрии, но происходила из Дамаска, он [Дамаский] сообщает, что этот Якоб был сыном врача, практикующего почти сорок лет и объехавшего почти всю ойкумену, развивая и совершенствуя свое искусство. И своего сына Якоба он учил столько же лет. Об этом Якобе он (как и другие авторы) рассказывает много чудесных историй. Так, например, услышав о женщине, которая, по причине непрерывного чихания, потеряла все свои зубы, он смог, руководствуясь одним лишь этим обстоятельством, все рассказать об этой женщине, начиная с ее внешнего вида, телосложения и роста и заканчивая особенно ее душевного склада, обусловленными физиологией.*¹¹⁴
- С (Ф 121) После длительных путешествий по всей ойкумене, отец Якоба вернулся в Византий и обнаружил, что практикующие в городе врачи были лишены как точных познаний, так и практического опыта в своей профессии; пересказывая чужие мнения, они занимались не врачеванием, а болтовней.
- Д (Ф 122) Они [Гесихий и Якоб] в качестве средства против болезней использовали разнообразные очистительные средства и ванны. Они не торопились пускать в ход железо или пламя, даже наиболее серьезные нарывы излечивая диетой. Воздерживались они и от флеботомии.
- Е (Σ 2.601.24) Врач Якоб. Он был родом из Дамаска и в совершенстве освоил свою науку, не только диагностируя болезни, но и излечивая их, основательно и компетентно опираясь как на теорию, так и на практику. За это заслужил он первый приз в медицинской науке среди своих современников;

¹¹⁴ Буквально: «более физическими особенностями ее души».

сравнивали его и с древними, многих из которых он якобы превзошел. Нуждающиеся в его помощи любили его и поклонялись ему как существу, по силам равному богам. Он был настолько уверен в себе и своих методах лечения, что если, диагностировав на основании симптомов болезнь пациента во время визита, заявлял, что этот человек выживет, все радовались и ожидали выздоровления, если же нет – то готовились к смерти больного, более ни на что не надеясь. Он имел обыкновение говорить, что совершенный врач должен либо оставить надежду победить болезнь, либо, согласившись излечить пациента, добиться улучшения его здоровья и покинуть его лишь убедившись в том, что он пребывает в более приемлемом состоянии, или даже несколько позже. По этой причине люди называли Якоба спасителем, как Асклепия в древности. Однако врачи постоянно стремились дискредитировать его, оскорбительно обвиняя в том, что он не врач, а какой-то святой и любимец богов. И они были правы, так как он действительно был праведным человеком, благословенным богами. Если выразить это словами философа [Исидора], то можно сказать, что у Якоба была асклепическая душа, от природы наделенная целительской (букв. «пеанической») силой.¹⁴⁵ Более того, он настолько страстно стремился к осуществлению своего призвания, что это не только приблизило его к божеству, покровительствующему его искусству, но и привело к возникновению подлинной близости между ними. Так боговдохновенный Фидий создавал свои творения, а Зевксид придавал форму своим изваяниям.

¹⁴⁵ Согласно Проклу (Комментарий к *Тимею* Платона I 49A, 158.17–25 Diehl), пронизывающая весь мир божественная «пеаническая» сила постепенно проливается на низшие уровни бытия, воплощаясь в конечном итоге в доступном человеку искусстве врачевания. Ср. Прокл, Комментарий к *Государству* Платона II 118 Kroll.

- F (*Σ 2.450.1) Направленные на излечение больного благие устремления сопровождалась в его случае благорасположением ума.
- G (Ф 123) Якоб убеждал своих богатых пациентов помогать бедным и сам не брал с них денег за лечение, довольствуясь вознаграждением из городской казны (τῷ δημοσίῳ μόνῳ ἀρχοῦμενος στήρεσίῳ).¹⁶
- H (*Σ 4.779.23) Более, чем любой человек его времени, он был мягок и добр по отношению ко всем нуждавшимся.
- I (Ф 124) *Этот автор говорит:* я видел статую Якоба в Афинах, и мне он показался не очень складным (εὐφυής), но серьезным и основательным.
- J (Ф 125) Будучи в Афинах, где все дивились его искусству, Якоб предписал больному Проклу воздерживаться от капусты и использовать вместо нее [в качестве слабительного] мальву. Однако Прокл отказался есть мальву, строго исполняя пифагорейский запрет.¹⁷

85

- A (Ф 126) Асклепиодот, как считали многие люди, не был в полной мере одарен природой. Он отличался проницательностью, задавая вопросы, однако вряд ли был столь же сообразителен и одинаково хорош во всем остальном, в особенности если это касалось божественных вопросов – невидимой и умопостигаемой сущности возвышенного учения Платона. Что же касается орфической и халдейской возвы-

¹⁶ Он засвидетельствован как комит и архиатр («главный врач») в Константинополе при Льве I (457–474) (Malalas 14.38, 292 Thurn; Athanassiadi 1999, 207, п. 210).

¹⁷ Пифагорейцам не позволялось есть мальву, так как она считалась «первым признаком симпатии между небесными и земными существами» (Ямвлих, *О пифагорейском образе жизни* 109; ср. *Халдейские оракулы*, фр. 210a).

шенной премудрости, недоступной обычному философскому уму, то здесь он был еще слабее. Когда же дело доходило до естественных наук, то в этом он не имел себе равных среди современников, разбираясь также в математике, благодаря чему и сподобился славы человека, в высшей степени одаренного природой. Кроме того, он вечно стремился к нововведениям в области этики и учении о добродетелях, ограничивая свои исследования видимым нижним миром, не отменяя (как говорится) учения древних, но собирая все воедино и низводя до уровня природы этого мира (περὶ φύσιν).¹¹⁸

В (Ф 127 + Σ 2.87.4) Несмотря на природную музыкальную одаренность, Асклепидот так и не смог восстановить энгармонический род, в то время уже забытый, хотя мог разделять и исполнять два других рода, так называемые хроматический и диатонический.¹¹⁹ Что же касается энгармоники, то ему так и не удалось ее обнаружить, хотя, по его собственным словам, он испробовал на магидиде¹²⁰ не менее ста двадцати положений. Причина неудачи кроется в малости интервалов энгармонического рода, известных как диез. Невозможность различить их на слух привело к тому, что утратился весь энгармонический род, так как наше ухо недостаточно натренировано для того, чтобы услышать его.¹²¹

¹¹⁸ То есть, как можно предположить, Асклепидот стремился упростить неоплатоническую многоуровневую аретологию, особенно популярную после Ямвлиха. Подробнее см. предисловие.

¹¹⁹ Определение каждого из этих родов (или строев) см., например, у Никомаха из Герасы (*Руководство по гармонике*, гл. 12).

¹²⁰ Магадида – двадцатиструнный инструмент, половина струн которого звучала в октаву с другими.

¹²¹ В вышеуказанном месте Никомах так это описывает: «Энгармонический род по природе имеет такую последовательность: диез, затем другой диез, так что вместе они равны полутону, и затем остаток тетрахорда, целый несоставной дитон, что вместе также равно двум

- С (Σ 3.11.11) Асклепидот изучал хроматический и диатонический виды в музыке. И он добился того, что его голос и органы речи стали податливее воска, так что он мог настраивать их по собственному желанию так, как нужно. В результате он научился подражать голосам различных животных и любым другим шумам.
- Д (Ф 128) В медицине Асклепидот был учеником Якоба и шел по его стопам, в чем-то даже превосходя его. Так он восстановил давно забытую практику использования белого морозника (*helleborus*), чего не сумел добиться даже Якоб, и благодаря этому вылечивал, вопреки ожиданиям, и неизлечимые болезни.
- Е (Ф 129 + Σ 4.407.25) Изучая медицину, философ Асклепидот из современных врачей признавал только Якоба, а их более ранних, после Гипократа, киликийского Сорана, именуемого Маллот.¹²²

86

- А (Σ^* 2.35.22) Асклепидот [Старший] был священным и благочестивым человеком. Он поначалу был настолько богобоязненным и осмотрительным, что не позволял себе приносить жертвы и не желал ничего слышать о невыразимых тайн-

тонам и полутону. И далее уже невозможно, чтобы голос был созвучен с голосом». См. Афонасин, Афонасина, Щетников 2015, 202.

¹²² Один из важнейших представителей школы методистов, Соран происходил из Эфеса и работал в Риме в первой пол. II в. н. э. Очевидно, Асклепидот ценил его в качестве своего рода энциклопедиста, систематизирующего болезни. Правда, его сочинение «Об острых и хронических болезнях» дошло до нас лишь в позднейшем переложении на латынь Целлия Аврелиана. Полностью сохранилось лишь его сочинение «О женских болезнях». Известно также, что Соран написал биографию Гипократа. Библиографический очерк истории позднеантичной медицины: Афонасин, Афонасина 2017, 23–25.

ствах. Ведь ничему подобному нет места в мире становления, и достойны его лишь олимпийцы и те, кто думает, что обитает на Олимпе.

В (Σ 1.383.29) Благодаря его усилиям город Афродисия стал более религиозным. И практикуемые там невыразимые таинства он перенес в другие места – в Александрию, знаменитую своими оргиями [Озириса] и зачаровавшую многие восточные страны.¹²³

С (Ф 259) Они¹²⁴ направили свои усилия на философию, хотя ранее им и не доводилось встречаться с хорошими философскими наставлениями.

Д (Ф 260) Обратившись к молитве, он добился того, что странные грезы его покинули и он вернулся в обычное человеческое состояние.

Е (Ф 261) Он отдал ее, когда настало подходящее время для женитьбы.¹²⁵

¹²³ Не очень понятное место. Наиболее естественно понимать его как указание на распространение египетских культов на Востоке и общем влиянии александрийской традиции, что, конечно же, верно еще с эллинистических времен.

¹²⁴ Атанасиади полагает, что здесь речь идет о том, что Асклепидот Младший и его молодая жена Дамиана (см. ниже в этом же фрагменте), дочь Асклепидота Старшего, отправившись в Александрию, изучали там философию. Асмус считает, что имеются в виду жители Афродисии (то есть в фрагменте продолжается рассказ об Асклепидоте Старшем и его религиозной реформе в родном городе).

¹²⁵ Захария Схоластик (*История* 16–17) также пишет, что Асклепидот Старший, «один из самых известных граждан Афродисии и член городского совета», выдал за философа Асклепидота свою дочь. Вероятно, событие имело место ок. 480 г. Спустя несколько лет, после того, как супругам не удалось завести ребенка, они отправились в тогда еще не подвергшееся разграблению святилище Изиды в Менутисе (о нем см. также фр. 58 выше) с тем, чтобы обратиться к богине с просьбой даровать потомство. Их просьба, как повествует далее история, была услышана.

F (Ф 262) ...обернув невесту в плащ философа, так как она уже была философом.

G (Ф 130) Так Асклепиодот взял в жены Дамиану, исключительно скромную девушку возвышенного образа мыслей, отличную хозяйку, благоразумную и сдержанную в семейной жизни.

87

A (Ф 131) Во Фригии в Иераполе было святилище Аполлона, под которым находился проход, ведущий под землю и источающий ядовитые пары. Над ним безопасно не могли пролетать даже пернатые, а все живые существа, оказавшиеся поблизости, гибли. Лишь посвященные, как он говорит, могли спускаться до самого низа без вреда для себя. *Он сообщает также, что философ Дорос, одержимый божеством, спустился туда и спокойно вернулся назад. Этот же автор пишет, что, будучи в Иераполе, он увидел такой сон: он будто бы стал Аттисом и по велению Матери Богов отмечал праздник, называемый Гиларии, знаменующие наше избавление от смерти.*¹²⁶ Вернувшись в Афродисию, я рассказал о своем видении Асклепиодоту. Он выразил свое удивление по поводу произошедшего и поведал мне не сон вместо сна, но большее чудо вместо меньшего. Он рассказал, что в молодости он спустился в это место, дабы исследовать его природу. Дважды или трижды обернув вокруг себя гиматий так, чтобы тот закрывал ноздри, в результате чего, даже часто

¹²⁶ Гиларии отмечались в Риме в марте в честь Матери Богов и знаменовали собой приход весны и возрождение природы. Великая Мать Богов (греческая Рея) на каком-то этапе развития греко-римской мифологии отождествилась с фригийской Кибелой, возлюбленной которой был Аттис. Сохранилось по крайней мере три версии мифа об Аттисе (о пишут Овидий, Катулл и более поздние источники – Павсаний, имп. Юлиан и Арнобий), но в каждом из них доминирует идея о гибели и возрождении.

дыша, он вдыхал не дурной и пагубный воздух, но безвредный и спасительный, он отправился в подземную расселину, продвигаясь вдоль вытекающего оттуда теплого ручья, и прошел вдоль него почти до самого конца, так и не добравшись до самых глубин. Дальше продвинуться оказалось невозможным потому, что ручей стал очень глубоким и непроходимым для человека. Однако катабаты, находящиеся в состоянии иступления, достигали и крайних пределов. Так, благодаря своей смекалке (σοφία), Асклепиодот не только вышел наружу невредимым, но и впоследствии сумел искусственно воспроизвести эти смертельные испарения, используя с этой целью различные вещества.

- В (Σ 1.384.1) С молодых лет и до старости будучи человеком, одаренным природой, он изобрел множество устройств для храмовых богослужений, а также украшал изваяния богов и сочинял гимны в их честь.
- С (Ф 263) Изреченное и неизреченное в религиозном обряде в честь божества.

88

- А (Σ 3.577.21 + Ф 132) Провозглашать прорицания и заниматься этим делом людям, склонным к философии, не подобает. Ведь страна философа лежит дальше от страны прорицателя, чем, как говорят, Мизия от Фригии. И все же Патриций посмел, вопреки философскому закону, двинуться в этом направлении.
- В (*Σ 1.40.14) Он осуждал его страсть к прорицаниям и склонность доверять свои дела шарлатанам.
- С (*Σ 1.40.10) Он был шарлатаном и любителем прорицаний.
- Д (Ф 133) Крестьянка я мол и деревенщина.

89

- А (Σ 2.127.21) Философ Домнин, сириец, родом из Лаодикеи и сирийской Лариссы, вместе с Проклом учился у Сириана, как

*пишет Дамаский.*¹²⁷ В области математики он был очень сведущим человеком, чего не скажешь о других частях философии. Поэтому он своими нововведениями многое исказил в учении Платона. Правда, эти искажения были в достаточной мере изобличены Проклом, который сочинил против него целый трактат, «очищающий», как сказано в названии, «учения Платона». Да и образ жизни, который он вел, не был достаточно совершенным для того, чтобы его можно было назвать подлинным философом.

Афинский Асклепий дал оракул, предписывающий одно и то же лекарство для Плутарха Афинского и Домнина Сирийского. У последнего постоянно открывалось кровотечение (отсюда и название его болезни), а чем болел первый мне не известно. В качестве лечения каждому было предписано вдоволь есть свинину. Плутарх не мог принять такое лечение, хотя оно и не противоречило обычаям его страны, так что, проснувшись и облокотившись на своей кровати, он обратил свой взор на изваяние Асклепия (ведь в это время он как раз спал в вестибюле храма) и сказал: «Господин! Что ты предписал бы иудею, страдающему от той же болезни? Разве и его заставил бы есть свинину?» Так он сказал. В ответ из статуи раздался мелодичный голос Асклепия, предписывающий иное лечение от его болезни.

Напротив, Домнин, получив во сне предписание, противоречащее обычаю <его народа>, примеру Плутарха не последовал и с тех пор начал постоянно употреблять в пищу свинину. Он говорил также, что начинал испытывать боли,

¹²⁷ Это подтверждает и Марин (*Жизнь Прокла* 26), отмечая, что именно Домнин стал впоследствии преемником Сириана. Это и ряд последующих сообщений Дамаския (фр. 90D, 93) показывают, что между Домнином и Проклом было определенное соперничество, очевидно, в конечном итоге приведшее к дискредитации первого.

прекратив употребление свинины даже на один день, и что только наполнив желудок преодолевал болезнь.

В (Σ 4.329.4) Его тело нуждалось в мясной диете, однако он не мог прикасаться к мясу, не предназначенному для жертвоприношений, именно так истолковывая древний запрет «Не ешь мертвечины».¹²⁸

90

А (Ф 135) Он был вежливым и утонченным собеседником, не только на серьезных собраниях, но и во время простых посиделок, так что все близкие находили общение с ним приятным и полезным.

В (Σ 1.383.32) Серьезный и, одновременно, остроумный, он мог поддерживать приятную беседу с кем угодно.

С (Ф 264) Он не уехал в Афродисию даже будучи вызван.

Д (Σ* 3.378.4) Отплыв из Афин и достигнув Селевкии в Сирии, Асклепиодот начал наблюдать за человеческими поступками. И за все время [наблюдений] ему встретились, по его собственным словам, лишь три сдержанных (μετρίως) человека: в Антиохии философ Гиларий, в приграничном сирийском городе Лаодикея Марас, самый справедливый из ныне живущих людей, получивший прозвище Аристид, и философ Домнин.

91

А (Σ 2.629.21) Гиларий, из Антиохии в Сирии, где ему принадлежало первое место в городском совете. Одаренный природой, прилежный, острый на язык и имевший в своем распоряжении разнообразные книги, он все же начал изучать

¹²⁸ Этот запрет приписывают пифагорейцам (Диоген Лаэртский, *Жизни философов* 8.33). Марин сообщает, что Прокл также стремился воздерживаться от употребления мяса, кроме случаев жертвоприношений (*Жизнь Прокла* 19).

философию довольно поздно. Дело в том, что служебные обязанности в городской администрации на родине не оставили ему свободного времени для занятий философией. В молодые годы его характер не очень способствовал развитию благоразумия. Однако случай и подходящее время для воспитания благоразумия выдались тогда, когда годы несдержанных устремлений для него и так уже заканчивались. Все началось с семейной неприятности, которая затем оказалась воистину счастливым совпадением. Дело в том, что его жена изменила ему с одним из близких друзей. Растлителем оказался ритор по имени Мосх. Пользуясь добрым расположением Гилария и будучи вхож в его дом, он проявил неблагодарность по отношению к своему благодетелю и был застигнут с поличным во время сексуального акта с его женой. Нисколько не смутившись, Гиларий разрешил это дело мужественно и благоразумно. Он призвал к себе этого человека, отдал ему жену и имущество, достаточное для того, чтобы тот по закону мог заседать в городском совете, сам же, так как детей у них все равно не было, покинул страну и, избрав философский образ жизни, отправился в Карию и Ликию. Прибыв в Афины, он захотел стать учеником Прокла и заняться философией. Однако Прокл, услышав, что он прибыл с молодыми наложницами и продолжал вести обычной для него образ жизни, не пожелал его принять. Тогда Гиларий покинул Афины, продолжая таким способом преследовать то, что больше подходило ему, нежели Проклу.

В (Ф 266) Гиларий, который, будучи философом, в то же время не отказывал себе в удовольствиях ниже пояса, учеником Прокла так и не стал.

С (Σ^* 2.216.12) Он оставил свои труды из-за склонности к сирийским удовольствиям.

(Σ* 3.322.20) Марас и сирийского города Беройя [Алеппо] был очень богатым человеком, однако изобилие не сделало его надменным. Он не выставлял свое богатство напоказ, используя его как средство для достижения справедливости и проявления человеколюбия, помогая нуждающимся и щедро одаривая свой город. Был он настолько добрым и справедливым, что ни в чем упрекнуть его не мог ни гражданин, ни иноземец, ни городской житель, ни сельский. Ни один поступок, если он сводился лишь к воздержанию от несправедливости по отношению к согражданам, он не считал праведным, без устали творя добро. Заботился он не только о своих делах, но и о делах других людей, как городских жителей, так и сельских. Наилучшим доказательством этого было то, что если кто-то намеревался продать участок земли, расположенный рядом с землей Мараса, то продавец мог потребовать более высокую цену, а покупатель соглашался дать за этот участок больше обычного, лишь бы стать соседом этого справедливейшего из людей. Так имя Мараса вошло в поговорку, символизируя справедливое обращение с ближними.

(Σ 2.128.13) Говорят, что молодому Асклепидоту довелось встретиться с ним [Домнином], уже стариком, человеком весьма высокомерным и жестким, не устаивающим своим вниманием ни местных, ни гостей, и в особенности тех, кто был выше его рангом. Пренебрежительно обошелся он и с Асклепидотом, когда тот не смог согласиться с ним по поводу одной арифметической теоремы и, с юношеским задором, вместо того, чтобы вежливо уступить, опроверг его доводы настолько резко, что Домнин больше никогда не приглашал его на свои занятия.

94

- А (Σ 4.138.12) Он не желал принимать пищу, имея слабый желудок.
- В (Ф 136) К богу он отошел по причине сильных болей в кишечнике.

95

- А (Ф 267) Он имел обыкновение говорить, что продолжительным физическим существованием он обязан своей жене. Правда, говорил он это не с благодарностью, как можно было бы ожидать, но с некоторым сожалением по поводу того, что до сих пор остается в теле, обвиняя ее в том, что она делает все, что только может сделать человек для того, чтобы отсрочить его смерть.
- В (Ф 268) Он восхвалял жену за благовоспитанность и радовался ей.
- С (Ф 269) Удовлетворив ранние ожидания от брака, бог подал знак скорого рождения, и тогда муж увидел, что его жена беременна.
- Д (Ф 137) Он взял беременную жену с собой [в Афродисию].

96

- А (Ф 138) Еще находясь в постели он неожиданно увидел Дике – светоносную деву, изящно подпоясанную, в коротком хитоне яблочно-золотистого цвета, украшенном пурпурными лентами, с повязкой на голове и без покрывала. Она смотрела пристально и насупив брови, однако не на него, а на входную дверь.
- В (Ф 139) Философ Асклепидот, ученик Прокла, мог читать в полной темноте без света и мог узнавать находящихся [в темноте] людей.
- С (Ф 270) Темнота не мешала Асклепидоту читать.
- Д (Ф 271) Он поведал немало достойных удивления историй о том, что слышал, и много других о том, что видел собственными глазами.

- Е (Ф 140) Он рассказывал, что своими глазами видел в Карии голову дракона, упавшего на поле карийца Пифия и принесенную [в дом] к этому самому Пифию. Размером она была с голову огромного быка. Асклепидот также видел живого дракона, зависшего в воздухе в облачном небе; он извивался на ветру, оставаясь при этом внутри плотного облака, растянувшись там, подобно огромному шесту. Заметив дракона, он начал было показывать его присутствующим, однако облако стусилось еще сильнее и чудовище исчезло.
- Г (Ф 272) И неведомый голос, кому бы он не принадлежал, приказал кораблю остановиться.
- Г (Ф 273) τὸ ὄμμαχόιον означает видеть и слышать одновременно.

VI

«ЗЛАТАЯ ЦЕПЬ» (ФР. 97–105)

97

- А (Ф 141) Преемник Прокла Марин, родом из Неаполя в Палестине, лежащего близ горы под названием Аргариз... Здесь находится святейший храм Зевса Всевышнего,¹²⁹ которому,

¹²⁹ Имеется в виду храм Баал-Шамина («Баала Небесного»), некогда располагавшийся на горе Гаризим. Согласно *Второзаконию* 27.2–8, по приказанию Моисея на горе был установлен жертвенник с «заповедями». В качестве верховного небесного бога Баал-Шамин естественным образом отождествлялся с Зевсом, а затем с Юпитером (святилище которому на этой горе заложил император Адриан). «Новый город» (Неаполис, совр. Наблус) был основан римлянами в 72 г. до н. э., а в 244 г. имр. Филипом Арабом преобразован в колонию Julia Neapolis. Ал. Икономидис (Oikonomides 1977, vii–xi) заметил, что на номисмах этой колонии впервые появляется надпись ΘΕΟ ΜΑΡΙΝΩ, что должно быть указывает на установление императором культа своего отца, Марина. Очевидно, это имя должно было с тех пор пользоваться определенной популярностью у жителей города, даже если знание о

- как об этом рассказывал сам Марин, приносил жертву Авраам, прародитель древних евреев. По своему исходному происхождению самаритянин, Марин отверг их веру, которая представляла собой отдельное течение в авраамической религии, и возлюбил эллинизм.
- В (Ф 274) До самой своей смерти он воздерживался от телесного совокупления. И даже худшие его недоброжелатели не нашли бы повода для выдвижения против него ложных обвинений подобного рода.
- С (Ф 142) Однако благодаря трудолюбию и неумным стараниям, Марин одним своим именем смог похоронить славу многих более даровитых и более пожилых мужей, нежели он сам.
- Д (Σ 3.600.29) Этого человека не получалось должным образом ни обследовать, по причине поразившей его телесной слабости, ни расспросить, из опасения, что это причинит ему беспокойство.¹³⁰
- Е (Ф 143) Исидор не позволял его расспрашивать, как по причине поразившей его телесной слабости, так и из опасения, что это причинит ему беспокойство.
- Ф (Ф 144) Как становится очевидным из его речей и сочинений (каковых немного), Марин не сумел проложить глубокую борозду идей, из которой бы проросли мудрые созерцания природы сущих вещей.
- Г (Ф 145) Лучший наставник в науке наблюдения звезд – Птолемеи.

его истинном происхождении ко времени рождения нашего философа было утрачено. Христианский апологет Юстин, родившийся в этом городе ок. 100 г., христиан здесь не встретил, зато упоминает о платониках. Неаполь был многонациональным и в то же время эллинизированным городом, что делает гипотезу о самаритянском или иудейском происхождении Марина избыточной.

¹³⁰ В этом и ряде последующих фрагментов подчеркивается, что Марин имел слабое здоровье.

- Н (Ф 146 + Σ 3.261.3) Он старательно выписывал выдержки из комментаторов, составляя для себя памятные заметки и накопления на случай, по слову Платона,¹³¹ старческой забывчивости.
- И (Ф 275) По причине природной вялости,¹³² Марин не выносил возвышенных толкований *Парменида*, который предлагал его учитель, и низводил его созерцания из области сверхсущих генад к идеям, следуя в этом скорее мыслям Фирма и Галена,¹³³ нежели чистейшим прозрениям благословенного мужа.
- Ј (Σ 3.324.25) Он заранее сообщил ему [Исидору] в письме свое мнение о гипотезах и толковании *Парменида*. В нем Марин переслал ему собранные воедино доводы, в силу которых он считал, что диалог касается не богов, но идей. Он даже сочинил комментарий, в котором истолковывал диалектические гипотезы *Парменида* указанным способом. Исидор послал ему письменный ответ, в котором привел бесчисленные доводы в пользу того, что теологическое толкование диалога

¹³¹ Имеется в виду знаменитое место из *Федона* (276d). О памятных заметках, как «лекарстве для памяти» говорят многие античные авторы.

¹³² Вероятно, имеется в виду физическое состояние Марина, а не только его интеллектуальные способности.

¹³³ Врач Клавдий Гален слушал лекции платоника Альбина и сам написал ряд философских работ, в том числе комментарий к *Тимею* Платона (правда, только к физиологической его части). Кроме того, он целенаправленно критиковал стоические теории и отстаивал верность платонического трехчастного деления души. Наверно, в этом смысле его можно назвать платоником. Кастриций Фирм был римским сенатором и учеником Плотина (Порфирий, *Жизнь Плотина* 7), однако мы ничего не знаем о его философских воззрениях. О неоплатонической теории генад см. Месяц 2013b.

более истинно, так что, если бы эта книга не была уже опубликована, то он и ее бы уничтожил.¹³⁴ Возможно также, что его остановил вещий сон, ведь Прокл сказал как-то, что видел во сне будто Марин написал собственный комментарий к *Пармениду*.

К (Ф 147) Заметив [болезненные] истечения из его тела, Прокл испугался за юношу.

98

А (Ф 148) Усопший, ныне достигший блаженства – я говорю о его душе и об образе его души – отчетливо предстал передо мной, когда я лежал на этой кровати.

В (Ф 149) Значит, несправедно всякое недоверие к словам,¹³⁵ которые подтверждаются ясным видением величайшего из мудрецов, тем, что лишь недавно услышал человек, второй после него в своей правдивости, и, в третьих, известием о нашем правдолюбивом послании, которое призвано передать это сочинение.

С (Ф 150 + Σ 1.254.26 + Σ 1.336.28) Убеждая его [Исидора] оправдать возлагаемую на него надежду, Прокл вдобавок ко всему просил не отвергать его отеческое пожелание, не ронять славу Платона, не взваливать себе на плечи (*κατανωτίζεσθαι*) груз решения Ямвлиха и Плутарха, ну и конечно подумать прежде всего не о личном выборе, а об общественной пользе. Однако, чем более в его речи подчеркивалась значимость преемства, тем более непреклонным становился Исидор, понимая, что это бремя для него слишком неподъемно. «Если бы некто, – говорил он, – призвал меня стать жрецом,

¹³⁴ См. фр. 38А, где говорится, что после критики со стороны Исидора Марин уничтожил свой неопубликованный комментарий к *Филебу*.

¹³⁵ Очевидно, приводится тот вывод, который Дамаский делает на основании этого видения.

то, признавая богоугодность этого дела и его святость, я вместе с тем все же признал бы и то, что страшусь этого выбора из-за собственной слабости. Преклоняя колени и робея при виде этого великого, и даже безмерно великого жреческого чина, я отказываюсь, по словам Пиндара, не от худшей доли, но от той, что слишком хороша для меня».¹³⁶

D (Σ^* 3.390.14) Его [Прокла] повеление не убедило Исидора, и ему вспомнилась строка из Ивика о том, что только согрешив перед богами он заслужит людскую славу.¹³⁷

E (Ф 151) Прокл боялся, что «златая цепь», воистину тянущаяся от самого Платона, может покинуть наш город Афины...

F (Ф 152) ...боялся он [этого] и из-за физической слабости Марина...

99

A (Ф 153 + Σ 1.109.10) В нем развилась истинная страсть к философии, так что, разорвав все земные путы и поправ всякую надежду на обретение славы и материального благополучия, он прибывает к Проклу в Афины.

B (Ф 154) Так описывали и философа Зенодота, единственного, удостоившегося имени Проклова любимца. На него он возлагал величайшую надежду.

¹³⁶ Возможно, *Олимпийские песни* 1.52.

¹³⁷ То есть, как показывает и предыдущий отрывок, несмотря на уговоры Прокла Исидор продолжал считать, что пост схоларха и связанные с ним публичные обязательства помешают ему не только заниматься философией, но и исполнить какое-то иное предназначение, уготованное ему свыше. Фраза поэта VI в. до н. э. Ивика (фр. 29 Page) со времен Платона (*Федр* 242d) стала общим местом в философской литературе. Ее цитирует Прокл в Комментариях к «Государству» 2.220, а Марин в самом начале своей *Жизни Прокла* перефразирует слова поэта, говоря, что, не выполнив свой долг по увековечиванию памяти о Прокле, он согрешит скорее не перед богами, а перед мудрыми людьми.

С (Σ* 4.223.4) Он был раздосадован отказом, однако не подавал вида в присутствии посторонних.¹³⁸

100

А (Σ 2.687.3 + Ф 283 + Ф 276 + Ф 155 + Ф 156) Теаген, афинянин, архонт, муж честолюбивый и высокородный, среди эллинов блистающий своим богатством, которое он использовал как должно, выправляя ошибки, совершенные некоторыми родами, и помогая нуждающимся, причем раздавая дары, не одной, но, по пословице, сразу обеими руками.¹³⁹ Он любил одаривать людей, и даже слишком любил, не зная меры. Много денег он потратил на содержание учителей, врачей и другие дела, полезные для города. Таковы похвальные качества Теагена. Однако он был вспыльчив и не терпел невнимания по отношению к себе, и всеми средствами стремился к тому, чтобы все, не исключая и философов, пресмыкались перед ним. Презируя и оплевывая других, в особенности тех, кто казался влиятельным и стремился проявить себя в имперской политической жизни и в то же время предпочитая новые почести традиционным формам благочестия, он незаметно для себя перенял вульгарный образ жизни, отстранившись от эллинов и обычаев своих предков. Ускользнуло от него и то, что теперь его окружали вовсе не верные друзья,

¹³⁸ Эти три отрывка показывают, насколько сложен для Прокла был процесс выбора подходящего преемника. В отрывке А, как предполагается Атанасиади, может идти речь об александрийском платонике Асклепидоте, который в то время жил в Афродисии и был очень богат (о нем Дамаский много пишет в различных частях своей *Истории*). Зенодот (отрывок В) также был значимым кандидатом. Мы не знаем, кто из них был отвергнут (отрывок С).

¹³⁹ Марин в *Жизни Прокла* (29) также называет Теагена благодетелем.

а лживые подлизы. Не сохранил он и то уважение к философии, которое некогда испытывал, на словах окружая себя философами, а на деле прислужниками.

Это-то и стало первопричиной его недоверия к Марину. Марин же, сохраняя достоинство, традиционное для философов, служил ему с должным уважением, – ведь он служил справедливости и всему тому, что прилично для философии, а вовсе не лести и грубости, – не был заносчивым, раздражительным или надменным по отношению к нему при встречах и не позволял себе более того, что допустимо для простого гражданина, стараясь при встречах и прощаниях проявлять должную почтительность, приличествующую одному из первых людей города, а может и всего римского государства. Ведь был он одним из римских патрициев, важным лицом в государственном совете (синклите) императора, выделяясь знатностью своего происхождения, изысканными манерами, а также явными стараниями и заботой о литературном труде.

В (Ф 157 + Σ 2.687.31) Теаген выделялся среди всех тех, кто созывался на большой совет, не только во всех прочих отношениях, но и как философ. И даже Марин способствовал росту его во всех отношениях блистательного величия.

101

А (*Σ 4.374.9) На публике он казался суровым, однако на деле проявлял себя совершенно иначе и мог быть добрым и прощательным.

В (*Σ 4.482.4) Когда случился раздор (στάσις), он занял более слабую позицию (συστοιχῆν), отступившись от прежней науки и обратившись к остальным.

С (Ф 277) Из-за этого раздора Марин удалился из Афин в Эпидавр, опасаясь, что их замысел состоял в том, чтобы нанести

ему физический вред (τάς ἄχρι τοῦ σώματος ἐκβαίνουσας ἐπιβουλάς).¹⁴⁰

102

(Ф 158 + Σ 4.142.3) Имущество диадохов не унаследовано, как многие думают, от Платона. Ведь Платон был бедным, владея лишь садом в Академии, который составлял малую долю всей «диадохики» (διαδοχικῶν). И доходы от этого сада не превышали трех золотых монет, тогда как общий [годовой] доход при Прокле вырос до тысячи и даже более монет, потому что благочестивые люди, любители наук, после своей смерти оставляли в разное время философам свое имущество, позволяющее им иметь досуг и спокойствие, необходимые для ведения философского образа жизни.

103

А (Ф 159) Однако давайте-ка сдадим назад кормой и вернемся к той теме, от которой мы отклонились.

В (Ф 160) Асклепидот, зять старшего Асклепидота, женившийся на его дочери, уже имел все необходимое для блиста-

¹⁴⁰ Это вырванное из контекста сообщение может относиться к какому-то факту преследования неоплатоников со стороны христиан, причем, Марину, возможно, пришлось по требованию властей пойти на какие-то уступки. Однако, как полагает П. Атанасиади (247 п. 273), более естественно видеть в этих фразах отражение той конфликтной ситуации, которая возникла в школе в последние годы жизни Прокла. Не исключено, что на весьма престижном посту главы школы Теаген желал видеть своего сына Гегия (см. фр. 145А), а Асклепидот Старший – сына своей дочери философа Асклепидота (Младшего), который должно быть специально для этого оставил все в Афродисии и прибыл в Афины на зов Прокла (фр. 99А). В этой ситуации здоровье Марина вполне могло пошатнуться и ему потребовалось отправиться в Асклепидон в Эпидавр. См. также фр. 103В.

тельной жизни, они же [выдвинулись] не благодаря подобным вещам и не используя брак как средство продвижения, но лишь благодаря тому, что были настоящими философами, достигшими к тому времени высот в своем мастерстве, один в силу природной проницательности (*iθυβόλου*), другой – благодаря тщательной точности.¹⁴¹

- С (Ф 278) Марин, как и Прокл, не одной, а обеими руками защищали Исидора.
- Д (Ф 279) Видя, насколько неукротимо его стремление и ненасытна любовь к наукам, Прокл влил в его душу источник речей, как иератических, так и философских,¹⁴² с восхищением наблюдая за тем, насколько открыт и восприимчив был его разум.
- Е (Ф 280) Он уступил, негодуя по поводу их взаимных упреков и обид.

¹⁴¹ Имеются в виду Исидор с его интересом к теургии и Марин, который к тому времени стал признанным знатоком математических наук. Можно было бы добавить и то, что еще один претендент – Гегий, также имел возможность воспользоваться поддержкой своего известного и богатого отца. Текст этого отрывка в рукописи испорчен и разными редакторами восстанавливается по-разному. Здесь приводится вариант, предложенный Атанасиади, которая, в частности, в специальном приложении, подробно анализирует данные Дамаския о философе Асклепиодоте, который учился в Александрии и затем женился на дочери богача из Афродисии, также Асклепиодота (Athanasias 1999, 348–349). Справедливости ради следует заметить, что, в отличие от Гегия, Асклепиодот был к тому времени известным философом, правда, ориентированным скорее на естественные науки и Аристотеля, нежели на Платона. Биографические данные о нем: фр. 80, 83, 85, 86, 90, 95, 122С и др.

¹⁴² То есть, *Халдейские оракулы* и сочинения Платона. Мы не знаем, о ком из учеников Прокла идет речь в этом отрывке, но скорее всего об Исидоре.

- А (Ф 281) Сотрясало ($\xi\sigma\epsilon\iota\sigma\epsilon\nu$)¹⁴³ неким неестественным трясением ($\sigma\epsilon\iota\sigma\mu\acute{o}\nu$), которое не было порождением природы.
- В (Ф 282) Была некая аттическая женщина, весьма поднаторевшая в способах ($\mu\eta\chi\alpha\nu\acute{\alpha}\varsigma$) убеждения, что и доказала на деле.
- С (*Σ 1.402.18) Она молилась богу, прося дать ей безыскусный и святой совет и научить тому, как ей поступить.

- А (Σ* 1.375.3) Архиад.¹⁴⁴ Он так проявил качества своей души: когда большая часть его имущества была разграблена, то, видя

¹⁴³ Атанассиади (с. 250) полагает, что причиной этого землетрясения был человек и переводит: «Он или она сотрясал(а)...», считая, что так Дамаский мог, например, метафорически описывать гнев Прокла по поводу разногласий между своими учениками или же отсылать к каким-то сверхъестественным способностям дочери Плутарха Асклепигении Старшей (о которой ниже идет речь) или самого Прокла, сверхчеловеческие способности которого подчеркивает Марин (*Жизнь Прокла* 28).

¹⁴⁴ Марин в *Жизни Прокла* (14, 17 и 29) сообщает, что он был внуком Плутарха, другом Прокла и успешным политиком. Молитва Прокла, обращенная к Асклепию, спасла единственную дочь Архиада Асклепигению Младшую (внучку Асклепигении Старшей, дочери Плутарха), которая затем вышла замуж за Теагена и стала матерью будущего, руководителя Академии Гегия, вероятно, в качестве заместителя покинувшего Афины Исидора (фр. 145 и 148С). Можно и далее проследить эти родственные связи, тесно переплетенные с историей Академии. Атанассиади (с. 253 п. 277) обращает внимание на панафинейскую аттическую надпись на статуе конца IV – начала V в. (*IG II/III*² 3692), в которой упоминается «светлейший Гегий, сын Тимократа, архонт-эпоним (то есть архонт, по имени которого обозначается год)», должно быть старший родственник Архиада, возможно, муж старшей Асклепигении. Статуя позже была заново посвящена «софистом» Плутархом, возможно, учителем Прокла. В свою очередь, одного из сыновей сына Архиада Гегия также завали Гегием (фр. 146).

огорчение Теагена, тогда еще ребенка, по поводу всего утраченного и разоренного, он сказал ему: «Крепись, Теаген! Благодарю богов за то, что они спасли наши жизни, о деньгах же не горюй. Если бы Афина, покровительница города, повелела потратить все эти деньги на Панафинеи, то разве бы мы не пожертвовали ради нее все, что у нас есть? Настоящее же состязание (ἀγῶνα) следует считать еще более славным и святым, нежели Панафинеи или любое другое».

- В (Ф 284) Таков он был телом и душой, способный поразить окружающих своей рассудительностью, если обстоятельства требовали серьезных и здравых поступков и слов. Любезным же он был с теми, кто был любезен с ним.
- С (Ф 161 + Ф 162) Источник, дающий воду святую и приятную; так что муж, слагающий стихи, описывал его рот и все лицо так, словно это была обитель самих муз.
- Д (Ф 163) В случае любых сомнений они сразу же шли к нему, как друзья к другу.

VII

АЛЕКСАНДРИЯ В 480-Е ГГ. (ФР. 106–131)

106

- А (Ф 164) Исидор весьма отличался от Гипатии, и не только как от женщины мужчина, но и как подлинный философ от геометра.
- В (Σ* 4.645,19) Воспоминания об этих событиях, все еще свежие среди александрийцев, несколько уменьшили их уважение к

Упомянутое разграбление Афин обычно идентифицируют с нападением вандалов в 467 г. (Frantz, Tompson, Travlos 1988, 78).

Исидору и преданность ему.¹⁴⁵ И все же, невзирая на великую опасность, которая им грозила, они все еще стремились к общению с ним, дабы выслушать те речи, которые источали эти мудрые уста. Частые встречи с философом поощряли и те, кто возглавлял риторические и поэтические школы. Ведь, несмотря на незнание их предмета, своей философской точностью он добавлял значимости их мелким ремеслам. Детально разбирая представляемые ими речи и стихи, он высказывал о них суждения, на которые не были способны другие. Во время представления речей в театре он хвалил выступавших сдержанно и вполголоса, однако всегда к стати и по делу. И затем весь театр использовал его суждение в качестве мерила, оценивающего достоинства или промахи того или иного оратора.

В наше время мне известно лишь три критика, способных оценивать речи ритмизированные и не ритмизированные [то есть стихотворные и прозаические], ведь все согласны с тем, что один и тот же критик способен оценить и те, и другие творения. Я думаю также, что одно и то же лицо может быть творцом в обоих этих жанрах, конечно, если одинаково натренировано и в том и в другом, и испытывает к ним равный интерес. Исидора нет в их числе, так как он был существенно слабее их. Эти критики – Агапий, Севериан и Ном; последний мне ровесник.

107

(Σ* 1.20.16 + 1.20.19) Агапий, афинский философ, после [смерти] Прокла учившийся у Марина. Он поражал всех как своей любознательностью, так и умением задавать сложные вопросы.

¹⁴⁵ Скорее всего, речь идет о преследовании философов школы Гораполлона (о чем подробнее см. ниже), нежели о гибели Гипатии от рук христианских фанатиков (фр. 43).

Происходил он из Александрии. С детства обучаясь свободным искусствам, он затем стал толкователем в области медицинских наук и, перебравшись в Византий, основал там известную школу. В полной мере используя свой природный талант и находящиеся в его распоряжении значительные средства, он прославился в качестве знатока в этом искусстве и сколотил немалое состояние.¹⁴⁶

108

(Σ 4.332.27 + Φ 165 + Φ 285) Севериан из Дамаска принадлежал к одной из лучших семей и был сыном Ауксентия, сына Каллиника, потомка римских колонистов, осевших в Александрии. По природе будучи проницательным человеком, он получил образование в области поэзии, риторики и римского права, заметно отличаясь этим от своих сверстников. Обладая крутым нравом, он тут же стремился исполнить все, что приходило ему в голову, сначала действовал, а затем думал. По этой причине его жизнь нередко становилась сплошным недоразумением.

Поначалу он пожелал посвятить себя философии и доверить свое обучение Проклу. Ведь именно в это время Прокл был в расцвете сил и преподавал в Афинах. Однако его отец тому воспрепятствовал, так как хотел, чтобы он стал юристом и зарабатывал на отправлении правосудия. Но вскоре отец умер и, уже собравшись отправиться в Афины, он увидел такой сон. Ему приснилось, что он будто бы сидит на

¹⁴⁶ См. также фр. 109, 126С и 127А (где сообщается о его разностороннем образовании и о том, что он покинул Александрию в конце 480-х после того, как подвергся преследованию за свои философские занятия). Крупный имперский чиновник Иоанн Лид (*О магистратах* 3,26) сообщает, что изучал Аристотеля под его руководством в Константинополе.

краю скалы как на колеснице и управляет горой. Так и вышло: судьба, необходимость и, что плохо, свободный выбор привели к тому, что он избрал совсем иной образ жизни, по видимости возвышенный и благородный, а на деле тернистый и бесплодный. Он сам был в этом виноват, что последующие события и показали. Вместо философии и беззаботного счастья он устремился в политику и управление. Будучи по природе непобедимым спорщиком, более других стремящимся к славе, он тем не менее своими достойными делами и словами во всем проявлял благородство своей души, не стремился к личной наживе и не пользовался своим высоким положением ради несправедливых дел или из жадности. В то же время он вечно спорил и состязался с теми, кто стоял выше него, не позволяя ни одному из высокопоставленных должностных лиц преступать пределы, установленные законом. Он был очень строгим судьей. Поэтому, движимый гневом или из опасения потерять авторитет, он иногда становился ответственным за смерти, не угодные богам и приносящие одни несчастья. Именно это стало причиной тех злоключений, которые впоследствии настигли и его самого.

Именно поэтому он повздорил с Ардабуром, сыном Аспара, влиятельного человека варварского происхождения, приближенного к самому императору, командующего восточной армией.¹⁴⁷ Ему и его отцу изрядно досаждал Севериан. Испытав множество несчастий и унижений, он не извлек из этого соперничества никакой пользы. Будучи чрезмерно щепетильным и к тому же эллином, бедняга так и не уступил, несмотря на многочисленные угрозы и запугивания.¹⁴⁸

¹⁴⁷ Ардабур возглавлял армии Востока с 453 по 466 гг. Его, вместе с отцом, казнил имп. Лев в 471 г.

¹⁴⁸ Продолжение этой истории см. в фр. 115.

Вместе с ним я прошел самые важные и наиболее политические речи Исократы, которые он разъяснил мне не на софистический манер, но с рассудительностью, присущей философу. Мне он тогда казался человеком красноречивым и политически благоразумным, прекрасным судьей тому, что говорилось другими. Что же до моего младшего брата Юлиана, то он сумел разжечь в нем такую любовь к литературе, что тот готов был учить наизусть творения поэтов и самых знаменитых из ораторов. За свое прилежание он получил вознаграждение, достойное ученика – ужин. В целом к другим поэтам он относился сдержанно, однако, как-то взявши в руки книжицу Каллимаха, он не смог сдержать свое негодование по поводу ливийского поэта, и успокоился лишь после того, как наплевал в книгу во многих местах.

Император Зенон предлагал ему высокую придворную должность при условии признания господствующей [религии]. Но это его не убедило, да и не могло убедить. Причем, он сам зачитал нам то письмо, в котором содержалось это неприемлемое для него предложение.

Он осуждал Аркадия из Ларисы в одном из своих писем.¹⁴⁹ А Севериан был мастером эпистолографии, в чем можно убедиться, прочитав письма его сочинения.

(Σ* 3.476.32) Честностью и благоразумием Нонн и Януарий превосходили своих соотечественников и, полагая, почти всех своих современников, вовлеченных в политические дела. Восхищались ими как граждане, так и иноземцы, так как они принесли немалую пользу своей стране, благосклонно принимая у себя иностранцев. Избрав для себя тихую жизнь вдали от публичных дел, они предпочитали потратиться

¹⁴⁹ Очевидно, за обращение в христианство из политических соображений.

сами, нежели приобрести нечто за чужой счет. Таковы были их общие черты. Однако Нонн был более рассудительным и в большей степени склонным к философским речам и тем занятиям, с которых обычно в молодости начинается образование. Кроме того, он отличался критическим умом и, лучше многих наших современников, был способен судить о достоинствах и недостатках всевозможных литературных произведений, как прозаических, так и поэтических. В общем-то даже Севериан и философ Агапий уступали ему в качестве литературных критиков. Что же касается Януария, то этот лучше проявил себя в публичных делах и был более разумным политиком, нежели его брат Нонн и в целом отличался большей благоразумностью и сдержанностью.

110

(Ф 166) Развиваться без затруднений и продвигаться вперед шаг за шагом у него не получалось, в отличие от того, как это удалось Теодору из Асины под руководством Порфирия.¹⁵⁰

(Σ* 3.54.20) Философ непрерывно развивался, шаг за шагом, так сказать, пока не постигло его «паническое» несчастье.¹⁵¹

(*Σ 2.42.15) Предоставив себя в качестве образца [парадигмы], он, подобно талантливым скульпторам [демиургу], взяв кусок меди, лишенный вида, придавал ему форму и наделял очертаниями.

111

(Σ 4.323.28 + Ф 167) Исидор подружился с этим человеком, превосходящим всех людей, кроме разве что самого Исидора, своим благочестием и философским складом характера. Он настолько был верен себе в поступках и помыслах, на деле

¹⁵⁰ Речь идет об образовании Гегия под руководством Прокла.

¹⁵¹ Очевидно, указание на Пампрепия и связанные с ним бедствия (см. фр. 112 ниже и др.).

подтверждая пословицу «живи незаметно», что никто из младших или старших его современников не знал, как мне кажется, того, кем он был на самом деле. Никто не понимал Серапиона, да и я сам ничего не знал бы об этом человеке, если бы философ лично не рассказал мне о нем. По его словам, Серапиона и прежде невозможно было убедить встречаться с другими людьми, а постарев, он вообще перестал выходить из дома. Запершись в своем маленьком домике, он вел совершенно одинокую жизнь, с немногими соседями общаясь лишь в случае крайней нужды. Серапион, по его словам, отличался своим благочестием, и во время традиционных праздников появлялся в святилищах, одетый как обычный гражданин. Большую же часть времени он проводил дома, человеческий образ жизни трансформировал в богоподобное существование; вознося непрерывно молитвы, он шептал про себя гимны божеству или же молча предавался размышлению. Искатель истины, по природе склонный к созерцанию, он мало интересовался техническими философскими вопросами, погрузившись в изучение тех строгих представлений, которые преисполнены божественного. Он не держал у себя никаких книг и не читал ничего, кроме Орфея, задавая, когда это было необходимо, вопросы Исидору, обладавшему совершенными, так сказать, познаниями в теоретических вопросах. Ведь лишь его он считал близким себе человеком и принимал у себя дома. В нем, как ему казалось, он видел воплощение мифического [золотого] века Кроноса. На протяжении всей жизни ничему иному он не посвящал свои дела и слова, кроме как [изучению] внутреннего и неделимого.

Его так мало волновали материальные блага, что владел он лишь двумя или тремя книгами, в числе которых была поэзия Орфея. Что же касается телесных наслаждений, то с молодых лет он стремился ограничиваться лишь самым необходимым и на протяжении всей жизни полностью

воздерживался от сексуальных отношений. Публичная известность его также не привлекала, так что в городе никто не знал даже его имени. Никто и не вспомнил бы о нем впоследствии, если бы некий бог не пожелал явить человечеству образец жизни, достойной века Кроноса, дабы рассказ о нем не превратился окончательно в миф, никак не подкрепленный историческими свидетельствами. Ведь *так называемый* Хирон, как полагают, стоял на меже, разделяющей века правления Кроноса и Зевса, в силу двойственности своей природы. Таков был Серапион, которого знал философ, так мы о нем и напишем. Не имея родственников, своим наследником он назначил Исидора, полагая, что никто более не достоин получить его имущество, те самые две или три книги.

112

(Σ 4.325.3) В то же время в Александрию прибыл другой человек, диаметрально противоположный Серапиону, или даже более чем диаметрально, если можно так выразиться. Ведь первый вел образ жизни, достойный Кроноса и Зевса, тогда как второй был скорее подобен Тифону, и даже зверем более безумным и диким, нежели сам Тифон. Ведь, наверное, не осталось никого, кто не слышал бы о душевном складе Пампрепия и его судьбе.¹⁵²

¹⁵² Биография Пампрепия хорошо известна благодаря сохранившемуся гороскопу (Pingree 1976), а также статье в Лексиконе Суды. Он родился в Панополе близ Фив в 440 г., был учеником местного философа Нонна (см. фр. 109). В 473 г. в возрасте 33 лет прибыл в Грецию, некоторое время провел в Афинах, возможно, по приглашению покровителя афинских неоплатоников Теагена (по крайней мере, сохранились фрагменты его энкомия в честь Теагена, см. фр. 77D и 100.). Здесь он женился на богатой женщине и стал известным грамматиком, однако был вынужден покинуть Афины из-за конфликта с Теагеном. В Константинополе, куда он прибыл в 476 г., он добился расположения магистра милитум имп. Зенона Илла, стал профессором философии.

(Σ 4.15.12 + Φ 168 + Σ* 2.227.7) Любящий почет и не желающий оставаться на вторых ролях, он соперничал со всеми, кроме Прокла и других философов. Ведь он не мог даже приблизиться к его мудрости. Что же касается подготовительных наук, то Пампрепий, благодаря своим стараниям, в них натренировался настолько, что за короткое время заслужил репутацию наиболее знающего и сведущего человека среди местных ученых людей, таких как афинский муж Плутарх, сын Гиерия и александрийский ритор Гермий, чью славу в качестве ученых он стремился затмить. Старательно усваивая предварительные науки, он преуспел в них настолько, насколько поэтика и грамматика может научить мудрости.

Пампрепий был египтянином; будучи по природе склонным к поэтике и занимаясь сочинением стихов у себя на родине, в Афины он прибыл для того, чтобы там заработать необходимое для жизни в качестве профессионального поэта. Афиняне же, пригласив Пампрепия за свой счет, назначили его грамматиком и поручили ему воспитание молодежи <...> И до недавних пор среди афинян он славился в качестве совсем неплохого учителя. Но затем последовала череда деяний, как великих, так и постыдных, которые показывают нам, как превратности судьбы позволяют порочным душевным наклонностям проявиться настолько же явно, как и в результате состояния опьянения на вечеринке.

Открыто исповедуя язычество, Пампрепий уже тогда вызывал неудовольствие императора Зенона. Ситуация существенно усугубилась, когда, в 481 или 482 г. он прибыл в Александрию, стремясь убедить местное языческое сообщество выступить против Зенона, якобы демонстрируя им пророчества, предрекающие неминуемую гибель христианства. Именно этот этап карьеры Пампрепия занимает Дамаския. Восстание Илла оказалось неудачным и генерал, будучи окружен войсками Зенона в Исаврии, сам казнил Пампрепия в 484 г. На этот бесславный конец незадачливого провокатора и намекает Дамаский (подробнее см. ниже, фр. 115С).

- A (*Σ 2.219.3 + *Σ 3.577.4) Он рассказывал тысячи историй, очаровывая ими слушателей не менее, а, возможно, и более Одиссея, очаровавшего феаков. В самом деле, ведь рассказ [Одиссея], обращенный к Алкиною, был полон <фантастических историй>, содержащих в себе истинный сокровенный смысл, однако внешне выглядевших как [выдумки], вводящие в заблуждение.
- B (Ф 286) А проситель хотел всего лишь разрешения встретиться с правителем.
- C (Ф 287) Многие восстали в надежде, что вернутся старые времена.
- D (Ф 288) Пампрепий стал орудием [судьбы], которому было суждено исполнить нечто, противоположное благу.
- E (Ф 169) Будучи по природе трусом и видя, насколько Илл по справедливости любим [народом] и насколько уже могущественен, Зенон начал опасаться за свою жизнь, а его подозрительный характер не давал ему покоя и заставлял испробовать всевозможные способы и замышлять различные хитрости для того, чтобы устранить Илла.
- F (*Σ 2.77.18) Ненавидимый Зеноном, он затаился.
- G (*Σ 4.510.25) однако впоследствии все же был лишен своей должности.
- H (Ф 289) *«в скором времени» вместо «в дальнейшем»*
- I (Ф 170) Глава тех, кто управляет городом, избранный надзирать над их верой, по имени Петр [Монг] был дерзким и поистине плохим человеком.
- J (*Σ 4.679.15) Его отношение к знающим людям [философам] было враждебным и крайне нездоровым.
- K (Σ* 1.152.19) Пампрепий показался им человеком двусмысленным, и на него вскоре перестали обращать внимание.
- L (Ф 171) Пожалуй, и здесь возобладали пророчества Пампрепия, в которых содержался совет избегать активных действий, постоянно откладывая начало войны на будущее время.

- М (Σ 2.116.9) Не кажется ли это безмерной глупостью, вроде той, что по справедливости называется бабушкиными сказками, и даже еще большим вздором?
- Ν (Σ 1.226.4) Что касается меня, то скажу, что лишь этот вид гаданий, как я думаю, подобает человеку, не желающему, подобно животному, вечно разевать пасть в ожидании кормежки.
- Ο (Φ 172) Из речей прибывшего в Египет Пампрепия Исидор понял, что отношение того к Иллу не было здравым.
- Ρ (Φ 173) Да и выглядел он как предатель, пристально наблюдающий за поворотом событий в римской империи.
- Q (Σ* 4.260.15) Философ бежал от него подобно человеку, преследуемому [Эриниями].
- Р (Σ* 1.433.17) Когда он понял, что Исидор явно сторонится его и уклоняется от встреч, то сразу же удалился и никогда более к нему не приближался.¹⁵³

114

- Α (Φ 174) Эта скала,¹⁵⁴ существенно расширяющаяся сверху, сужалась в нижней части, поддерживая широкою вершину, как бы повисшую в воздухе, и, будучи окружена широким и гористым основанием, она напоминала длинную шею, на которой красовалась впечатляющая голова.
- Β (Φ 308) необычайно высокая и длинная

¹⁵³ Полимния Атанассиади помещает эту фразу, лишённую контекста, и еще ряд ей подобных (например, фр. 113 J, M и др.) в свидетельство о Пампрепии, отмечая, что, в принципе, все они могли относиться и к другим отрицательным персонажам *Философской истории*, например, христианским деятелям или же Аммонию (о котором см. фр. 117–118).

¹⁵⁴ Скорее всего, речь идет о крепости Папирий в Исаврии, в которой укрывались сторонники Илла в 484–488 гг. Обычно с ним идентифицируют замок Чандыр в горах Тавра близ Мерсина (Турция). См. Edwards 1987.

С (Σ 1.93.9) Наиболее примечательные крепости обычно обладают этим свойством. Понять это утверждение можно на основании того, что рассказывают о крепостях. Ведь они, как полагают, прекрасно защищают город, в котором располагаются, и стоят на страже его свободы, в то же время нередко становясь для него причиной порабощения и бедствий, как об этом пишет Полибий.

115

А (Ф 290) *Перечисляя тех, кто ополчился на нашу святую и вечную веру... Дамаский пишет нижеследующее:* император Юлиан попытался, однако его правление не продлилось и четырех лет; несколько позже другую попытку предпринял Луций, главный военачальник при императоре Феодосии в Византии, который, придя во дворец, хотел убить императора, однако трижды не мог выхватить меч из ножен, так как неожиданно увидел статную и могущественную женщину, обнимающую императора сзади. Позже еще одну попытку совершил главнокомандующий армиями Востока, однако ему помешала насильственная смерть: он упал с коня и, сильно повредив ногу, скончался.¹⁵⁵ Затем Севериан, наш соотечественник, вместе с многочисленными соратниками предпринял еще одну попытку уже в наше время, однако был предан своими приближенными и едва избежал смерти;

¹⁵⁵ Луций был *magister militum praesentalis* при имп. Феодосии II (годы правления: 401–450). Покушение, как видим не удалось. Известно, что император погиб, упав с лошади на охоте (ср. Малала, 14.27). Вероятно, такая же смерть в следующем предложении приписывается не названному по имени военачальнику по ошибке. П. Атанасиади предполагает, что им мог быть исавриец Зенон, *magister militum per Orientem* в 447–451 гг.

ведь Германарих, сын Аспара, а, возможно, и другие, доложили о его замысле Зенону.¹⁵⁶ Были также Марс и Илл; Марс сам умер от болезни во время восстания, а Илл был схвачен и убил себя мечом.

- В (Σ 1.512.9) Исход дела вызвал бы искренний смех даже у тех, кто не склонен смеяться.
- С (Ф 291) Он бросил [отрубленную] голову в стан врага, метнув ее, подобно диску, с высокой скалы.¹⁵⁷

116

- А (Ф 175) Однако вернемся к нашему рассказу об Исидоре.
- В (Ф 176) Исидор не был сумасбродом и ничто не затрудняло общение с ним, не чурался он и так называемого стоического отношения к жизни.
- С (Σ 1.491.6) Он был обходительным человеком, чуждым всяческого балагурства и шутовства.
- Д (Ф 177) В то время он выглядел светящимся от радости, был в хорошей физической форме и прекрасном расположении духа, хотя смерть уже ходила поблизости.¹⁵⁸
- Е (Σ* 3.381.2) ... подобно Сократу в поисках истины. Ведь он также отказался подчиниться Тридцати тиранам, которые запрещали ему вести философские беседы.¹⁵⁹
- Ф (*Σ 2.630.20) Душевная радость была свойственна его характеру.

¹⁵⁶ О Севериане и Аспаре см. фр. 108. Возможно благодаря этому предательству император затем пощадил Германариха, казнив его отца Аспара и старшего брата Ардабура в 471 г.

¹⁵⁷ Описывается бесславный конец Пампрепия, казненного Иллом в крепости Папирий.

¹⁵⁸ Речь идет о грядущих гонениях на язычников.

¹⁵⁹ Подробнее об этом см. Афонасин 2021с.

117

- А (Σ* 1.366.23) Гарпократ, знакомый Аммония, египтянин, грамматик, живший во времена императора Зенона. Когда Никомед услышал, что он узнал о делах, связанных с Аммонием, он сразу же решил арестовать его. Однако Никомед, с самого начала догадывающийся о том, что это может случиться, либо зная об этом заранее, тут же бесследно испарился.
- В (Σ* 3.615.6) Никомед искал Гарпократа, но не мог его найти. Узнав об этом, философ Исидор послал Гарпократу письмо, раскрывая свои намерения. Однако вестник был схвачен и сообщил имя отправителя. Тогда они схватили Горapolлона и Гераиска и, подвесив их за руки на веревках, требовали выдать Гарпократа и Исидора.
- С (*Σ 3.61.3) Их обоих пытали на дыбе, требуя выдать единомышленников. Они же, стиснув зубы, доказали, что уступить тирани было бы ниже из достоинства.

118

- А (Ф 178) Порочный человек, ведущий бесславную жизнь.
- В (Ф 292 + Ф 179) Аммоний, жадный человек, все на свете измеряющий деньгами, договорился с тем, кто в то время надзирал за господствующей верой.¹⁶⁰

119

- А (Ф 293) Там лежала куча разнообразных книг.
- В (Ф 180) Их (книги?) положили среди вещей Юлиана.¹⁶¹
- С (Ф 181) Исидор упаковал ларец и другие свои вещи и держал их наготове для быстрой отправки в порт (эмпорий).
- Д (*Σ 4.223.7) Он часто слышал это, однако делал вид, что нет.

¹⁶⁰ Имеется в виду Петр Монг, патриарх Александрийский (482–490).

¹⁶¹ Юлиан был братом Дамаския (фр. 108). Описывается спешный отъезд Дамаския и Исидора из Александрии.

- Е (Ф 182) Колонна людей, готовых к нападению.
- Ф (Ф 183) В это время он как раз отдавал распоряжение слугам захватить с собой скребки.¹⁶²
- Г (Ф 294) Совокупился ради политического потомства.¹⁶³
- Н (Ф 184) Он снова бросил философов в тюрьму дабы учинить еще один допрос.
- І (*Σ 2.358.22) Образ жизни подсудимых делал некоторые обвинения против них невероятными.
- Ј (Ф 185) Юлиан молча и мужественно сносил многочисленные удары палкой по спине; получив множество ударов, он так и не проронил ни слова.
- К (*Σ 2.332.30) Этот человек проявил такую выносливость, что несмотря на нависшую над ним смертельную опасность и невзирая на пытки не открыл ни одного из своих секретов.¹⁶⁴
- Л (Ф 309) Так что древние сказания, ставшие частью мифологии, не выглядят более невероятными.¹⁶⁵

120

- А (*Σ 3.615.1) *Горapolлон, родом из Фенебитиса, селения, расположенного в номе Панополя, грамматик, учивший в Александрии и Египте, а затем в Константинополе во времена Феодосия.*¹⁶⁶ Он написал сочинение О священных местах

¹⁶² То есть, арест состоялся в публичных банях.

¹⁶³ Метафора может указывать на союз Аммония с церковными властями.

¹⁶⁴ Ср. Ксенофонт, *Анабасис* 4.1.23, Демосфен, *Против Аристократа* 140.

¹⁶⁵ Ср. Фукидид, *История* 1.21.1.

¹⁶⁶ Речь идет о Горapolлоне Старшем. Вероятнее всего, он жил при Феодосии Младшем (408–450), а не Великом (379–395). См. PLRE I 442 и PLRE II 569. Он был отцом философов Асклепиада и Гераиска, о которых специально см. фр. 72 и 76. У Асклепиада был сын, также Горapolлон, живший ок. 440–500 г., преподававший в Менуфисе во времена Зенона и Анастасия. О нем см. ниже и PLRE II 569–570.

(«Теменика») и комментарии к Софоклу, Алкею и Гомеру. Он был знаменитым представителем своей профессии, своей славой ни в чем не уступая древним грамматикам.

В (Σ^* 3.615.12) Горapolлон не был философом по природе, однако в глубине своей души он хранил учение о божестве. Однако Гераиск предсказал, что Горapolлон перейдет на другую сторону и предаст отеческие законы. Так оно и случилось. Обратиться он решил добровольно, без какого-либо насилия, возможно, из стремления к наживе. Нелегко указать другую причину, по которой в нем могло произойти это изменение.

121

(Ф 186) Посмотрев на вещи, приготовленные к отправке, он спросил: «Что ты делаешь, друг мой? Тебя же арестует портовая стража!»

122

А (Ф 310) Он попросил меня о тайной встрече.

В (Ф 187) В скором времени он прибыл и остановился в моем доме.

С (Σ 2.387.26) Написав послание, он отправил его двум философам в Карию.

Д (Ф 295) *Этот автор [Дамаский] говорит: «Раньше я произносил публичные речи, одевшись в плащ оратора». Значит, он носил не только плащ философа, но и оратора.*

123

А (Σ 3.587.20) Ульпиан, брат философа Исидора.¹⁶⁷ Он был настолько одаренным математиком, что сам изобретал новые задачи и предлагал для них свои решения с математическими объяснениями. В качестве математика он весьма прославился в Афинах. Восхищаясь его талантом, Сириан постоянно повторял, что нет такой сложной и хитрой загадки, которую он не решил бы легко и непринужденно. Что же касается других частей философии, то в них он не внес ничего достойного упоминания. Ульпиан был добрым и общительным человеком, и в этом отношении весьма отличался от своего брата, по-видимому, потому, что на протяжении всей своей жизни совершенно воздерживался от участия в публичных делах.

В (Σ 3.588.12) Таким был Ульпиан, который умер молодым и незамужем, часто восхваляемый за свою доброту.

124

(Ф 296 + Σ 3.587.30) Люди прославляют в качестве добродетельной жизнь, проходящую в стороне от публичных занятий. Я с этим не согласен. Ведь добродетель, вовлеченная в гущу политической жизни с ее публичными делами и речами, упражняет душу и укрепляет ее, направляя к здоровому и совершенному; в то же время все грязное и лживое, порой присущее человеческой жизни, становится явным, и душа охотнее встает на путь исправления. Занятия политикой позволяют творить добро и приносить пользу людям; а также учат смелости и стойкости. Потому-то умники, сидящие в своем углу и оттуда многословно и величественно фи-

¹⁶⁷ Очевидно, Исидор был младшим ребенком в семье. У него была старшая сестра (см. фр. 11) и старший брат Ульпиан, учившийся в Афинах у Сириана.

лософствующие о справедливости и благоразумии, попадают впросак всякий раз, когда им приходится что-либо совершить. Речи, не подкрепленные делами, суетны и пусты.

125

- А (Ф 297) Он отплыл в Афины к Проклу, который тогда еще не покинул тела.
- В (Ф 188) Он прибыл в Афины и нес курильницу с благовониями на похоронах Прокла.

126

- А (Ф 189) Крайний и неисправимый порок заслуживает немедленного наказания, но даже и малое отклонение не должно оставаться без порицания. Во многих промежуточных случаях справедливость откладывает излечение порока, возможно, потому, что они извлекают пользу из своих добродетельных поступков, тем самым избегая ножа и огня, либо потому, что они не заслуживают лечения по причине безмерности их порока, либо потому, что вознаграждение за благие дела в их случае перевешивает наказание за злые.
- В (Ф 190) Презрение, с каким обращались к философам, могло привести в ярость любого варвара. Сами же философы считали, что они должны проявить терпение и покорно снести все это.
- С (Σ 1.521.6) Императорский посланник арестовал Агапия и других философов и привел их к магистратам.
- Д (Σ* 1.125.27) Другие вещи нужны были философам и всем тем, кто стремился к иному ради добродетели и свободного выбора.
- Е (*Σ 1.163.25) Ему пришлось обернуться и сразиться.

- А (Ф 298) Серьезный, но в то же время дружелюбный, Агапий познал древний язык в деталях, недоступных простому человеку, привлекая тем самым к себе внимание в Византии и поразивши своими талантами знающих людей в Александрии. Ведь он был настолько широко образован, что стремился одновременно стать ученым и критиком как в грамматике, так и в риторике, короче говоря, прославив и на самом деле став «квадратом» мудрости.
- В (Σ 4.529.26) Будучи серьезным и весьма благопристойным, он, как говаривал Симонид, стал «непорочным квадратом». Так что даже ополчившиеся против него сикофанты не могли игнорировать заслуги этого человека.
- С (Σ* 2.456.28) Терпеливо противостоя тем, кто ополчился против него, он доказал тем самым истинность изречения Сократа, обращенного, как пишет Ксенофонт, к Исхомаху, в соответствии с которым праведный человек извлекает пользу даже из действий тех, кто стремится навредить ему.¹⁶⁸

- (Σ 1.520.21 + Ф 299) Гесий, прославленный доктор времен Зенона,¹⁶⁹ был родом из Петры. Сместив своего учителя Домна Иудея и забрав себе почти всех его учеников, он приобрел известность и прославился не только благодаря своим медицинским познаниям, проявляющимся как в преподавании,

¹⁶⁸ Ксенофонт, *Домострой* 1.15.

¹⁶⁹ Гесий учился у Аммония вместе с Захарией Схоластиком (*О сотворении мира*, кол. 1060), который отмечает его философские интересы и подчеркивает его роль в качестве известного борца за сохранение традиционных эллинских ценностей (там же, кол. 105). Он состоял в переписке с Энеем из Газы (письма 19, 20) и Прокопием из Газы (письма 16, 102, 122, 125 и 164), несмотря на тот факт, что они были христианами.

так и на практике, но и в целом благодаря своей широкой образованности. Благодаря присущим ему честолюбию и трудолюбию он с годами, скорее прилежанием, нежели благодаря природным талантам, достиг некоего подобия мудрости. В медицине же, как практической, так и теоретической, он существенно превзошел всех современных ему врачей и ятрософистов. Сравнительно поздно начав применять свои знания публично, он довольно быстро продвинулся в своей профессии и достиг определенного процветания, не в малой степени благодаря своей помпезности и умению произвести впечатление. В философии, в отличие от медицины, он мало чего достиг. Так он приобрел значительное состояние и добился редкого признания со стороны римского государства.

Прославляю также и благородную смелость его праведной души. Ведь, когда император Зенон разыскивал Гераиска,¹⁷⁰ он спрятал его в своем доме, подвергнув тем самым себя немалой опасности. Когда же Гераиск заболел в своем укрытии и умер, он должным образом похоронил его, обернув его тело и воздав ему подобающие почести.¹⁷¹

129

А (Ф 300) Освежая душу диалектическими речами.

В (191) Он повстречался со святой женщиной, от рождения щедро одаренной богами. Наполняя чистой водой стеклянный сосуд, она могла наблюдать на воде образы будущих событий и на их основе предсказывать будущее, причем предсказания эти всегда сбывались. Нам довелось убедиться в этом на личном опыте.

¹⁷⁰ Подробнее о нем см. фр. 72 и 76.

¹⁷¹ См. фр. 76Е, где это действие приписывается брату Гераиска Асклеиаду.

130

(Ф 301) Исидор женился на Домне, и она родила ему сына, которого он назвал Проклом. Сама же Домна умерла на пятый день после родов, так избавив своего философа как от злой бестии, так и от горестных уз брака.

131

А (Ф 192) Анатолий подверг Иоанна¹⁷² пыткам и конфисковал все его имущество.

В (Ф 193) В скором времени он тоже умер.

VIII

ОБРАЩЕНИЕ К ФИЛОСОФИИ (ФР. 132–144)

132

А (Ф 194) С Немесионом мне пришлось общаться по необходимости. Я ни за что не стал бы иметь дело с его свинством, если бы не посольские обязанности.

В (Σ 3.447.23) Увидев меня, Немесион обрадовался, словно исполнились какие-то его чаяния или он неожиданно нашел клад.¹⁷³

133

(Σ 1.249.7) Александриец Антоний, не отличаясь литературными способностями, в этом отношении был не очень основателен. Однако в том, что касается истины, он отличался

¹⁷² Возможно, как предполагает Полимния Атанассиади, речь идет о софисте, учившем Севера [Севира] Антиохийского и его братьев в Александрии (*Жизнь Севира* 11–12).

¹⁷³ Согласно Энею из Газы (*Письмо* 20), Немесион был юристом и очень любил заводить новых друзей.

святостью, всей душой устремившись к почитанию божественного, как публично, так и тайно. В результате Газа в его время стала более святым местом, нежели была прежде.

Занявшись публичными делами он тут же начал судебный процесс от имени своей сестры, причем вел его настолько страстно и с такой яростной настойчивостью, не щадя ни своего времени, ни своей репутации, что его современники бранили его не за неправду, а за чрезмерное правдолюбие. Ведь в конечном итоге он дошел со своим делом до Византия и там также проявил себя в качестве невероятного спорщика. Победив в конце концов противников, он отдал свою сестру замуж за другого человека, а сам удалился от дел и до конца своих дней избрал жизнь тихую и праздную, отчасти посвященную занятиям философией, но по большей части поклонению богам в храмах. Нрава он был простого и добродетельного, в особенности в отношении религии. И я лично безмерно благодарен ему и молюсь, чтобы боги воздали ему должное на «островах блаженных», где он, должно быть, уже заслуженно вместе с ними пребывает.

134

А (Σ 2.137.3) Дор из Аравии. Он был, как пишет Дамаский в «Философской истории», могучим искателем истины. Философ Исидор понял, что все свои рассуждения он с самого начала обосновывал гипотезами Аристотеля потому, что таково было его образование с молодости, в результате, не обладая знанием великолепного учения Платона, он не в силах был подняться до понимания его возвышенных и блистательных размышлений. Осознав это, Исидор постепенно возвращал его назад, раскрывая парус его души для плавания по безбрежному морю истины, в результате чего Дор избавился от перипатетической манеры все сводить к разбору мелких частных, обратился к диалектике, посланной неким Прометеем вместе с ярчайшим огнем в качестве чистейшего

проявления ума и мудрости, так как именно в них обосновалась надежда на достижение философского образа жизни.

- В (Ф 196) Он отправился в Босру в Аравии, не в древний город, который стал таковым лишь при императоре Севере, но в старую крепость, укрепленную арабскими властителями для защиты от соседнего города Дионисия.¹⁷⁴
- С (Ф 197) Услышав историю об Ио и то, что название города истолковывается как «бычий слепень» [от βούς и οἴστρος], он был рад усмотреть в этом связь с мифологической историей о блужданиях Ио.¹⁷⁵
- Д (Ф 198) Здесь он узнал о Теандрите, мужском божестве, которое возбуждает в душе мужчин желание.¹⁷⁶

135

- А (Ф 195) «Стекающая вниз вода Стикса»¹⁷⁷ арабского.
- В (Ф 199) Говорят, что эта вода из Стикса. Место это расположено на аравийской равнине, которая простирается вплоть

¹⁷⁴ То есть Соада (совр. Ас-Сувайда в Сирии). Город основан набатеями и располагается в регионе, знаменитом своим виноделием и поэтому связывается с именем Диониса, культ которого в городе слился с поклонением древнему арабскому божеству Душара. См. фр. 136.

¹⁷⁵ Этимология, разумеется, ошибочная. Название города Бофра (также Бусра или Бесер) семитское. Согласно традиционной версии мифа, Ио в образе коровы, преследуемой огромным слепнем, посланным Герой, прошла через множество земель от Европы до берегов Нила, где, наконец, родила сына Зевса Эпафа, будущего основателя Мемфиса. Миф обычно считается аргосским, однако не исключено и восточное его происхождение (Athassasiadi 1999, 301 п. 353 и Tardieu 1990, 29–31).

¹⁷⁶ Этому божеству, наряду с «газейским Марном, аскалонским Асклепием Леонтухом и фиванской Изидой» и другими иноземными божествами, посвящал свои гимны Прокл (Марин, *Жизнь Прокла* 19). «Богочеловек» почитался арабами на горе Хермон. См. Tardieu 1990, 38.

¹⁷⁷ Гомеровское выражение (*Илиада* 15.36–38, *Одиссея* 5.184–6 и др.), указывающее на страшную клятву водами Стикса.

до пустынного города Дион.¹⁷⁸ Неожиданно в земле открывается бездонный провал, стены которого покрыты со всех сторон острыми камнями, через которые пробивается дикая растительность. Спуск с левой стороны узок и труден (так как тропа не только каменистая, но и покрыта дикой и нерегулярной растительностью), примерно пятнадцать стадиев. И все же по нему спускаются не только мужчины, но и сильные женщины. Внизу, в ущелье находятся сады и множество полей. В самой дальней и наиболее узкой своей части расседина имеет водоем, в котором скапливаются воды Стикса, падающие по кругу с огромной высоты и поэтому сначала распыляющиеся в воздухе, а затем собирающиеся внизу. Это природное явление восторгает и ужасает одновременно, и не найдется, наверное, человека, который не исполнился бы при его виде священного трепета. Из подношений, бросаемых в воду, некоторые исчезают в пропасти, даже будучи легкими, если божество проявляет благосклонность, другие же, даже будучи тяжелыми, продолжают плавать или же непостижимым образом извергаются наружу. Местные по опыту знают, насколько страшна клятва, данная в этом месте и у этих вод, поэтому они очень редко здесь клянутся. Ведь каждый, нарушивший эту клятву, гибнет, по их словам, в тот же год, причем тело его распухает от водянки, и никто еще не избежал этого наказания.¹⁷⁹

¹⁷⁸ Дион был одним из городов Декаполиса. Вообще говоря, ἐρημος означает опустевший или безлюдный. Но так как в это время город существовал, то можно предположить, что Дамаский этим эпитетом хотел сказать, что в городе к его времени не оставалось интересных ему людей, то есть языческих философов (Tardieu 1990, 50–51).

¹⁷⁹ Мишель Тардю (Tardieu 1990, 43–69) предполагает, что это природное явление находилось в одном из западных притоков реки Ярмук, Нар ал-Алая (Nahr al-Arahug).

136

А (Гесихий Δ 2277) Набатеицы называют Диониса Душарой, как говорит Исидор.¹⁸⁰

В (Ф 200) Дионис превозмог Ликурга и его арабских последователей, обрызгав вражескую армию вином из бурдюка.¹⁸¹ Поэтому он и город назвал Дамаском [от δαμάζω, *укрощаю*]. Другие возводят название города к имени гиганта, которого здесь сразил Зевс и которого звали Аск [что значит «Бурдюк»]. Другие дают иные объяснения этому названию. Именно из этого города был родом наш автор.

137

А (Σ 4.823.13) Стяжательство, *то есть накопление денег*, не поможет в Аиде, равно как и роскошь или пресловутая слава, которая ценится больше всего теми политиками, счастьем которых завидует толпа, хотя на самом деле они совершенно несчастные люди.

В (Ф 201) Насколько опасным занятием оказалась риторика, занимающая лишь рот и язык и отвращающая от души и всех тех блаженных и боголюбивых наставлений, которые очищают ее! Осознав это, я отбросил все эти риторические экзегезы. Девять лет я посвятил этим занятиям.

¹⁸⁰ См. фр. 134В и подробный комментарий Атанассиади (305 п. 360).

¹⁸¹ О вражде Ликурга и Диониса пишет еще Гомер (*Илиада* 6.130–140). Данная интерпретация этой истории принадлежит Нонну Панополитанскому (*Дионисиака* кн. 20–21). Так как он был одним из учителей Пампрепия, то Дамаский мог знать его лично. Нонн превратил Ликурга из фракийского царя в арабского, воплощение набатейского бога Шай ал-Каум (Shai al-Qaum), который ненавидел алкоголь, и битва между его войском и Дионисом стала центральным эпизодом поэмы. Эта трансформация безусловно основана на местной мифологии. Таковую же этимологию названия «Дамаск» приводит и Стефан Византийский (s.v. ΔΑΜΑΣΚΟΣ). Из недавних работ о Ликурге см. Панченко 2010 и Vednarek 2021.

С (*Σ 1.391.24) Оставив риторику, поэтику и остроумие.

Д (Ф 202) Мы провели вместе восемь месяцев, не расставаясь ни днем, ни ночью.

138

(Ф 203) Я видел бетил, летящий по воздуху, то скрывающийся в складках одежды его хранителя, то вновь оказывающийся в его руке. Имя хранителя было Евсейий, и он рассказывал, что однажды посреди ночи он ощутил необъяснимое желание выйти из города Эмеса и отправиться в сторону горы, на которой стоял древний храм Афины.¹⁸² Достигнув в большой спешке подножия горы, он присел отдохнуть, как это обычно случается после трудной дороги. Вдруг он увидел огненный шар, упавший с небес, и огромного льва, стоящего подле него.¹⁸³ Лев тут же исчез, он же подбежал к шару, огонь в котором же начал угасать, и тут же понял, что это бетил. Взяв его в руку, он спросил, какому богу он принадлежит, и бетил ответил, что принадлежит он «Благородному» (γενναῖος). «Благородного» же в образе льва жители Гелиополя почитали в храме Зевса.¹⁸⁴ В ту же ночь он вернулся с ним домой, пройдя, по его словам не менее ста десяти стадиев. Евсейий не управлял движениями бетила, как это случается с другими, он лишь просил его и умолял, и бетил отзывался на его просьбы. *Рассказывая эти и подобные им глупости, этот человек, достойный своих бетильчиков, описывает вид самого камня.*

¹⁸² Этот храм был разрушен христианами еще во времена Константина (Евсейий, *Церковная история* 3.55).

¹⁸³ Созомен (2.5.5) и Зосима (1.58.1) также связывают появление огненного шара с этой местностью, считая его манифестацией Афродиты.

¹⁸⁴ Эти атрибуты типичны для Гада из Баалбека, в эллинистический период отождествляемого с Зевсом.

Камень представлял собой совершенную сферу, белесую, диаметр которой был величиной с клубок пряжи (σπιθαιαία), однако временами он становился то больше, то меньше и приобретал порфиновый оттенок. Он также показывал нам надпись на камне, окрашенную в так называемый цвет киновари (багряный) и представляющую собой оракул для вопрошающего. Когда он ударял им о стену ... камень издавал мягкий свистящий звук, которому Евсевий давал толкование. *Рассказав о вышеизложенном и дополнив свой рассказ несчетным множеством историй о бетиллах, этот пустоголовый человек добавляет следующее.* По моему мнению, бетил был божественным предметом, однако Исидор считал его скорее дαιμονическим. Он считал, что им движет дэимон, однако не из числа вредоносных и материальных, но и не из числа тех, которые достигли нематериального состояния и совершенной чистоты.

Каждый бетил принадлежит определенному богу, *как он нечестиво пишет*, Кроносу, Зевсу, Гелиосу и другим.

139

(Ф 204 + *Σ 2.326.7) Когда Максимин (а он был убежденным эллином и в силу своей праведности – человеком, способным призывать богов) обращал на кого-то свой взор, он делал это настолько пугающе и пагубно, что те, на кого он смотрел, отводили взгляд. Понимая это, он чаще всего смотрел себе под ноги, нежели на тех, кто попадался ему на пути. В то же время ему довелось увидеть множество чудесных явлений, другими не замеченных. Ему по силам было освобождать злых демонов и отгонять насланных со стороны. И все же он был осужден за нечестие в Византии и не избежал меча.

140

А (Ф 205) Он не понимал смысла философской жизни. И если кто из простых людей и повинен в нечестии...

- В (*Σ 1.75.17) Акаматий из Гелиополя. Он был благожелательнее остальных граждан, однако был настолько простодушным человеком, что полагал, будто без какого-либо предварительного образования и знакомства со словесностью, уже заслуживает того, чтобы носить имя философа. Именно так он всем и представлялся, в результате жители Гелиополя называли его не иначе, как «философ». Его позор да будет наукой другим людям.
- С (*Σ 2.525.20) Он, при случае, похвалялся перед каждым новичком, придумывая правдоподобные истории.
- Д (Σ* 1.75.22) Наш приезд в Гелиополь положил конец той подделки под философию, которую практиковал этот Акаматий. Он также стремился стать предсказателем, что извинительно, так как подобные предметы, при всей своей простоватости, он все же мог охватить.

141

- А (Ф 206) Не сталкиваясь доселе с такими тяжкими и непоправимыми бедствиями.
- В (Ф 207) Ожидаемая им поездка в Карию и Афины очень долго откладывалась.
- С (Ф 208) Иду просить божество о милости.
- Д (Ф 209) Так как Киллений тянул время и откладывал это дело, Исидору ничего не удалось добиться.¹⁸⁵
- Е (Ф 210) Не трать самое дорогое, что у нас есть, – время, как сказал один мудрец.¹⁸⁶

142

- А (Ф 211) настолько тоскливо мне стало, когда я увидел окружающий меня свет божий.

¹⁸⁵ Мы не знаем, о ком или о чем идет речь.

¹⁸⁶ Ср. Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 5.40 (Теофраст), 7.23 (Зенон Китийский).

В (Ф 302 + Ф 212) Асклепий из Берита, по его словам, является богом не греческим и не египетским, но местным, финикийским. У Садика были сыновья, которых идентифицируют с диоскурами и кабирами. А восьмым сыном был Эшмун, которого отождествляют с Асклепием.¹⁸⁷ Будучи очень красивой юношей, прекрасным на вид, он приглянулся, как рассказывается в истории, финикийской богине Астроное, матери богов. Охотясь, как обычно, в этих лесистых ущельях, он увидел богиню, которая охотилась за ним самим. Преследование продолжалось и когда богиня уже почти схватила его, он, сделавшись совершенно безумным, самостоятельно отрубил себе топором детородный орган. Вне себя от горя, богиня призвала Пеана¹⁸⁸ и, возродив юношу своим теплым животворящим дыханием, превратила в божество, финикийцами называемое Эшмун, то есть «тепло жизни». Правда, другие истолковывает имя Эшмун как число восемь, так как он был восьмым сыном Садика.¹⁸⁹

¹⁸⁷ Ср. Филон Библиский (*Финикийская история* 38). По сообщению историка сыновьями Садика были кабирсы и Эшмун. Загадочных морских богов кабирсов, спасающих мореходов и карающих клятвопреступников, культ которых с архаических времен процветал на Лемносе и Самофракии, еще в древности отождествляли с диоскурами, детьми Зевса Кастором и Полидевком, которые также были покровителями мореплавателей (в качестве созвездия Близнецов).

¹⁸⁸ С древнейших времен Пеан был божеством, ответственным за исцеления (см. Гомер, *Илиада* 5.899, *Одиссея* 4.219 и др.). В классический период это в основном эпитет Аполлона или Асклепия. Подробнее см. Афонасин, Афонасина 2017, 137–138, 152–153 и предисловие.

¹⁸⁹ Очевидно, указание на астрономический символизм «восьмой» сферы, расположенной выше «седьмой» планетарной сферы, достаточно популярный в поздней античности. Ср., например, герметический трактат «Беседа о восьмом и девятом» (Коптская гностическая библиотека, кодекс 6.6).

С (Ф 213) Я рассказал об этом Исидору, который всегда благодарно и с энтузиазмом выслушивал истории о богах.

143

А (Ф 214) Решив, что его жизнь в опасности.

В (Ф 215) Но это лишь показывало, насколько глупый выбор он сделал.

144

А (Σ 1.384.9 + Ф 216) Пусть эти слова и не выражают всю мою благодарность Асклепидоту за все его благодеяния.¹⁹⁰

В (Ф 217) Мы отплыли на Самос.

С (Ф 218) Тело опухло от самых стоп до паха и половых органов.

Д (Ф 219) Я заснул на корабле и мне даже приснился сон эротического характера.

Е (Ф 220) Головная повязка, полотенце, орарий (огarium) полатыни, ткань для вытирания лица, платок.

IX

АФИНЫ В КОНЦЕ СТОЛЕТИЯ (ФР. 145–152)

145

А (Ф 221) Никогда прежде мы не слышали о подобном пренебрежении к философии в Афинах, и нам не доводилось прежде видеть такого бесчестия, какому она подвергалась при Гегии.

В (Σ* 2.550.3) Гегий. Он превосходил своего отца [Теагена] добродетелью и образованностью. В молодости он и сам надеялся, и другие верили в то, что он в будущем не уступит в

¹⁹⁰ Из этих разрозненных высказываний можно заключить, что Дамаский с Исидором, после посещения Асклепидота в Александрии, отправились в Эфес, затем морем через Самос в Пирей.

славе великому Плутарху.¹⁹¹ Ведь не зря Прокл счел юношу достойным того, чтобы слушать его комментарии к *Халдейским оракулам*. Он по природе стремился к знаниям и благочестивому образу жизни. Но, как всегда, богатство нанесло большой вред его душе, предоставив тучную ниву льстецам, так что не только деньги (это было бы не так ужасно), но и его юную и неокрепшую душу они поглотили так же легко, как животные траву на зеленом лугу. Именно они разрушили жизнь Гегия и отвратили его от истинного философствования. Отчасти сохраняя былой интерес к исследованиям природы, временами он вообще утрачивал понимание того, что есть правильное размышление. Стремясь быть святее других, он от имени своих родственников втайне (так как не получал у них разрешения) совершал религиозные ритуалы по всей Аттике, и возобновил множество обычаев, к тому времени давно преданных забвению, со рвением отчаянным, но вряд ли благочестивым.¹⁹² Так он приобрел в обществе скандальную известность, а также привлек внимание опасных врагов, одни из которых завидовали огромному состоянию, которым он распорядился, а другие плели против него заговоры при поддержке властей. В том, что касалось благодеяний, в Гегие угадывалось нечто от высокомерной натуры Теагена, но он был расчетливее своего отца, за исключением случаев, когда необходимо было оказать помощь друзьям и нуждающимся.

¹⁹¹ То есть, продолжит славные философские традиции того рода, к которому принадлежал.

¹⁹² Должно быть, учитывая текущую политическую ситуацию, когда язычество повсеместно преследовалось официальной церковью. Люк Бриссон (Brisson 2017, 337) считает, что льстецы, изначально окружающие Гегия, были христиане (возможно, принадлежащие к семье со стороны его жены). Именно они начали ему мстить сразу, как только он вспомнил о своем долге и, не спросив их согласия, стал отверженцем платонической религии.

- А (Ф 223 + Σ 2.464.20 + Ф 222) Евпифий и Архиад, два сына Гегия. Евпифий был пожалуй талантливее [своего брата], но позволял себе поведение, допустимое лишь для простолюдинов и даже более неподобающее, чем у иного простолюдина. Короче говоря, он был значительно хуже своего отца. Архиад же в целом превосходил своей добродетельностью как отца, так и, в немалой степени, многих других, однако он пренебрегал философскими занятиями, так и оставаясь в этом деле неучем из-за развращающего влияния отцовского богатства. Но к святой жизни он стремился более, чем другие, упражняясь в священнодействии на деле и на словах не менее, чем его отец. О Гегии я могу засвидетельствовать то же самое. Так что о чистой совести Архиад заботился не менее старательно, чем иные философы.
- В (Σ 1.78.6) Нет ничего важнее для человека, чем незапятнанная совесть. Надлежит на благопристойный манер сосуществовать со своими ближними. Если же истинное благо противоречит видимому благу, то не следует предпочитать это последнее или же отдавать преимущество чему-либо иному, кроме истины, не избегая опасностей предстоящего спора, не страшась сложного дела, не стремясь к незаконной выгоде и не уступая во имя долгой дружбы или из-за родственных связей.¹⁹³
- С (Σ 3.568.15) Нечестиво представляться мудрецом в великом тому, кто не стал им в малом.
- Д (*Σ 1.389.5) Ведь ненадежным, так сказать, был этот человек и в отношении остальных добродетелей.

¹⁹³ Речь идет скорее не о «sed magis amica veritas», а о религиозной «свободе совести» в ситуации гонений на платоников со стороны христиан.

Е (Σ 2.464.30) Все это было заметно, и я не раз сам наблюдал как его спутники раздувались от пустой и бестолковой снесь. Будучи наполнены этими страстями, они не способны были на сдержанное поведение даже в разгар этого дела. Со стороны все это выглядело как юдоль (μισγύχεια) зла¹⁹⁴ <...> [их поведение] ничем не отличалось от того, что типично для престолюдинов. Диомед¹⁹⁵ был развращен их компанией и, не обладая выдающимися способностями, оказался в еще большей степени подверженным заведенному порядку. Из-за льстецов он утратил способность мыслить здраво, хотя по природе и был человеком, склонным к занятиям философией, которой, как говорил Сократ, не может навредить и которую не может разрушить никакое внешнее зло, но только внутреннее. Так оно и случилось, и философия пала из-за того бесчестия, которое испытала дома. Ведь того человека, который должен был сохранять ее и способствовать ее улучшению, они воспитали сластолюбцем, вознесшимся выше, чем он того достоин, тем самым незаметно для себя самих погрязнув во всевозможных непотребствах.

147

(Σ* 4.358.20) Сильван, философ. В иных отношениях был способным и благочестивым, но нравом простоват и зауряден.

148

А (Ф 224) Телом он был слаб и недалек от смерти.

В (Ф 225) Но теперь он неохотно выслушивал доводы, так как выбор, который представлялся хорошим, не соответствовал его ожиданиям.

¹⁹⁴ Или «долина» или «ущелье» «пороков». Далее очевидная лакуна в тексте.

¹⁹⁵ Мы ничего о нем не знаем. Атанассиади предполагает, что это мог быть один из внуков Гегия.

- С (Ф 226) Часто заводя об этом разговор и настаивая, Марин убедил Исидора признать решение большинства (ψήφισμα) по поводу диадохии [преемства], и он был избран в результате голосования скорее почетным (ἀξιώματι) диадохом Платонической школы (ἐξηγήσεως), нежели на деле (πράγματι).
- Д (Ф 303) Озарив светом густую темень.
- Е (Ф 304) Стронника Марина приняли слова юноши и были ему весьма рады.

149

- А (*Σ 1.377.10) Правителю следует делать все в интересах подвластных. Гегий же считал, что правителю надлежит заботиться не столько об интересах подвластных, сколько о своих собственных. Ведь каждый желает блага сначала для себя, а уже затем для других. Исидор же говорил, что правитель, <если он [настоящий] правитель, заботится о подвластных>; поэтому они его и слушают. Если же он беспокоится и о себе, значит, и он тоже подвластный и нуждается в попечении. Ведь правитель в строгом смысле слова не нуждается ни в чем, хотя как человек <может в чем-то и нуждаться, как в ремесле может нуждаться человек>, даже если он сам мастер, например, доктор в лечении, если сам заболел. Но сама медицина не может заболеть, равно как и врач в качестве носителя медицинских знаний; то же относится и к правителю, если его определить в терминах науки управления. Можно переформулировать это и в логических терминах, тогда окажется, что взаимное отношение между этими вещами выражается не только на словах, но и на деле. То есть, отношение правителя к подвластным и подвластных к правителю и высказывается, и существует, а значит, если власть приносит пользу подвластным, то полезно оно и источнику самой власти.
- В (*Σ 4.734.1) Муж философ приносил добра в жизнь [людей] больше, нежели доблестный царь.

С (Σ 3.162.20) Размеренность и благоразумие – это не только избавление от противоположных им пороков несоразмерности и несдержанности, и способ отстранения от них, это – сама жизнь, активная и осознанная. Одно преобразует худшее в нас в нечто лучшее, а другое – выстраивает и упорядочивает страсти в нашей душе. И, кроме того, в душах всех, к ним приближающимся, они порождают и другие, родственные им добродетели.

150

(Ф 227) «Если, как ты, Гегий, утверждаешь, иератические занятия [теургия] – это божественное дело, – говорил ему Исидор, – то и я, пожалуй, скажу то же самое. Вот только тем, кому должно быть богами, прежде следовало бы стать людьми. Поэтому и Платон говорил, что к людям не приходило дара более прекрасного, чем философия. Но так вышло, что ныне она стоит не на лезвии бритвы, но на острие (ἀκμῆς), воистину, крайней дряхлости (τοῦ ἐσχάτου γήρωος)».¹⁹⁶

151

- А (Ф 305) Трудности в этом деле не прекращались.
- В (Ф 228) Он не осознавал, что уже не мог это излечить, и то, что испорчено, уже не исправить; поэтому он ничего и не достиг.
- С (Ф 229) Ранней весной, когда душа Марина оставила тело, Исидор решил на то, чтобы покинуть Афины.
- Д (Σ* 3.568.16) Так как разыскать исчезнувшего брата было праведным делом, он отправился в Карию.
- Е (Ф 230) Исидор упрасивал Сириана¹⁹⁷ и Гегия поступить как должно и сохранить исчезающую философию.

¹⁹⁶ Цитируется *Тимей* 47b.

¹⁹⁷ Это имя более нигде не встречается, возможно имеется в виду вышеупомянутый Сильван (фр. 147).

Г (*Σ 4.631.21 + *Σ 3.334.19) Он прожил небесполезную жизнь, насколько я могу судить об этом, не обжирался, как многие, вдоволь на пирах и стремился не к бесстыдствам, но к знанию, и спешил к нему под руководством бога.

152

(Σ 4.345.25 + Φ 306) Пока я следовал за речениями философа о его собственной цепи [преемства], само течение мысли каким-то образом направило меня по пути поиска того места, которое занимает его душа в этой цепи [среди других душ этого] чистого хора, и, заставив отклониться в сторону, повело по жизненному пути тех диадохов, которых избрал Прокл.

**ФРАГМЕНТЫ, ТОЧНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ КОТОРЫХ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
УСТАНОВЛЕНО (153–159)**

153

А (Σ* 1.410.11) Исидор говорил, что слышал от него, что душа обладает некой светоносной повозкой (ὄχημα), звездо-подобной и вечной, а также что эту повозку окружает звездо-подобное тело, которое у одних людей находится внутри головы, а у других в правом плече.¹⁹⁸

В (*Σ 3.534.3) Непорочное тело, под стать душе.

154

(Σ 4.223.6) Ему было очевидно то, что мы чувствовали, но все же он делал вид, что ничего не замечает.

¹⁹⁸ Подробнее о знаменитом неоплатоническом учении об «астральном теле души» см. Dodds 1963, 313–321, Finamore 1985 и 2019, Shaw 1995 и 2012.

155

(*Σ 2.314.24) И хотя его тело не было столь же совершенным, как его душа, он упорно трудился и упражнялся, стремясь сделать его более мужественным.

156

(*Σ 2.292.8) В согласии с тем образом жизни, что был избран с самого начала.

157

(Σ 4.788.28) Опасаемся, что с нами могут сыграть злую шутку.

158

(*Σ 1.15.19) Одного желания творить добро не достаточно. Необходимы также мужество и страсть.

159

(Σ 2.573.17) Не смогли они стерпеть и насмешек по поводу сказанного.

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные фрагменты сочинения Дамаския ранее публиковались в следующих журналах: *Платоновские исследования*, вып. 10.1 (2019), 13.2 (2020), 16.1 (2023), *ΣΧΟΛΗ*, вып. 15.2 (2021), 16.1 (2022), 16.2 (2022), и *Журнал интегративных исследований культуры*, вып. 3.2 (2021). Я благодарен их редакторам, в особенности А. Гарадже, за внимание к моей работе.

- Adler, A., ed. (1928–38) *Suidae Lexicon*. Vol. 1–4. Leipzig.
- Afonasin, E. V. (2016) “Pythagorean Numerology and Diophantus’ Arithmetica (A Note on Hippolytus’ Elenchos I 2,” in *Pythagorean Knowledge from the Ancient to the Modern World*, ed. by A.-B. Renger, A. Stavru. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 347–360.
- Afonasin, E. V. (2017) “Neoplatonic Asclepius: Science and religion at the crossroads of Aristotelian biology, Hippocratic medicine and Platonic theurgy,” *Studia Antiqua et Archaeologica* 23(2), 335–351.
- Afonasin, E. V., Afonasin, A. S. (2014) “The houses of philosophical schools in Athens,” *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 8.1, 9–23.
- Armstrong, A. H., ed. (1967) *The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy*. Cambridge.
- Asmus, R. (1911) *Das Leben des Philosophen Isidoros*. Leipzig.
- Athanassiadi, P. ed., transl. (1999) *Damascius. The Philosophical History*. Athens.
- Aujoulat, N. (1986) *Le néo-platonisme Alexandrin: Hiéroclès d’Alexandrie*. Leiden: Brill.
- Bagnall, R.S. (1993) *Egypt in Late Antiquity*. Princeton University Press.
- Baltzly, D., Share, M. (2018) “Hermias: On Plato’s Phaedrus 227A–245E,” in *Ancient Commentators on Aristotle*, ed. by R. Sorabji & M. Griffin. London: Bloomsbury.
- Bednarek, B. (2021) *The Myth of Lycurgus in Aeschylus, Naevius, and Beyond*. Leiden: Brill.
- Bernard, A. (2003) “Sophistic aspects of Pappus’ Collection,” *Archive for History of Exact Sciences*, 93–150.

- Besançon, A. (2000) *The Forbidden Image. An Intellectual History of Iconoclasm*. University of Chicago Press.
- Booth, Ch. (2017) *Hypatia: Mathematician, Philosopher, Myth*. London: Fonthill Media.
- Brisson, L. (2017) "Family, political power and money in the Neoplatonic School of Athens," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11, 333–340.
- Brisson, L., ed. (2005) *Porphyre. Sentences*. Vols. 1–2. Paris.
- Brisson, L. (2018) "The Angels in Proclus: the messengers of the gods," in L. Brisson, S. O'Neil, A. Timotin (eds.) *Neoplatonic Demons and Angels*. Leiden, 209–230.
- Cameron, A. (1969) "The Last Days of the Academy at Athens," *Proceedings of the Cambridge Philological Society*, n.s. 15, 7–29.
- Cameron, A. (2012) *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Cameron, A. (2016a) "Hypatia: Life, Death, and Works," in *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 185–203.
- Cameron, A. (2016b) "The Empress and the Poet," in *Wandering Poets and Other Essays*. Oxford, 37–80.
- Camp, John McK. II. (1990) *The Athenian Agora. A Guide to the Excavation and Museum*. Athens.
- Casson, L. (2001) *Libraries in the Ancient World*. New Haven: Yale University Press.
- Castrén, P., ed. (1994) *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki.
- Cuomo, S. (2000) *Pappus of Alexandria and the Mathematics of Late Antiquity*. Cambridge University Press.
- Cuomo, S. (2001) *Ancient Mathematics*. Routledge.
- Deakin, M. A. B. (2007) *Hypatia of Alexandria: Mathematician and Martyr*. Amherst, NY: Prometheus Books.
- Dillon, J. M. (2007) "The Religion of the Last Hellenes," *Rites et croyances dans les religions du monde romain: huit exposés suivis de discussions*. Genève: Fondation Hardt, 117–147.
- Dodds, E. (1963) *Proclus: The Elements of Theology*. Oxford.
- Donovan, S. (2008) *Hypatia: Mathematician, Inventor, and Philosopher*. Sandy Donovan, Mankato (MN): Compass Point books.
- Dzielska, M. (1995) *Hypatia of Alexandria*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.

- Edwards M. J., transl. (2000) *Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students*. Liverpool.
- Edwards, Robert W. (1987) *The Fortifications of Armenian Cilicia*. Dumbarton Oaks Studies XXIII. Washington, D.C.
- Finamore, J. (1985) *Iamblichus and the Theory of the Vehicle of the Soul*. The American Philological Association.
- Finamore, J. (2012) "Iamblichus on the grades of virtue," in E. Afonasin, J. Dillon, J. Finamore, eds. *Iamblichus and the Foundations of Late Platonism*. Leiden, 113–132.
- Finamore, J. (2019) "Hermias on the vehicle of the soul," in J. Finamore, E. Perl, eds. *Platonic Interpretations*. Lydney: The Prometheus Trust http://www.prometheustrust.co.uk/Hermias_on_the_Vehicle_of_the_Soul.pdf
- Finamore, J., Manolea, Ch.-P., Wear, S. K. (2018) *Studies in Hermias' Commentary on Plato's Phaedrus*. Leiden: Brill.
- Fine, S. (2005) *Art and Judaism in the Greco-Roman World: Toward a new Jewish Archaeology*. Cambridge University Press.
- Frantz, A., Tompson, H., Travlos, J. (1988) *The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A. D. 267 – 700* (Princeton, N. J.); reviewed by P. Castrén in: *Gnomon* 63 (1991) 474–476.
- Fraser, P. M. (1970) *Ptolemaic Alexandria*. Oxford.
- Gertz, S., Dillon, J., Russel, D. (2012) *Aeneas of Gaza. Theophrastus*. Bristol.
- Goddio, F. (2006) *Egypt's sunken treasures*. Munich.
- Haas, C. (1996) *Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict*. Baltimore.
- Hadot, Il. (2015) *Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato*. Leiden: Brill.
- Hahn, J. (2004) *Gewalt und religiöser Konflikt: Studien zu den Auseinandersetzungen zwischen Christen, Heiden, und Juden im Osten des Römischen Reiches (von Konstantin bis Theodosius II.)*. Berlin.
- Hahn, J. (2008) "The Conversion of the Cult Statues: The Destruction of the Serapeum 392 AD and the Transformation of Alexandria into the 'Christ Loving' City," in *From Temple to Church: Destruction and Renewal of Local Cultic Topography in Late Antiquity*, ed. by J. Hahn, S. Emmel, and U. Gotter. Leiden: Brill, 335–63.

- Hällström, G. af. (1994) "The Closing of the Neoplatonic School in A. D. 529: An Additional Aspect," in P. Castrén, ed. *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, 140–159.
- Hannestad, N. (1999) "How did rising Christianity cope with Pagan Sculpture?" in E. Chrysos and I. Wood, eds. *East and West: Modes of Communication. Proceedings of the First Plenary Conference at Merida*. Leiden: Brill, 173–204.
- Harich-Schwarzbauer, H. (2011) *Hypatia Die spatantiken Quellen*. Eingeleitet, kommentiert, und interpretiert. Bern.
- Henry, R., ed. (1959–1977) *Photius. Bibliotheca*. Vols. 1–8. Paris.
- Iles Johnston, S. (2012) "Sosipatra and the Theurgic Life: Eunapius Vitae Sophistorum 6.6.5–6.9.24," in *Reflections on Religious Individuality: Greco-Roman and Judaeo-Christian Texts and Practices*, edited by J. Rupke and W. Spickemann, Berlin, 99–118.
- James, L. (1996) "Pray Not to Fall into Temptation and Be on Your Guard': Pagan Statues in Christian Constantinople," *Gesta* 35.1, 12–20.
- Jones, A. (1986) *Pappus of Alexandria: Book 7 of the Collection*. Vol. 1. New York.
- Jones, A. (1999) "The Horoscope of Proclus," *Classical Philology* 94, 81–88.
- Karivieri, A. (1994) "The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution," in P. Castrén, ed. *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529*. Helsinki, 115–140.
- Knorr, W. R. (1989) *Textual Studies in Ancient and Medieval Geometry*. Boston: Birkhäuser.
- Köhler F. W., ed. (1974) *Hieroclis in aureum Pythagoreorum carmen commentarius*. Teubner.
- Kristensen, T. M. (2009) "Religious conflict in Late Antique Alexandria: Christian responses to 'pagan' statues in the fourth and fifth centuries," in G. Hinge, J. Krasilnikoff, eds. *Alexandria: A Cultural and Religious Melting Pot*. Aarhus University Press, 158–175.
- Lamberton, R. (2001) "The Schools of Platonic Philosophy of the Roman Empire: The Evidence of the Biographies," in *Education in Greek and Roman Antiquity*, edited by Y. L. Too. Leiden, 433–58.
- Lucarini, M., Moreschini, C., eds. (2012) *Hermias Alexandrinus. In Platonis Phaedrum Scholia*. Berlin: De Gruyter.
- Majercik, R. (1989) *The Chaldean Oracles*. Leiden.

- Maldonado, D. (2016) "The Letter Collection of Synesius of Cyrene," in *Late Antique Epistolography*, edited by C. Sogno, B. Storin, and E. Watts. Berkeley, 381–418.
- Mansfeld, J. (1998) *Prolegomena mathematica. From Apollonius of Perga to Late Neoplatonism*. Leiden: Brill.
- Marmodoro, A., Viltanioti, I.-F., eds. (2017) *Divine Powers in Late Antiquity*. Oxford.
- Mogenet, J., Tihon, A., eds. (1985) *Le "Grand Commentaire" de Théon d'Alexandrie aux Tables Faciles de Ptolémée, Livre I* (Studi e Testi 315). Vatican City: Biblioteca Apostolica Vaticana.
- Moreschini, C. (2009) "Alla scuola di Siriano: Ermia nella storia del neoplatonismo," *Syrianus et la Métaphysique de l'Antiquité tardive (Actes du colloque international, Université de Genève, 29 sept.–1er oct. 2006)*, ed. A. Longo. Bibliopolis, 515–578.
- Morrow, G., transl. (1970) *Proclus. A Commentary on the First Book of Euclid's Elements*. Princeton.
- O'Meara, D. (1989) *Pythagoras Revived. Mathematics and Philosophy in Late Antiquity*. Oxford.
- O'Meara, D. (2006) "Patterns of Perfection in Damascius' Life of Isidore," *Phronesis* 51.1, 74–90.
- O'Meara, D., trans., comm. (2019) *Plotin. Traité 19. I, 2, Sur les vertus*. Bibliothèque des textes philosophiques. Paris.
- Oikonomides, Al. N., transl. (1977) *Marinos of Neapolis. The Extant Works, or The Life of Proclus and the Commentary on the Dedomena of Euclid*. Greek Text with facing (English or French) Translation, *Testimonia De vita Marini*, an Introduction and Bibliography. Chicago.
- Penella, R. J. (1984) "When Was Hypatia Born?" *Historia* 33, 126–28.
- Pingree, D. (1976) "Political horoscopes from the reign of Zeno," *Dumbarton Oaks Papers* 30, 144–146.
- Pomeroy, S. (2013) *Pythagorean Women: Their History and Writings*. Baltimore.
- Rome, A. (ed.) (1936) *Commentaires de Pappus et de Théon d'Alexandrie sur l'Almageste, Livre 2* (Studi e Testi 72). Vatican City: Biblioteca Apostolica Vaticana.
- Rome, A. (ed.) (1943) *Commentaires de Pappus et de Théon d'Alexandrie sur l'Almageste, Livre 3* (Studi e Testi 106). Vatican City: Biblioteca Apostolica Vaticana.

- Rome, A. (1926) "Le troisième livre des commentaires sur l' 'Almageste' par Théon et Hypatie," *Annales de la société scientifique de Bruxelles* 46, 1–14.
- Sabotkka, M. (2008) *Das Serapeum in Alexandria*. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale.
- Saffrey, H.D., Segonds, A.-P., eds., transl. (2001) *Marinus. Proclus ou Sur le bonheur*, avec la collaboration de Concetta Luna (Collection des universités de France). Paris.
- Schibli, H.S. (2002) *Hierocles of Alexandria*. Oxford.
- Sesiano, J. (1982) *Books IV to VII of Diophantus' Arithmetica*. New York: Springer.
- Shaw, G. (1995) *Theurgy and the Soul*. Penn State Press. University Park.
- Shaw, G. (2012) "The role of aesthesis in theurgy," in E. Afonasin, J. Dillon, J. Finamore, eds. *Iamblichus and the Foundations of Late Platonism*. Leiden, 91–112.
- Taisbak, Ch., ed., transl. (2003) *Euclid's Data, or the Importance of Being Given*. Copenhagen.
- Taormina, D.P. (1989) *Plutarco di Atene. L'Uno, l'Anima, le Forme (Symbolon viii)*. Università di Catania.
- Tardieu, M. (1990) *Les paysages reliques. Routes et haltes syriennes d'Isidore à Simplicius*. Paris: Vrin.
- Tarrant, H., Baltzly, D. (2017) "Hermias," *The Brill Companion to the Reception of Plato in Antiquity*, ed. by H. Tarrant, D. Layne, F. Renaud, and D. Baltzly. Leiden: Brill, 373–381.
- Tarrant, R. (2005) "Socratic Synousia: A Post- Platonic Myth?" *Journal of the History of Philosophy* 43, 131– 55.
- Tempelis, E. (1998) *The School of Ammonius, Son of Hermeias, on Knowledge of the Divine*. Athens.
- Tihon, A., ed. (1978) *Le "Petit Commentaire" de Théon d'Alexandrie aux Tables Faciles de Ptolémée, Livre I (Studi e Testi 282)*. Vatican City: Biblioteca Apostolica Vaticana.
- Tihon, A., ed. (1991) *Le Grand commentaire de Théon d'Alexandrie aux Tables faciles de Ptolémée. Livre II, III*. Vatican City: Biblioteca Apostolica Vaticana.
- Watts, E. (2006) *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley.

- Watts, E. (2007) "Creating the Academy: Historical Discourse and the Shape of Community in the Old Academy," *Journal of Hellenic Studies* 127, 106–22.
- Watts, E. (2010) *Riot in Alexandria*. Berkeley.
- Watts, E. (2011) "Doctrine, Anecdote, and Action: Reconsidering the Social History of the Last Platonists (c. 430–c. 550 CE)," *Classical Philology* 106, 226–244.
- Watts, E. (2014) "Damascius' Isidore: A Perfectly Imperfect Philosophical Exemplar," *Byzantina et Slavica Cracoviensia* 7, 159–68.
- Watts, E. (2015) *The Final Pagan Generation*. Berkeley.
- Watts, E. (2017) *Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. New York: Oxford University Press.
- Watts, E. (2020) "Athens, Educational Reform and Philosophy," in *Athens in Late Antiquity*, edited by I. Tanaseanu-Dobler and S. Anghel. Tübingen.
- Westerink, L. G. (1976–1977) *The Greek Commentaries on Plato's Phaedo*. Vols. 1–2. Amsterdam.
- Yun Lee Too (2010) *The Idea of the Library in the Ancient World*. Oxford.
- Zintzen, C., ed. (1967) *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*. Hildesheim.
- Афонасин, Е. В. (2021) *Греческие софисты. Фрагменты и свидетельства*. Санкт-Петербург.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2014) *Пифагорейская традиция*. Санкт-Петербург.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2015) *ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной музыки*. Санкт-Петербург.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2017) *Античный космос*. Санкт-Петербург.
- Афонасин, Е. В., пер. (2020) «Ямвлих, О душе», Ямвлих, *Собрание творений в четырех томах*. Т. 4: Толкования. Санкт-Петербург, 283–326.
- Афонасина, А. С. (2020) «Идеальная религия для идеального города», *Идеи и идеалы* 12.2.4, 330–350.
- Ведешкин, М. А. 2019. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи», *Диалог со временем* 66, 348–363.
- Гюнтер, Р., Корсунский, А. П. (1984) *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств*. Москва: МГУ.

- Дорофеев, Д. Ю. (2021b) «Античные философы в Санкт-Петербурге: визуально-пластическое образование города и человека», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 15,2, 868–893.
- Жмудь, Л. Я. (2021) «Две античных классификации наук: Аристотель и Гемин», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 15, 265–288.
- Месяц, С. В. (пер.) 2013a. «Порфирий. Подступы к умопостижаемому», В. В. Петров (ред.) *ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма*. Москва, 758–791.
- Месяц, С. В. 2013b. «Трансцендентное начало в неоплатонизме и учение о генадах», В. В. Петров (ред.) *ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма*. Москва, 169–209.
- Панченко, Д. В. (2020) «Ликург – небесный покровитель Спарты», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 14,2, 674–692.
- Петер, И., пер. (1996) *Пифагорейские Золотые стихи с комментариями философа Гиерокла*. Москва.
- Петрова, М. С., ред. (2017) *Аристотель. Идеи и интерпретации*. Москва.
- Светлов, Р. В., пер. (2020) «Ямвлих, Комментарии на диалоги Платона», Ямвлих, *Собрание творений в четырех томах*. Т. 4: Толкования. Санкт-Петербург, 7–233.
- Сидаш, Т. Г., сост., пер. (2014) *Синезий Киренский. Полное собрание творений*. Т. 2: *Письма*. Санкт-Петербург.
- Щетников, А. И., пер. (2013) *Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида*. Москва.

SYMMARY

ANCIENT PHILOSOPHY AND THE CLASSICAL TRADITION.

ΣΧΟΛΗ SUPPLEMENTS

Vol. I (2020): The Pythagorean Tradition. Selected works by Eric Dodds, Walter Burkert, and John Rist in a Russian translation.

Vol. II (2021): The Poem of Parmenides. A Translation into Russian and Commentaries by Eugene Afonasin.

Vol. III (2021): The Strasburg Papyrus of Empedocles. A Translation into Russian and Commentaries by Anna Afonasina.

Vol. IV (2021): Classical Philosophy in Novosibirsk Scientific Center. An Annotated Bibliography. Edited by Eugene Afonasin and Marina Volf.

Vol. V (2021): Igor Berestov. Zeno of Elea in Contemporary Translations and Philosophic Discussions.

Vol. VI (2022): Teaching Classics. Novosibirsk schools 2007–2013. Invited lectures by John Dillon, Dominic O'Meara, Luc Brisson, Michael Chase, Leonidas Bargeliotes, David Konstan, Teun Tieleman, and Thomas Robinson.

Vol. VII (2023): Damascius. *The Philosophical History*. A Translation into Russian and Commentaries by Eugene Afonasin.

Научное издание

ДАМАСКИЙ
ФИЛОСОФСКАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
Е. В. АФОНАСИН

Формат 60x84/16. Усл. п. л. 10,1.

Заказ № 800

Подписано в печать 15.05.2023.

Тираж 100 экз.

Напечатано в ООО «Офсет-ТМ».

630090, Новосибирск, ул. Терешковой, 29, офис 106